

Александр Александрович Бушков
Россия, которой не было.
Славянская книга проклятий
Серия «Россия, которой не было», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166152

Россия, которой не было. Славянская книга проклятий: ОЛМА Медиа Групп; Москва; 2011
ISBN 978-5-373-04042-6

Аннотация

Мы плохо знаем историю своей страны. Речь идет не об официальной истории, которая полна «белых пятен» и неразгаданных тайн, которая грешит подтасовкой фактов, невежественной трактовкой и вечным политическим окрасом. Речь идет о нашей истинной истории.

Рассказ о России со времен Крещения Руси и до конца Петровской эпохи в исполнении А. Бушкова звучит необычно и наверняка у многих вызовет гнев и крайнее раздражение, потому что автор посягает на устоявшиеся представления. Эта книга – эталон непредвзятого и добросовестного исторического исследования и спорить с ней будет трудно.

Содержание

Глава первая	6
Частный сыщик и прошлое	6
Среди мифов, как среди рифов	9
Курьезы и анекдоты	16
Случай и случайности	20
Незадачливый король Ежи	25
Корабли-призраки 1492 года?	28
Глава вторая	34
Проклятие епископа	34
Проклятие княгини Раины	36
Глава третья	38
Змея и летопись	38
Как была крещена Русь?	40
О Константине и Мефодии	43
Смерть на Днепре	45
И пришли миссионеры	48
О бедных хазарах замолвите слово...	50
Виртуальность-1: тиара над Россией	55
Виртуальность-2: полумесяц над Россией	66
Глава четвертая	71
О том, что известно всем	71
Версия	72
Об истории, историках и фактах	74
Где монголы?	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Александр Бушков

Россия, которой не было.

Славянская книга проклятий

© А. Бушков, 2005

© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011

* * *

Читателя убедительно просят не усмотреть в этой книге простое, механическое переиздание «России, которой не было». Это, говоря казенным языком, «издание дополненное и расширенное». За девять лет, прошедших со дня выхода первого варианта, в распоряжении автора оказалось немало новых материалов, источников, опубликованных документов. От некоторых своих взглядов пришлось отказаться, но вот другие теории и версии лишь обогатились фактами.

Будь я ученым, поступил бы так, как принято среди этого сословия: написал бы еще дюжины две статей с ритуальными заглавиями: «К вопросу о...», «Еще раз к вопросу о...», «И снова к вопросу о...». Однако я не более чем исследователь, популяризатор, въедливый критикан, чего уж там. И вся новая информация, которой в последние годы изрядно прибавилось, попросту вплетена в уже существующие тексты. Что-то дополнено, что-то исправлено, что-то оставлено в неприкосновенности – потому что о иных событиях прошлого не то что я, а вся Академия наук не в состоянии раздобыть новых документов и свидетельств (как это обстоит, например, со смутным временем Российского государства).

А, в общем, оказалось, что эти многолетние изыскания послужили лишь прологом к совершенно новой книге, которая в скором времени будет. И называться она, вероятнее всего, станет «Планета Земля, которой не было». Именно так. Глава «Естествознание в мире духов» из «России, которой не было-3», выяснилось – всего лишь пролог к этой ненаписанной пока книге.

В конце концов, любительские расследования имеют право на существование – учитывая, с каким почетом сейчас ученые мужи относятся к купцу Шлиману, богослову Дарвину и военному врачу Гексли ...

А. Бушков

Не быть тебе творцом, когда тебя ведет к прошедшему одно лишь гордое презренье. Дух – создал старое: лишь в новом он найдет основу твердую для нового творенья.

К. П. Победоносцев

Глава первая Исповедь хулигана

Частный сыщик и прошлое

В свое время, классе в шестом, когда писали сочинение на избитую тему вроде «Кто-ты-будешь-такой?», я несколько опрометчиво заверил милейших педагогов, что собираюсь стать историком и непременно раскрыть парочку исторических загадок (уж и не помню, каких именно).

Первую часть обещания, грешен, так и не выполнил. Зато теперь, спустя тридцать лет, настало время выполнить вторую – я имею в виду раскрытие исторических загадок. Путь к этой цели был сложен, прихотлив и, пожалуй что, зигзагообразен (я имею в виду не траекторию физического тела под наименованием хомо сапиенс, а прихотливые зигзаги писательского вдохновения). Хотя, если подвергнуть все тщательному анализу, возможно, и выяснится, что случайностей здесь гораздо меньше, чем может показаться мне самому.

Своим рождением эта книга обязана трем немаловажным факторам: любви к истории, любви к логике и любви к детективам. Три этих привязанности, как пресловутые три кита, во многом и определили саму жизнь автора этих строк.

В школе он был жутким двоечником (особенно преуспев на сем поприще в том, что казенно именуется «изучение литературы»), за одним немаловажным исключением: школьный учебник истории я обычно еще до начала нового учебного года прочитывал за день – а потом весь год, ничуть не напрягаясь, получал пятерки.

Развитием логического мышления обязан Станиславу Лему, чьи книги впервые открыл тридцать с лишним лет назад и по сей день с ними не расстаюсь, перечитывая и в переводах, и в оригинале. Лучшего учебника логики найти невозможно. Вообще, Лем – наверное, единственный автор, которого я не только беззаветно люблю, но и временами побаиваюсь. Его холодная, убийственная, безукоризненная логика настолько совершенна, что временами кажется прямо-таки нечеловеческой. Под «нечеловеческим» я имею в виду не «стоящее вне человеческого опыта», а скорее – «находящееся *над* неким пределом человеческих возможностей». И если уж пытаться в самопознании достичь предельно возможных глубин – пожалуй, могу сказать о себе, что вся моя творческая биография есть бесконечная попытка хотя бы приблизиться к Лему во владении логикой. Именно так – не подражать стилю, не разрабатывать схожие темы, а стараться овладеть логикой елико возможно мастерски.

Занятие в наш век, конечно, неблагоприятное – если вспомнить, что отшумевшая «перестройка» была, собственно, жутчайшей вакханалией абсолютно нелогичного мышления. Впрочем, ситуация меняется, так что не все еще потеряно...

Наконец, любовь к детективам. Что до этого пункта, питаю наглую мысль: связь между мною и детективом вряд ли стоит сопровождать долгими комментариями, поскольку тот, кто читает эти строки, наверняка читал мои детективы, а кое-кто, хочется верить, даже дочитал до конца...

Словом, однажды все сплелось воедино – любовь к истории, кое-какие навыки логического мышления и страсть к детективным расследованиям. Именно эти три компонента и породили данную книгу. Рожденную, особо подчеркну, не из желания в очередной раз шокировать нашего утомленного сенсациями читателя, а вполне серьезно разобрать некоторые исторические загадки, исследовать события, которые (теперь я в этом свято убежден)

происходили немного не так, точнее говоря, совсем не так, как нам об этом рассказывает официальная историография.

Как справедливо заметил сэр Исаак Ньютон, мы все стоим на плечах гигантов. В моем случае предшественниками, укрепившими в убеждении не сходить с избранного пути, послужили, пожалуй, два человека: блестящий историк Натан Эйдельман, не пугавшийся исследовать альтернативные варианты истории («Не было. Могло быть»), и английская писательница Джозефина Тей, в романе «Дочь времени» продемонстрировавшая великолепный пример логичного и вдумчивого расследования исторической загадки – и вдобавок показавшая, как рожденный сотни лет назад миф может заслонить *реальные* события, как переживает своих создателей клевета, как недостаток логики прочно укореняет чьи-то корыстные выдумки в качестве официально признанной, канонизированной версии истории.

Появившиеся в последнее время работы академика Фоменко, посвященные «Новой хронологии», лишь подхлестнули давнее желание испробовать свои силы на поприще частного сыщика, разгадывающего исторические загадки. В этой книге, то и дело переплетаясь, будут присутствовать обе линии: развенчание некоторых крайне устойчивых мифов и попытка дать собственное истолкование давним-давно отгремевшим событиям. Ну, а попутно в меру сил и возможностей я попытаюсь справиться с иными загадками прошедших столетий.

Те, кто привык механически принимать на веру все, о чем гласят толстые, умные, написанные ученым языком книги, могут сразу же выбросить сей труд в мусорное ведро. «Россия, которой не было» рассчитана на другую породу людей – тех, кто не чурается дерзкого полета фантазии, тех, кто старается доискаться до всего своим умом и рабскому следованию «авторитетам» предпочтет здравый смысл и логику. История не есть нечто застывшее, окостеневшее. Совсем недавно, на нашей памяти, с грохотом рушились авторитеты, не столь уж давние события получали совершенно иное толкование, а штампы и ярлыки опадали, как осенние листья в грозу. Процесс далеко не закончен – и потом, не стоит забывать: если событие или документ допускают двойное (а то и тройное) толкование, право на жизнь имеют *все* версии. По крайней мере, именно такова практика: хороший сыщик и в романе, и в жизни обязан отработать *все* версии, а не следовать политической конъюнктуре или каким-то своим шкурным соображениям.

Увы, в последние годы этот принцип нарушался самым вульгарным образом. Достаточно вспомнить сонм перестроечных публицистов, вбивавших в сознание читателя, как гвоздь, одну-единственную версию: виновник загадочной смерти М. В. Фрунзе на операционном столе – злодей Сталин. Потому что больше некому. Потому что Сталин, просыпаясь утром, чувствовал жгучее желание сотворить до заката уйму злодейств и, не успев натянуть штаны, начинал прикидывать: «А кого же мне сегодня зарезать?»

Между тем такой ход рассуждений противоречит самой природе детективного расследования. Обнаружив в гостиной труп миллионера Джона Смита и узнав, что наследниками скончавшегося от пули в затылок богача были господа Икс, Игрек и Зет, самый тупой полицейский не успокоится, пока не проверит алиби *всей* троицы. Применительно к нашему случаю это означает, что кроме Сталина под подозрением с равным успехом могут находиться и Троцкий, и Тухачевский. Именно Троцкого Фрунзе сменил на высших армейских постах (вспомните железный принцип римской юриспруденции «Кому выгодно?»), а склонность Тухачевского в самом прямом смысле *убирать* тех, в ком он видел соперников и конкурентов, давно уже не является секретом... Взять хотя бы недоброй памяти операцию «Весна», когда в конце двадцатых – начале тридцатых годов (Сталин был еще не всевластен) по инициативе Тухачевского было физически уничтожено около трех тысяч командиров армии и флота (в основном бывших царских офицеров, имевших несчастье превосходить в чем-то бывшего поручика, преуспевшего, главным образом, в уничтожении бунтующих крестьян).

Этот пример я привожу, чтобы проиллюстрировать свой главный принцип: подвергая сомнению, следуя строгой логике и незыблемым законам детективного расследования. Именно поэтому лично я уверен, что Виктор Суворов, ругаемый и оплевываемый иными ревнителями идеи коммунизма, был всецело прав: Сталин и в самом деле готовил операцию «Гроза» – сиречь неожиданный удар по Германии с выходом в Европу. Убеждает меня в этом не «любовь к Сталину» (к ушедшим в небытие до нашего рождения историческим деятелям, строго говоря, нельзя испытывать ни любви, ни неприязни), а холодная логика. Совершенно нелепая череда странностей, приведшая к форменному краху 22 июня 1941 г., может иметь только это единственное объяснение. В противном случае придется признать, что Сталин, гений упорства и недоверия, на несколько предвоенных месяцев словно бы сошел с ума – а потом, после удара немцев, столь же стремительно выздоровел, обретя прежнюю железную волю и недоверие решительно ко всем. Истории медицины подобные примеры неизвестны. Следовательно, Гитлер и в самом деле сорвал своим ударом операцию «Гроза» – мне, кстати, без особого труда удалось отыскать в открытых источниках немало примеров, работающих на версию Суворова, это не так уж трудно, если искать усидчиво...

Допускаю, кого-то эта книга форменным образом разозлит – особенно в той ее части, где отрицается само существование «татаро-монгольского ига» или делается попытка доказать, что первоначальное крещение Русь получила вовсе не от Византии. В свое оправдание могу сказать одно: изучая то, что именуется «достоверными свидетельствами», я не делал никаких натяжек. Ничего не притягивал за уши, не выдергивал фразы из контекста и не перевирал смысла. Просто-напросто пытался в меру сил и умения дать *другое* толкование кое-каким «общеизвестным истинам». Не моя вина, что эти истины допускают двойное толкование. Отнюдь не моя.

Что очень важно, я не хотел никого обидеть, прошу иметь это в виду. И очень надеюсь, что в некоторых главах никто не усмотрит глумления над православием, равно как не заподозрит автора в русофобии и тому подобных грехах. Мною двигали не «фобии» и не «филии», а скорее уж слова Сенеки: «Да, я преклоняюсь перед всем, что создала мудрость, и перед самими создателями; мне отраднее видеть в ней наследие многих, накопленное и добытое их трудами для меня. Но будем и мы поступать, как честные отцы семейства: умножим полученное, чтобы это наследие обогащенным перешло от нас к потомкам... Но пусть даже все открыто древними – всегда будет ново и применение открытого другими, и его познание и упорядоченье».

Одним словом, я не могу знать заранее, какие чувства будет испытывать читатель этой книги, но могу думать, гарантировать одно: скучать ему не придется...

Среди мифов, как среди рифов

Примечательно, что к мифам чаще всего прилагают эпитет «устоявшиеся». Здесь-то и таится корень зла: мифы укореняются в сознании в результате нехитрого процесса – механического повторения. Никто не дает себе труда вернуться к первоисточнику, и ошибочное утверждение кочует из книги в книгу, из статьи в статью. А потом к нему привыкают настолько, что иная точка зрения представляется вовсе уж злодейским покушением на устои...

Рассмотрим несколько примеров.

Вы и в самом деле полагаете, что институт комиссаров в армии – изобретение большевиков? Зря. Комиссары впервые появились... в армии Соединенных Штатов Америки. В первой половине XIX века. «Комиссар – назначенный правительством в воинскую часть чиновник, в чьи обязанности входит следить за моральным и политическим духом военных». Знакомая формулировочка, не правда ли? Главное отличие в том, что американские комиссары не имели такой власти, как большевистские, но крови из военных, пусть и в переносном смысле, попили изрядно, можете не сомневаться... Нужно же было отрабатывать жалованье и доказывать свою полезность. При случае перечитайте роман Майн Рида «Оцеола, вождь семинолов» и уделите внимание изображенному там «господину правительственному агенту Уайли Томпсону». Сию фигуру Майн Рид, бывший офицер, списал с натуры. Без всякой симпатии, понятно...

Вы и в самом деле полагаете, что уничтожение памятников архитектуры – злодейская выдумка большевиков? Зря...

Давайте посмотрим хотя бы, как обстояли дела в святая святых России, московском Кремле при правлении отнюдь не проникнутых идеями Маркса самодержцев всероссийских.

«Век золотой Екатерины». Екатерина Великая, в начале своего царствования отдавшая приказ «охранять и содержать в исправности кремлевские покои», со временем увлеклась мыслью создать новый грандиозный кремлевский дворец. Архитектор Баженов подготовил соответствующий проект, однако его воплощению в жизнь помешала Русско-турецкая война с ее огромными расходами. От всей затеи осталась лишь деревянная модель – но при очистке площади под будущий дворец успели-таки снести многие старинные постройки, в том числе каменные здания приказов эпохи Федора Алексеевича...

Первые годы XIX столетия. А. П. Валуев, тогдашний начальник дворцового управления, поставил себе задачей «очистить Кремль». Был уничтожен ряд зданий, в том числе знаменитые Колымажные ворота, по определению изданной до революции книги о Кремле – «прелестный образец каменной кладки эпохи расцвета национального искусства XVII века».

На Ивановской площади Кремля стояло когда-то несколько церквей, из которых особенно достопримечателен был по древности, по судьбе своей и по значению в истории русского просвещения собор Николы Гостунского. Именно в этом соборе был дьяконом первопечатник Иван Федоров. Построен собор в 1506 г. на месте старой деревянной церкви, именно в нем приносили присягу при восшествии на престол Петр III и Екатерина II. Почитаемый москвичами наряду с другими кремлевскими соборами, храм Николы Гостунского уцелел при нашествии французов... но был уничтожен в 1817 г. В Москву должен был приехать император Александр, сопровождая прибывшего с визитом прусского короля. Чья-то чиновная голова рассудила, что следует снести старинный храм, как «делающий безобразие Кремлю», – и собор, чтобы не возбудить народного ропота, снесли за одну ночь, а на его месте устроили плац-парад...

Царствование Николая I. При постройке Большого Кремлевского дворца снесены старинная церковь Николая Предтечи, царские хоромы XVII века, сооруженный Растрелли дворец Елизаветы. Этот печальный список, не имеющий никакого отношения к большевикам, можно продолжать и продолжать...

Пример из другой оперы. Мы привыкли считать, что теория «белокурой бестии» и «превосходства арийской расы над всеми прочими недочеловеками» создана некими безымянными «нацистскими идеологами». Вновь ошибка, кочующая из книги в книгу. Все это придумал чистокровный британец Х. С. Чемберлен (1855–1927), социолог и культуролог. Сей субъект в конце прошлого века переселился в Германию, принял германское подданство, возлюбил дух Нибелунгов настолько, что все свои труды отныне писал исключительно по-немецки. Именно из-под его блудливого пера и появились «белокурые бестии», «примат арийской расы» и «высшая германская нация». Нацисты лишь творчески развили поганое наследство Чемберлена...

Еще о блудливых перьях. В последние годы отчего-то вдруг объявил себя матерущим антикоммунистом писатель Виктор Астафьев. Да-да, тот самый – Герой Социалистического Труда, кавалер ордена Ленина, лауреат совдеповских премий и собутыльник парочки генсеков. Что поделать – года после 1991-го многие разуверились в коммунистической идее, в том числе члены Политбюро ЦК КПСС и генералы КГБ... Но суть не в том. Последнее время Астафьев (прозванный красноярскими ветеранами войны «злостственным старичком») усиленно внедряет в сознание читателя простую, как мычание, идею: во время Великой Отечественной комиссары отсиживались в землянках на безопасном удалении от передовой, а солдаты войск НКВД только тем и занимались, что палили из пулеметов в спину простой пехоте.

Я не питаю любви ни к комиссарам, ни к войскам НКВД. Однако вспомнил поговорку об истине и Платоне – благо Астафьев мне и не друг. И вспомнил еще о муже сестры моей бабушки, офицере КБВ (Корпус Беспеченьства Войскового – аналог СМЕРШа в Войске Польском). Насколько я знал, эти парни стреляли не в спины собственным солдатам, а в лоб всякой нечисти вроде «лесных братьев», бандеровцев и власовцев. Задумался. Полез в первоисточники.

Были, конечно, и заградительные отряды (к слову, впервые в русской истории изобретенные Петром I для Полтавской битвы). Однако основная масса дивизии НКВД не охраняла концлагеря, а шла на немецкие танки бок о бок с армейской пехотой. В сорок первом под Москвой немцев останавливали и войска НКВД – однако впоследствии они как-то выпали из военной истории, их подвиг забылся, а ветераны стыдились даже упоминать, где служили. Виной всему, конечно, порнографическое шоу под названием «XX съезд КПСС» (к подробному рассмотрению коего я обращаюсь в одной из последующих глав).

Вернемся к комиссарам. Свидетельствует писатель Иван Стаднюк, повоевавший даже малость поболее Астафьева – с первого дня войны. «Из училища нас выпустили в конце мая 1941 г. полторы тысячи человек (три батальона политработников). А после войны по картотеке партучета Политуправления сухопутных войск я выяснил, что из них уцелело всего лишь около двух десятков...».

А ведь училище, которое закончил Стаднюк, было отнюдь не единственным... Двадцать уцелевших из полутора тысяч – как вам процент потерь? Не похоже на «блиндажи в глубоком тылу»...

Можно быть антикоммунистом, коли это модно и безопасно. Когда это модно и безопасно. Вот только не надо гадить на солдатские могилы. Это святое. Даже душегуб Малюта Скуратов, заклеянный всеми мыслимыми эпитетами еще при жизни, заслуживает свечки, поставленной в церкви за его душу, потому что погиб честной солдатской смертью, командуя русскими войсками при осаде литовской крепости Пайда в Ливонской войне.

Солдатские могилы... С чьей-то легкой руки внедрился и не собирается умирать один из самых живучих мифов, сопровождающих Вторую мировую войну, – миф о том, что в сентябре 1939 г.

Польша под натиском гитлеровцев хрупнула, как гнилой орех. Что никакой войны, там, собственно, и не было – если не считать дурацких атак на немецкие танки в конном строю.

Однако факты – вещь упрямая. Не было никаких «конных атак на танки». Давным-давно доказано, что это геббельсовская кинофальшивка, исполненная к тому же крайне примитивно, – на мнимых уланах собранные с бору по сосенке мундиры, вовсе не имевшие отношения к кавалерии...

1 сентября 1939 г. возле деревни Кроанты 18-й уланский полк польской кавалерии под командованием полковника Маштелажа пошел в атаку не на танки, а на 20-ю дивизию немецкой мотопехоты, чье продвижение остановил и какое-то время успешно сдерживал. Другие кавалерийские атаки проходили опять-таки не против танков, вдобавок по всем правилам войны – при поддержке бронетехники и артиллерии. Кроме того, следует помнить: слова «атака польской кавалерии» еще не обязательно означают несущуюся в чистом поле кавалерийскую лаву. В составе знаменитой Десятой кавалерийской бригады кроме 10-го конно-стрелкового и 24-го уланского полков были еще подразделения танков, броневыводов, противотанковая и зенитная артиллерия, саперные батальоны и даже эскадрилья штурмовиков огневой поддержки, однако при описании боевых действий сплошь и рядом упоминалась просто «Десятая кавалерийская бригада», что само по себе могло породить недоразумения...

Вернемся к определению польских конных атак как «дурацких». Точнее, к описанию *другой* кавалерийской атаки на пушки и пулеметы. Речь идет об одной из операций Кубанской казачьей дивизии.

«Лето 1916 года. Бои на Стоходе. От командира пехотной бригады телефонный звонок к начальнику казачьей дивизии: “Не поможете ли своими казаками поднять наши цепи? Наша атака захлебнулась”.

Кубанцы – две сотни, и с ними пулеметы на вьюках. Серые черкески, за спинами алые башлыки, черные бараньи шапки с красными тумакками, алые бешметы и погоны – ничего “защитного”. Развернулись широкою лавою, целый полк прикрыли. Впереди на нарядном сером коне командир сотни, еще дальше впереди на гнедом коне командир дивизиона. Как на смотру – чисто равнение. Легко по луговой мокрой траве спорю рысью идут горские кони, не колышутся в седлах казаки. Им навстречу немецкие батареи открыли ураганный огонь, застрочили кровавую строчку пулеметы, котлом кипит огонь винтовок – чистый ад с Любашевского берега. По брюхо в воде бредут кони через главное русло, стих огонь немцев, в их рядах замешательство, слишком непонятно-дерзновенна казачья атака.

Наша пехота встала и с громовым “ура” бросилась за казаками в воду. Стоходненский плацдарм был занят».

Любопытно, отчего же конная атака на пушки и пулеметы в 1916 г. по праву именуется отважной, а подобная ей (вполне возможно, и в самом деле имевшая где-то место в сентябре 1939-го) объявляется смешной, нелепой и дурацкой? С этой точки зрения глупцом предстает и солдат, бросающийся с гранатой на танк, – поскольку силы представляются очень уж неравными...

Солдат, защищающий свою землю, не может быть ни смешным, ни нелепым.

Еще о «гнилом орехе». У нас как-то не принято было прежде упоминать маршала Юзефа Пилсудского без приставки «фашистский диктатор». Меж тем этот яркий и неординарный политик если и был диктатором, то в первую очередь – национальным. После переворота 1926 г. (к тому времени в парламенте и вокруг увлеченно баловались политикой аж двести партий, а президент страны был убит правым экстремистом) Пилсудский среди

прочего наладил и производство современного вооружения. Польские танки 7-ТР как минимум не уступали немецким, а военная авиация была представлена самолетами всех видов, собственной разработки и постройки: двухмоторные бомбардировщики ЛВС-6 «Зубр» и ПЗЛ-37Б «Лось», штурмовики ПЗЛ-23А «Карась» и ПЗЛ-46 «Сом», истребитель ПЗЛ-Р-50 «Ястреб». Другое дело, что техники порой катастрофически не хватало...

И все же... Достаточно полистать любую популярную книжку о Второй мировой войне, сверить даты и сроки, чтобы убедиться:

Польша продержалась *дольше* любой европейской страны, подвергшейся гитлеровскому вторжению, – и это при том, что на некоторых участках немцы имели пятнадцатикратное превосходство в бронетехнике. К Варшаве немцы вышли 15 сентября, через две недели боев. Иными словами, чтобы преодолеть двести пятьдесят километров, отделявших польскую столицу от германской границы, вермахту потребовалось две недели (и еще примерно столько же длились последние бои). Вы, случайно, не помните, на каких рубежах находились германские войска числа восьмого июля 1941-го? При том, что Красная Армия была, скажем так, *немножко* побольше польской?

Между прочим, сражение на реке Бзуре, где поляки нанесли мощный контрудар, было во всех деталях описано немецкой «Фелькишер беобахтер» – причем геббельсовские журналисты, отнюдь не склонные расточать похвалы славянским недочеловекам, все же сквозь зубы признали за поляками и воинское мастерство, и героизм.

Можно еще упомянуть и о героической обороне Вестерплатте – когда горсточка солдат и курсантов неделю держалась против немецких десантников, поддержанных с моря орудиями главного калибра крейсера «Шлезвиг-Гольштейн». О героическом рейде подводной лодки «Орел», прорвавшейся из Балтики в Великобританию. О дивизионе майора Генрика Добжаньского, который до весны 1940 г. партизанил в лесах в качестве кавалерийской части – и лишь впоследствии расстался с лошадьми, уходя из облавы. Рассказать можно о многом, но это потребовало бы отдельной книги...

Чтобы понять, откуда взялась сказочка о «гнилом орехе» и дебилах-конниках, несущихся с шашками наголо на танки, следует вспомнить об одном немаловажном факторе: 17 сентября 1939 г. на территорию Польши вторглась и Красная Армия – по подсчетам историков, 30 пехотных, 20 кавалерийских дивизий и 12 моторизованных бригад. Против этой армады на восточных границах стояли лишь пограничные части и несколько маршевых батальонов с легким стрелковым вооружением. Через пару недель состоялся советско-германский военный парад, а весной 1940-го гестапо и НКВД начали совместные операции против польского подполья в Кракове...

Сказка о «гнилом орехе» была выгодна всем. Немцам – как лишнее доказательство неполноценности славян. Советские военные наконец-то рассчитались за позорно битого в двадцатом «великого полководца» Тухачевского. (Кстати, я не могу отделаться от впечатления, что разбитый Пилсудским Тухачевский тихонько повредился в уме на почве Польши. Сохранилась подробная стенограмма совещания высшего командования РККА 1935 г., где Тухачевский, словно шаманское заклинание, повторяет с пеной у рта: «Все зло от Польши, если кто-то на нас и нападет, то это, несомненно, будет Польша...»¹)

И, наконец, каким бы диким это ни показалось иным нашим либералам, легенда о «гнилом орехе» оказалась полезна той самой «западной демократии», в которой деятели розлива Новодворской все еще видят некий рай...

Увы, все так и обстояло. Проинформировав своих союзников Англию и Францию о вооруженном вторжении Советов, польский министр иностранных дел Бек заявил, что ожи-

¹ Эти материалы вполне доступны. Рекомендуется для чтения тем, кто продолжает считать Тухачевского великим стратегом...

дает от них «занятия решительной позиции в отношении советского правительства». Вам интересно знать, как отреагировали страны, имевшие с Польшей договор о совместной обороне?

Франция промолчала *вообще*. Британское правительство в сообщении от 18 сентября заявило, что, вообще-то, нападение на Польшу «не может быть оправдано выдвигаемыми Москвой аргументами», однако поторопилось уточнить: «...полное значение этих событий нам еще не вполне ясно, но НИЧЕГО ИЗ ТОГО, ЧТО ПРОИЗОШЛО, не может повлиять на отношение Великобритании к России и войне».

Ларчик открывался просто. Черчилль, в то время первый лорд Адмиралтейства (военно-морской министр), и Галифакс² были одержимы одной-единственной конкретной задачей: направить советские войска против Германии, дабы агонизирующая Британия выстояла. В свете такой задачи все призывы польского руководства и напоминания о гарантиях были для британских джентльменов чем-то сродни зудению назойливого комара...

Закончить рассказ о сентябре 1939 г. хочется одной тайной, до сих пор остающейся неразгаданной. Согласно воспоминаниям польских старших офицеров, во время боев с советскими войсками захваченные в плен красноармейцы (командир и несколько десятков солдат) выразили желание... совместно с поляками воевать против немцев. На счету был каждый штык, и поляки решили рискнуть. Пленные получили свободу и оружие, влились в состав одной из частей, пытавшихся прорваться из окружения, и, согласно тем же воспоминаниям, «показали себя храбрыми солдатами и хорошими товарищами».

Дальнейшая судьба наших земляков, вступивших в войну с Гитлером за два года до его нападения на СССР, покрыта мраком неизвестности. Согласно тому же польскому источнику, в конце сентября красноармейцы вместе с поляками оказались в немецком плену. После чего их следы теряются. Быть может, имело бы смысл покопаться в архивах НКВД – но кто же нас туда пустит...

Еще о «демократическом Западе, рае земном». В сочетании с «еврейским вопросом». Особо нервных просят не беспокоиться – речь идет не о России. По моему глубочайшему убеждению, так называемый «еврейский вопрос в России» прекратил свое существование одновременно с уходом в небытие невежественного и горластого племени, именовавшегося «советской интеллигенцией». Равно как и с возникновением нормальных (ну, почти что нормальных) рыночных отношений.

История вопроса проста, как мычание. Все баталии и сшибки, вся вялотекущая борьба «патриотов» с «сионистами» были вызваны примитивнейшим фактором: теснотой жизненного пространства (поскольку «борцы» из обоих лагерей практически все наперечет принадлежали к интеллигенции, жизненное пространство сужалось еще более). Лучший язык для общения – говяжий...

А его-то как раз и не было. Вернее, имелся, но в мизерных количествах. Меж тем любой, кто хоть однажды давился в очереди за дефицитом, знает: пробиваться к прилавку тесной сплоченной группой не в пример легче. Вот и формировались ударные отряды «борцов с жидомасонством» и «борцов с черносотенством». Слишком многих записных борцов с той и с другой стороны я знал лично, чтобы ошибаться в суждениях...

Потом объявили капитализм. Капитализм был хиленький, сюрреалистический и нелепый, но кое-какие возможности появились, они есть до сих пор. Те, кто мог заработать, ушли на заработки (я имею в виду активистов обоих, конечно же, лагерей). Те, кто заработать не мог ни при каких властях и укладах, либо эмигрировали (и на американском вэлфере, и в израильском кибуце прожить, в принципе, можно, даже не особенно напрягаясь), либо стали политиками. Окопы заросли бурьяном и осыпались. Правда, до сих пор ходят слухи, по

² Эдвард Галифакс (1881–1959) – в то время британский министр иностранных дел.

обетшавшим ходам сообщения и полузатопленным блиндажам шатаются печальными призраками особо стойкие мушкетеры и гвардейцы кардинала... Болтают, что редакция журнала «Наш современник» отправила поисковую группу в Курск для отыскания жидомасонских корней Руцкого. Болтают, будто детский писатель Кир Булычев отправил послание в Кремль, где требовал, чтобы в целях борьбы с антисемитизмом французский беллетрист Андре Жид отныне писался повсюду «Андре Еврей». Но, как выражались братья Стругацкие, мало ли что болтают про страну варваров...

Речь пойдет не о нашем многострадальном отечестве, а об Америке – по мнению убогих, светоче демократии. О ее позиции во времена Холокоста – массового уничтожения нацистами евреев. К превеликому нашему удивлению, можно обнаружить нечто, категорически опровергающее детски наивные суждения наших либералов...

Слово израильскому журналисту Авигдору Эскину: «...в годы Катастрофы великая Америка отказывалась принять еврейских беженцев. Государственный департамент США оказался глух к просьбам принять в разгар войны восемь тысяч еврейских сирот из Европы. Помнится и решение американского правительства в 1939 г. отправить обратно в Германию корабль с еврейскими беженцами на борту. Президент Рузвельт сказал тогда, что квота на иммиграцию уже исчерпана».³

Речь идет о корабле «Сент-Луис», на борту которого было девятьсот еврейских беженцев. После того как их отказались принять и США, и Куба, двести человек удалось пристроить в Англии, а остальных высадили во Франции, Бельгии и Голландии. С приходом немцев большинство из них погибло в газовых камерах.

К вопросу о «безоговорочной поддержке Соединенными Штатами Израиля». Продолжаю цитировать Эскина:

«Когда арабы грозили в 1948 г. повторить эксперимент Гитлера, американцы наложили эмбарго на поставку оружия в тогдашнюю Палестину. Не стоит забывать и открыто враждебную позицию США по отношению к нам во время Синайской кампании 1956 г.»

Добавлю от себя: оружие в 1948 г. в Палестину поставила Чехословакия (разумеется, после разрешения из Москвы), а позиция США в отношении Израиля в 1956 г. была настолько жесткой, что в Средиземном море крейсировали американские военные корабли с атомным оружием на борту...

«...с конца шестидесятых годов в Вашингтоне поняли, что Израиль может служить незаменимым препятствием советской экспансии на Ближнем Востоке. Именно тогда началась массивная помощь США. Только тогда подняла Америка свой голос за право советских евреев на репатриацию. Это произошло не благодаря моральным принципам власти имущих в Вашингтоне. Наше сближение с Америкой нельзя также приписать доказавшему недавно свою немощь еврейскому лобби. Политические интересы склонили Никсона, Форда и их преемников протянуть Израилю руку помощи. А поскольку политическая фортуна изменчива, то настало время отторжения и расставания».

К вопросу об американской помощи Израилю:

«...утрата американской помощи ошибочно кажется катастрофической для Израиля. Не стоит только забывать, что она, эта помощь, никогда не превышала десяти процентов нашего государственного бюджета, и что уже сегодня американцы оказывают арабскому миру большую помощь, чем нам... Вместе с ежегодными тремя миллиардами долларов американцы принесли нам свою массовую культуру с ее безвкусицей и развратом. Американский образ жизни, проникший в дома многих израильтян, был проводником материализма и бездуховности. Экономическая помощь была всегда сладкой пилюлей, но только помогала

³ Здесь и далее цитируется по: *Авигдор Эскин*. Гуд бай, Америка! Возвращение. №№ 6–7. 1992. Иерусалим, Израиль.

правительству Израиля откладывать подлинное решение проблем, началом которого должно стать расформирование социалистических государственных и профсоюзных структур».

Не правда ли, все вышеприведенное полностью противоречит иным устоявшимся штампам? Причем, мне почему-то кажется, что материалы, подобные статье Эскина, будут вызывать обиженный визг как раз тех, кто именуется «демократами». Бывали, знаете ли, прецеденты...

Уверен, многие и представления не имеют, что в годы Второй мировой войны, вплоть до изгнания вермахта из Франции, в Пиренеях действовал устроенный по личному указанию Франко так называемый «красный коридор» – переход, по которому в Испанию уходили из оккупированной нацистами Европы евреи.

Мелькнувшее выше слово «социализм» позволяет ненавязчиво перекинуть мостик к очередному историческому примеру, связанному с Лениным. Многие, наверное, еще помнят, сколько шума в свое время было поднято вокруг «завещания Ленина», скрытого злодеем Сталиным от партии и народа. Был даже толстенный роман (забыл название, что-то насчет Арбата), где на этом построена вся нехитрая интрига.

Недавно мне удалось откопать любопытнейший материал, по моему глубокому убеждению, способный раз и навсегда покончить с возней вокруг «завещания». Прошу прощения за обильное цитирование, но я обязан придать своей книге наукообразность. Да и читателю, смею думать, будет интересно. Итак...

«В нескольких местах книжки Истмен говорит о том, что ЦК “скрыл” от партии ряд исключительно важных документов, написанных Лениным в последний период его жизни (дело касается писем по национальному вопросу, так называемого “завещания” и т. д.), это нельзя назвать иначе, как клеветой на ЦК нашей партии. Из слов Истмена можно сделать тот вывод, будто Владимир Ильич предназначал эти письма, имевшие характер внутриорганизационных советов, для печати. На самом деле это совершенно неверно. Владимир Ильич со времени своей болезни не раз обращался к руководящим учреждениям партии и ее съезду с предложениями, письмами и пр. Все эти письма и предложения, само собою разумеется, всегда доставлялись по назначению, доводились до сведения делегатов XII и XIII съездов партии и всегда, разумеется, оказывали надлежащее влияние на решения партии, и если не все эти письма напечатаны, то потому, что они не предназначались их автором для печати. Никакого “завещания” Владимир Ильич не оставлял, и самый характер его отношения к партии, как и характер самой партии, исключали возможность такого “завещания”. Под видом “завещания” в иностранной буржуазной и меньшевистской печати упоминается обычно (в искаженном до неузнаваемости виде) одно из писем Владимира Ильича, заключавшее в себе советы организационного порядка. XIII съезд партии внимательнейшим образом отнесся и к этому письму, как ко всем другим, и сделал из него выводы применительно к условиям и обстоятельствам момента. Всякие разговоры о скрытом и нарушенном “завещании” представляют собою злостный вымысел и целиком направлены против фактической воли Владимира Ильича и интересов созданной им партии».

Нет, дорогой читатель, это не Сталин. Цитировался отрывок из статьи Л. Д. Троцкого «По поводу книги Истмена “После смерти Ленина”», напечатанной в № 16 журнала «Большевик» от 1 сентября 1925 г. Правда, через несколько лет, оказавшись в принудительной турпоездке за границей, Троцкий начал писать нечто совершенно противоположное, но это уже другая история...

Курьезы и анекдоты

Опасаясь, что читатель может немного заскучать после столь длинных и сухих цитат, спешу его немножечко развеселить.

Известно ли вам, как было раскрыто имя первого польского книгопечатника? В начале нашего века польские историки потратили массу времени и сил, копаясь в сохранившихся архивах и летописях XV столетия. Было достоверно известно, что польский первопечатник – не поляк, а немец, приехавший из какого-то германского государства (которых тогда насчитывалось, крохотулек, несметное количество). Было известно, что работал он в Кракове, тогдашней польской столице. Были известны годы, когда это происходило. Не хватало одного – имени. Сохранившиеся книги не были снабжены, как сказали бы мы теперь, «выходными данными».

Нашли неожиданно. И оказалось, что просто-напросто искали не там... В покрытых вековой пылью бумагах Краковского суда обнаружилось относящееся к 1476 г. дело, довольно обычное как для того времени, так и для нашего века. Некая Марта из Черной Веси слезно била челом господам королевским судьям, жалуясь на некоего ветреного молодца, каковой ее обольстил, но после рождения дитяти категорически отказался не то что жениться, но дать хотя бы грошик на содержание крошки. И звался этот повеса – «печатник книг Каспар из Баварии»!

Все совпадало. Правда, дальнейшие изыскания так и не определили фамилию означенного Каспара – более-менее точно удалось установить: либо Гофедер, либо Штраубе. Но главное, имя удалось извлечь из небытия...

Мне до сих пор любопытно: как выпутался повеса Каспар из этой истории? Увы, подробностей отыскать пока не удалось...

О политике. Недавно российский журнал «Махаон» привел любопытные факты некоего полумистического совпадения фамилий нынешних «демократов» с фамилиями из списка лиц, «кои с 1910 г. разыскивались Департаментом полиции как проводившие подрывную работу против Российской империи»: несколько Заславских, Иосиф Собчак, Лихачев, К. Ф. Старовойтов, несколько Станкевичей, Д. Р. Басилашвили, два Лаврова, А. Б. Гамсахурдия, А. Н. Калугин, И. Г. Ландсберг. А также – матрос с «Авроры» Курков...

Самостоятельно дополняя этот список однофамильцев, я наткнулся на Александра Политковского, крупного сановника, во времена Николая I ведавшего инвалидными капиталами. (В те времена инвалидами именовались в первую очередь не увечные, а отставные военнослужащие.) Капиталы, которые должны были идти на пенсии и иные выплаты инвалидам, означенный Политковский разворовывал годами в поразительных масштабах. А казначеем в этом же богоугодном заведении состоял... И. Ф. Рыбкин!

В конце концов хищения вскрылись, император разгневался и назначил строжайшее следствие. Политковский как нельзя более кстати принял яд и преставился (а может, помогли, в точности как в анекдоте про безвременно усопшую тещу и мухоморы). Зато на Рыбкине власть предержавшие отыгрались сполна – его погнали на каторгу, в Сибирь, после чего из российской писаной истории он исчез навсегда.

Погрузившись в «век золотой Екатерины», нежданно-негаданно удалось обнаружить еще одного Гавриила Попова, одержимого столь же непреодолимой тягой к изящной словесности...

В 1792 г. Тайная экспедиция (думаю, нет нужды подробно объяснять, что это было за жутковатое учреждение) сграбастала под арест купца Гавриила Попова за его сочинение, в котором он под псевдонимом «Ливитов» писал о равенстве всех людей независимо от сословия, осуждал порабощение человека человеком, то есть крепостное право, высту-

пал против торговли людьми, предупреждал «вельмож» о возможности восстания «ожесточившихся земледельцев». Купца, чтобы впредь не умничал и не писал лишнего, сослал в Спасо-Евфимьевский монастырь. Что по меркам того жестокого времени было форменным актом гуманности.

Зато со студентом Невзоровым, примерно в то же самое время оказавшимся в лапах той же милой конторы, церемонились меньше: когда гонористый студент заявил было, что на вопросы отвечать не будет, ему пригрозили, что начнут охаживать поленом по хребту...

О «гнилой интеллигенции». Отчего-то этот термин принято считать выдумкой то ли Ленина, то ли Сталина, в общем, большевистским хамством. Однако все обстояло несколько иначе. В 1881 г., после убийства народовольцами Александра II, изрядное количество прекраснородушных русских либералов (издавна страдавших вывихами интеллекта) начало шумную кампанию, призывая нового императора простить и помиловать убийц его отца. Логика была проста, как мычание: узнав, что государь их помиловал, кровавые террористы умилятся, расскаются и во мгновение ока станут мирными ягнятами, занявшись каким-нибудь полезным делом. Свою лепту в эту шизофрению внес и Лев Толстой, всю жизнь критиковавший российских императоров из своего комфортабельного поместья.

Сегодня, обогащенные историческим опытом, мы с полной уверенностью можем сказать, что рассчитывать на превращение террористов вроде Степняка-Кравчинского или Веры Засулич в полезных членов общества было по меньшей мере наивно. Впрочем, Александр III уже тогда понимал, что лучший метод убеждения народовольческой сволочи⁴ – петля или в крайнем случае солидный тюремный срок (что блестяще подтвердилось на примере Н. А. Морозова, после двадцатипятилетней отсидки и в самом деле ставшего полезным членом общества, крупным ученым). Именно он, однажды в сердцах отшвырнув стопу либеральных газет, воскликнул: «Гнилая интеллигенция!» Источник надежный – одна из фрейлин императорского двора, дочь поэта Федора Тютчева.

О гримасах юстиции. Бессилие юстиции с ее «сто сорок четвертым последним предупреждением» – изобретение не нашего времени. В Польше, в буйном XVII веке, суд двадцать восемь раз приговаривал к «баниции», то есть изгнанию за пределы королевства, легендарного пана Ляша, ставшего чуть ли не синонимом шляхетского буйства. Хотите знать, как реагировал этот оборкот? Подшил означенными двадцатью восемью приговорами свою бекешу и нагло разгуливал по столице, вслух сетуя, что на подкладке есть еще свободное место, да вот беда, приговоров не хватает... Полиции тогда в стране практически не существовало, и заставить шляхтича подчиниться приговору суда было делом безнадежным. Это и называлось «вольностями дворянскими». Справедливости ради следует отметить, что Ляш выглядел ангелом кротости по сравнению с паном Потоцким, жившим столетие спустя, – сей магнат, когда суд вынес ему приговор «за бесчинства», ворвался в зал, где творилось правосудие, во главе своей вольницы, велел гайдукам положить судей на пергамент с только что записанным приговором, спустить штаны и высечь. И положили. И высекли. Прямо на приговоре.

Тот же пан Потоцкий обожал игру в «ку-ку», заключающуюся в том, что деревенских баб загоняли на деревья и велели со всем прилежанием кричать «ку-ку!», а Потоцкий и его гости палили по бедолажным «кукушкам» мелкой дробью, норовя попасть пониже спины.

Впрочем, как выражались те же Стругацкие, – не воротите нос, ваши собственные предки были не лучше... по крайней мере, у Потоцкого стреляли мелкой дробью. Зато в домашнем тире российского помещика Струйского господина развлекались тем, что заставляли крепостных мужиков бегать на ограниченном пространстве и стреляли по ним из ружей и пистолетов *пулями*. Убивая насмерть.

⁴ Интересно, что к движению народовольцев был причастен один из предков В. Новодворской. Отсюда, надо полагать, и берет начало неукротимый большевизм Московской Девственницы – гены, увы...

Струйский считается яркой достопримечательностью екатерининского времени. У себя в имении он оборудовал типографию, где издавал в роскошнейшем оформлении собственные бездарные стихи, – Екатерина любила демонстрировать эти книги европейским гостям, словно бы мимоходом упоминая, что эти роскошные фолианты изданы в глухой провинции, что, легко догадаться, символизирует просвещенность ее царствования.

О домашнем тире Струйского, понятно, в обществе вслух не говорилось. Как и о его жуткой коллекции орудий пыток, старательно скопированных со средневековых образцов. Была у поэта-типографщика еще одна страстишка... Иногда он устраивал над кем-нибудь из своих крестьян суд по всей форме, а приговор был всегда одинаков: «запытать до смерти». За беднягу тут же принимались палачи, обученные обращению с «коллекцией», и останавливались, лишь когда жертва испускала дух.

Доклад императору Александру I о положении дел с крепостными крестьянами, откуда взяты вышеприведенные факты, до сих пор не издан полностью – даже в наши беспредельные времена следует беречь нервы читателя...

Насколько же невинно по сравнению с этим выглядит одна из статей договора между Русью и Византией, заключенного в X веке после очередной войны! Византийцы, с одной стороны, соглашались беспрепятственно допускать в Константинополь русских, с другой же, потребовали занести на пергамент торжественное обещание русских «впредь не разбойничать на улицах Константинополя и в его окрестностях». Для такого уточнения должны были быть веские причины, основанные, надо полагать, на многочисленных печальных прецедентах...

Кстати, о грабежах...

Сейчас, когда вновь поднялся страшный шум вокруг «проблемы реституции перемещенных культурных ценностей» (означающей, что Россия должна передать Германии свои законные трофеи в обмен на ядерный шиш с германской стороны), поневоле вспоминается анекдотическая, но невымышленная история, связанная с «церковными воротами». В Новгороде, в соборе Святой Софии, до сих пор радуют глаз старинные литые двери, изготовленные в Западной Европе, в веке, кажется, десятом. История их весьма примечательна – на фоне воплей о реституции...

Однажды древние новгородцы собрались в Швецию по совершенно житейским делам – нужно было немного пограбить шведскую столицу Сигтуну. Такие уж тогда были обычаи: когда обитатели какой-нибудь страны замечали, что немного поиздержались, они со спокойной совестью отправлялись грабить ближних или дальних соседей. Сами ограбленные, подсчитав синяки и убытки, долго не горевали, в свою очередь начиная поглядывать по сторонам в поисках слабого соседа, к которому стоило бы навеститься в гости. Словом, такое поведение считалось вполне светским, я бы сказал, комильфотным. Стало уже хрестоматийным упоминание о некоем французском бароне, который построил замок близ Парижа и нахально грабил королевские обозы. Бывали случаи и похлеще: скажем, в августе 1248 г. два немецких рыцаря Пильгерин и Вейнольт заявились в гости к своему знакомому, рыцарю и поэту Ульриху фон Лихтенштейну, однако вместо дружеского застолья разграбили драгоценности хозяйки дома, а самого Ульриха уволокли с собой и больше года держали в подвале, пока не получили выкуп...

Вернемся к новгородцам. Итак, они прихватили побольше пустых мешков, сели в крутобокие ладьи и поплыли в Швецию. Но где-то на полпути встретились с ладьями эстов (предков древних эстонцев), каковые не без самодовольства сообщили, что новгородцы старались зря и могут поворачивать оглобли – ибо они, эсты, как раз и плывут из Сигтуны, где грабить уже совершенно нечего, и вообще, Сигтуна, откровенно говоря, давно уже догорает...

Новгородцы, как любой на их месте, пружестоко оскорбились – готовились, предвкушали, лады конопатили, топоры точили, мешки запасали! – и, недолго думая, предложили эстам поделиться награбленным.

Теперь уже оскорбились эсты, усмотрев в столь наглom требовании извечную тягу русских к халяве. И заявили нечто вроде: в конце-то концов, все добро они честно награбили, трудясь в поте лица. Разграбить и сжечь шведскую столицу – это вам не на гусях тренькать у себя в Новгороде, былины про Садко распевая! Если хотите разбогатеть – плывите дальше и сами кого-нибудь ограбьте, как приличным людям и полагается! Мигранты, мать вашу...

«Ах так, чудь белоглазая?! – взревели новгородцы некормленными ведмедями. – Ну, тогда все отыдем!»

Неизвестно, насколько этот диалог соответствовал истине, зато достоверно известно другое: последовало морское сражение, в результате которого эстов чувствительно потрепали и отобрали у них кучу добра, в том числе и вышеупомянутые врата, которые торжественно установили в Новгороде (в конце-то концов, утешали свою совесть, должно быть, новгородцы, эсты все равно язычники, и церковные двери им ни к чему).

По логике отечественных либералов данные двери, надо полагать, следует вернуть Швеции. Реституировать, извините за выражение. Однако есть небольшая загвоздка. Врата эти шведы самым беззастенчивым образом сперли в германских землях, когда подождли и ограбили то ли Аахен, то ли Бремен. Так кому же прикажете возвращать произведение искусства – Германии, Швеции или Эстонии? Пожалуй, гораздо проще будет оставить все как есть. Занеся «реституцию» в разряд неприличных слов. А нынешние немцы, требующие вернуть им «награбленное», право же, чрезвычайно напоминают итальянцев, которые в свое время зело сокрушались и ругали наполеоновских грабителей, безжалостно уволокших во Францию четверку бронзовых коней, столетиями украшавших венецианскую площадь святого Марка. При этом итальянцы как-то упустили немаловажную деталь: кони эти некогда украшали Константинополь, откуда их и сперли итальянские рыцари, принимавшие участие в разграблении города в 1206 г. ...

Нечто подобное произошло четыре столетия спустя опять-таки на Балтике, когда шла затяжная морская война меж Ганзейским союзом и его противниками. Известный капер Пауль Бенеке, перехватывавший все корабли, идущие в стороны Англии, захватил два парусника нейтральной Бургундии, не принимавшей участия в сваре. На борту одного из них обнаружился расписной алтарь работы известнейшего мастера того времени Ханса Мемлинга.

Городской совет Гданьска, принадлежавшего тогда ганзейским немцам, принял решение установить алтарь в одной из церквей. Протестовал герцог Бургундский, протестовали флорентийцы, которым и предназначался алтарь. Римский папа Сикст XVI отправил в Гданьск личного посланца – но и он ничего не добился.

Давно исчезла Ганза, Гданьск перешел к полякам. Алтарь работы Ханса Мемлинга до сих пор находится в Мариакском костеле, никто за давностью лет и не думает его возвращать.

Так что скользкая это тема – реституция...

Случай и случайности

В некоторых последующих главах этой книги будет уделено немало внимания роли случая в истории. Случая, способного направить историю по иному, новому пути, ничуть не похожему на тот, что мы привыкли считать единственно возможным.

С одной стороны, занятие это сугубо неблагодарное – поскольку ничего нельзя проверить точно, любые умозаключения останутся красивой игрой ума. С другой же – стоит попытаться создать конструкцию, которая все же окажется *близка* к правде. Тем более, что роль случая в истории – тема крайне увлекательная.

А потому, как водится, умы привлекает давно. Еще и оттого, что пострадали вдоволь под гнетом дубоватой «марксистско-ленинской» историографии, сводящей все, когда-либо на этом свете происходившее, к борьбе «классов и производительных сил». Хватит, накушались досыта...

Правда, не стоит выплескивать с водой и ребенка. Классы и производительные силы, их борьба и столкновение интересов выдуманы отнюдь не большевиками. Крайности тут возможны с любой стороны: скажем, Станислав Лем с присущей ему гениальностью довел отрицание марксистских догм до абсурда – в своем двухтомном труде «Философия случая» он провозгласил, что Его Величество Случай лежит в основе всего и вся. По Лему, и искусство, и человеческое общество, и сама эволюция – продукт слепого случая. «Случай – поворотный фактор всякого эволюционного процесса, уклад, возникший в результате данного процесса, создает собственные системные законы, не имеющие ничего общего с первоначальным поворотным фактором»⁵.

Правда, спустя несколько лет Лем самокритично признал, что был не вполне прав. Что ж, истина, как ей и полагается, лежит всегда посередине. Есть у нее этакая милая привычка – всегда лежать посередине...

Скажем, распространение протестантского учения в Германии было следствием не «чаяний народных масс», а вполне меркантильных желаний тамошних баронов и герцогов, сделавших из проповедей Лютера простой и недвусмысленный вывод: появилась теоретическая база, которая позволяет как бы и на законном основании отобрать у католической церкви все движимое и недвижимое имущество. И отбирать бросились со всем усердием.

Правда, тут же обозначает свое присутствие насмешник-случай. Во многих странах господа дворяне облизывались на церковное имущество. Но не во всех хватило духу претворить мечты в жизнь. И остается открытым вопрос: случайностью или закономерностью было поражение католицизма в Англии? Будь король английский Генрих VIII не столь любвеобилен, не разобидься он на папу римского за отказ освятить очередной королевский брак... Простор для версий открывается необозримый.

И поневоле заставляющий вернуться к старому спору о роли личности в истории. Александр Дюма трактовал этот вопрос с исконно галльской легкостью: «Европа едва не погрузилась в огонь и кровь оттого, что герцог Икс принял маршала Игрека, сидя на сломанном стуле...»

Насчет стула – явный перебор. Стул здесь выполняет роль той самой коробки из романа Азимова «Конец вечности». Помните? Достаточно путешественнику во времени переставить коробку не на ту полку, чтобы никогда не появились в данной реальности сверхбыстрые космические корабли...

И, конечно, классическая бабочка Рэя Брэдбери, о которой помнит всякий любитель фантастики...

⁵ S. L e m. Filozofia przypadku. W. L. Krakow, 1988.

Пожалуй, это тоже – доведение до абсурда. Можно было убить Гитлера, можно было убить десяток Гитлеров, но вряд ли это остановило бы грохот подкованных сапог по германской брусчатке. Чересчур сильно была унижена Германия после Первой мировой войны, чересчур ограблена, слишком много горючего материала накопилось, чтобы надеяться на мирный исход. Хаос рождает чудовищ – и чудовище пришло...

И наоборот. Порой одна-единственная сильная личность способна справиться с хаосом (конечно, если дело не зашло слишком далеко). Классическим экспериментом на тему «роли личности в истории» можно считать шведские события второй половины XVIII века, точнее – переворот, совершенный молодым королем Густавом III Адольфом.

Сейчас об этом помнят плохо, но в те времена Швеция представляла собой практически полный аналог Польши. Точно так, как в Польше, разгул «вольностей дворянских» достиг невыносимых пределов. Страна стояла на пороге беззастенчивого раздела – в риксдаге, шведском парламенте, совершенно открыто действовали «прусская», «датская» и «русская» партии, за солидное денежное вознаграждение от соответствующих держав интриговавшие в их пользу. У короля была одна-единственная привилегия: второй, дополнительный голос в парламенте. И только. И все. Крах стоял на пороге.

В это время вспыхнули крестьянские восстания, и риксдаг (полностью выражавший интересы дворянства, и только дворянства) перед лицом несомненной угрозы сделал опрометчивый шаг: доверил молодому королю командование армией (каковой привилегии после смерти Карла XII⁶ шведские монархи были лишены)...

Господа дворяне и подозревать не могли, что данные крестьянские восстания подготовлены агентами короля на его же деньги. Ради незатейливой цели: получить в свое распоряжение вооруженную силу. Когда спохватились, было уже поздно: молодой Густав сумел завоевать расположение армии, и в одно прекрасное утро здание парламента окружила гвардия с пушками, нехорошо посверкивали граненые багинеты, дымились фитили, а третье сословие, моментально смекнувшее, что к чему, шумно выражало одобрение столь радикальным реформам.

Реформы, в самом деле, последовали радикальные. Дворянству основательно прищемили хвост и навели в стране порядок. Планы по разделу Швеции так и остались нереализованными и потраченные на это денюжки – рубли, кроны и талеры – пропали зря. Королю Густаву так и не простили столь крутых реформ – в 1792 г. граф Анкерстром выстрелил в него на дворцовом балу, нанеся смертельную рану, но возврата к прежним вольностям шведское дворянство так и не дождалось, процесс оказался необратимым. Ну, а окажись на месте Густава более вялая и нерешительная личность? Швеция могла исчезнуть с географической карты, как в том же XVIII веке исчезла Польша, где сильного человека не нашлось...

Разумеется, в умозрительных гипотезах на тему «параллельной истории» следует придерживаться строгой логики, а не произвольных фантазий. Любители творчества английского юмориста Джером Джерома должны помнить те строчки из «Троих в лодке», где Джером (гораздо раньше многих фантастов) пытается создать «альтернативную историю».

Герои попадают в городок, где некогда под нажимом баронов король Иоанн (тот самый незадачливый «принц Джон» из романа «Айвенго») подписал Великую хартию вольностей. И один из них, фантазер и мечтатель, невольно начинает размышлять: а возможен ли был *другой* исход?

«...он бросает быстрый взгляд на своих французских наемников, выстроенных сзади, и на угрюмое войско баронов, окружившее его.

⁶ Есть интересная, довольно доказательная версия о том, что Карл XII не погиб от шальной пули при осаде неприятельской крепости, а был убит выстрелом из своего же окопа в результате заговора тех, кто хотел покончить с его военными авантюрами, губительно действовавшими на Швецию.

Может быть, еще не поздно? Один сильный, неожиданный удар по рядом стоящему всаднику, один призыв к его французским войскам, отчаянный натиск на готовые к отпору ряды впереди – и эти мятежные бароны еще пожалеют о том дне, когда они посмели расстроить его планы! Более смелая рука могла бы изменить ход игры даже в таком положении. Будь на его месте Ричард, чаша свободы, чего доброго, была бы выбита из рук Англии, и она еще сотню лет не узнала бы, какова эта свобода на вкус!»

Ситуация смоделирована великолепно – и наверняка послужила образцом для многих писателей, интересовавшихся альтернативной историей. Здесь допущен, увы, один-единственный логический изъян...

Король Ричард Львиное Сердце просто-напросто *не смог* бы оказаться на месте жалкого и ничтожного Иоанна, навсегда припечатанного в английской истории кличкой Безземельный. Слабый, нерешительный, чуть ли не самый ничтожный среди британских королей, Иоанн как раз и позволил загнать себя в столь унижительную ловушку. Но не Ричард. Человек, который однажды после взятия одной из сарацинских крепостей приказал распороть животы несколькими сотням пленников⁷, чтобы проверить, не проглотили ли они драгоценности, развесил бы баронов по деревьям и воротам при первом же намеке на непокорность... Какие, к черту, вольности?!

Иногда случайности проявляют себя в истории столь замысловато и неожиданно, что требуют какого-то иного имени – быть может, следует дополнить историю неким подразделом, которому лично я не в силах подобрать названия...

Открытие Америки и завоевание Америки – разные вещи. Вполне возможно, завоевание и не последовало бы столь быстро вслед за открытием, не будь в Испании столь многочисленных деклассированных элементов, оставшихся не у дел после окончания многовековой войны с маврами. Вся эта разномастная орда умела лишь воевать, ничего другого не знала и не хотела – а потому как нельзя более кстати оказалась под рукой. Вместо того чтобы тратить массу денег и времени, ликвидируя и рассаживая по королевским тюрьмам буйную вольницу, ее отправили за океан, где она вдребезги разнесла индейские государства и обеспечила поток золота в метрополию. Узвзны Кастилия и Леон в Реконкисте еще лет на полсотни – история обеих Америк могла бы стать совершенно другой. Примером тому – Франция, у которой так и не нашлось избыточных людских ресурсов, которые можно было бы перебросить в Америку. А потому своих заокеанских владений французская корона лишилась так жалко и бездарно, как пьяница теряет на улице кошелек...

Наверное, навсегда останется нерешенным вопрос: какую роль в крахе Бориса Годунова, далеко не самого худшего русского царя, сыграли обрушившиеся на Россию природные катаклизмы 1601–1602 гг.? Вполне возможно, не случись этих стихийных бедствий (к которым мы вернемся в одной из последующих глав), династия Годуновых могла и не прерваться – а это, в свою очередь, влекло несомненное изменение истории...

Кстати, о климате и природе. Много язвительных слов было написано о «нечистоплотности» западных европейцев, отроду не ведавших такого удовольствия, как русская банька, вообще мывшихся едва ли не раз в жизни. В общем, насмешки эти вполне справедливы – Западная Европа и в самом деле не грешила регулярным мытьем лица и тела. Однако причины тому лежат не в области морали и нравов, а связаны со вполне конкретными природными условиями...

Своим многовековым банными традициям Русь обязана, как легко догадаться, превеликому обилию лесов, сиречь – неограниченному потоку дров. Самое естественное дело на Руси – пойти в лес и невозбранно нарубить дровишек, сколько сможешь унести (были, правда, ограничения на порубку, но уж на баньку-то дрова всегда находились).

⁷ Некоторые историки оценивают число жертв этой резни в три тысячи.

В Западной Европе обстояло иначе. Письменные источники средневековья свидетельствуют, что мылись там столь же часто и охотно, как на Руси, – до определенного времени. Примерно к концу XV века, однако, густые некогда европейские леса были чуть ли не сведены под корень, и наступила первая, пожалуй, в писаной европейской истории экологическая катастрофа. Уже тогда пришлось поневоле понять: если уничтожение лесов будет продолжаться теми же темпами, Европа будет напоминать сарацинские пустыни.

Тут-то и берет начало драконовское законодательство, направленное на охрану лесов, – вплоть до того, что у виновного в самовольной порубке вытягивали кишки и прибивали их гвоздем к дереву... Дрова стали нешуточной роскошью. Простой дворянин (не говоря уж о третьем сословии) уже не мог позволить себе такой роскоши, как теплая ванна, ставшей привилегией особо зажиточных аристократов. Угля тогда еще не добывали в значительных количествах.

С тех времен и начинается «грязный» период истории Западной Европы. О регулярном мытье приходится забыть, дрова для кухонь стоят приличных денег, кропотливо подбирается каждая щепочка, как раз в те годы низшие классы вынуждены перейти на еду, не требующую приготовления на огне: солонина, хлеб с луком, всевозможные похлебки-затирухи. Жареное, вареное и печеное превращается в деликатес для благородных. Будь тамошние зимы похолоднее, Западная Европа, без преувеличений, могла вымерзнуть. Конечно, это не «случай», это должно называться как-то иначе, но ситуация не связана ни с политикой, ни с религией, ни с классовой борьбой...

К слову, эта «классовая борьба» иногда претерпевала под пером правоверных советских историков удивительные метаморфозы. Еще с двадцатых годов нашего грешного века было принято, описывая восстание Уота Тайлера 1380 г., отмечать «участие в крестьянском восстании пролетариата Лондона». К сожалению, в действительности мифический «лондонский пролетариат» (проще говоря, городские ремесленники) был движим не в пример более шкурными интересами. Дело в том, что в Лондоне тогда осело изрядное количество фламандских ремесленников, составивших нешуточную конкуренцию коренным мастерам. И вот, едва только в Лондон заявила мужицкая вольница, городские ремесленники использовали короткий период полного безвластия для решения сугубо внутренних проблем – они быстренько, в хорошем темпе, перебили и перетопили в Темзе ненавистных фламандских конкурентов, после чего весь их бунтарский дух волшебным образом испарился, и они вновь стали лояльнейшими подданными британской короны, в доказательство чего стали отлавливать на улицах отставших от своих отрядов тайлеровских крестьян и с той же сноровкой бить по голове...

Еще о случайностях. Некоторые английские историки вполне серьезно считают, что в занятии английского престола династией Йорков в 1485 г. огромную роль сыграла примитивнейшая случайность, связанная с незнанием геральдики...

Как многие, возможно, помнят хотя бы из приключенческих романов, в конце XV столетия в Англии боролись за престол Йорки и Ланкастеры, именуемые еще Алой и Белой розами. И у тех, и у других имелись определенные права на королевскую корону, а потому решить дело можно было одним-единственным способом – войной, поскольку уступить никто не хотел. Сорок лет две ветви королевского дома Плантагенетов заядло истребляли друг друга, а заодно и тех, кто подворачивался под горячую руку...

В пасхальное воскресенье 14 апреля 1471 г. войска йоркского короля Эдварда IV неподалеку от Лондона, под Барнетом, стали сближаться с армией графа Варвика, одного из наиболее ярких и талантливых полководцев ланкастерцев. На равнине стоял туман, осторожный Варвик выслал разведку – последующие события недвусмысленно доказывают, что разведчики графа разбирались в геральдике примерно так, как нынешний интеллигент советского разлива – в логике и иностранных языках.

Дело в том, что среди множества геральдических эмблем того времени имелось две, во многом схожих. Так называемое «Солнце величия» (солнце с изогнутыми лучиками, чье количество колебалось от двенадцати до шестнадцати) и «эстуаль» (звезда с шестью лучами). Человек темный мог и перепутать...

Они и перепутали. Под знаменем с «солнцем величия» наступал король Эдвард. Под знаменем с «эстуалью» приближался верный союзник Варвика, Де Вер, граф Оксфордский. Именно знамя последнего и приняли за *вражеский* стяг незадачливые разведчики графа Варвика. И доложили соответственно.

Раздумывать было некогда, Варвик скомандовал атаку – и его солдаты со всем усердием врубались в ряды своих же союзников. Какой-то однотипной военной формы тогда не существовало, а в лицо знали друг друга только высшие командиры. Граф Оксфордский, в свою очередь, решил, что подвергся нападению йоркистов, и велел стоять насмерть. Пока союзники истребляли друг друга, их настоящий противник, король Эдвард, быстро разобрался в ситуации и, справедливо сочтя ее подарком судьбы, ударил на обоих. Ланкастерцы понесли страшное поражение, сам Варвик был убит. С той битвы фортуна бесповоротно склонилась на сторону Йорков, противники которых после этого удара оправиться уже не смогли... История не сохранила имен болванов, несведущих в геральдике.

И напоследок стоит рассказать об одной интереснейшей случайности, связанной на сей раз с техникой. В одной из советских лабораторий тщетно пытались получить новую разновидность электролита для гальванического покрытия корпусов наручных часов. Было известно, что для успеха необходимо добавить в исходную массу небольшое количество органической субстанции. Одна беда: к тому времени насчитывалось около миллиона подобных субстанций, и, чтобы испробовать их все, не хватило бы жизни человека.

Случай не замедлил о себе напомнить. Придя утром на работу, лаборант вынул из электролитической ванны сверкающую, как зеркало, металлическую пластинку – это было именно то, чего и добивались!

Срочно повторили эксперимент в той же ванне. Вторая плитка так же сверкала. Тогда в другой, гораздо большей ванне решили нанести покрытие на большую партию плиток, налив туда электролит того же состава...

Полный провал. Плитки оставались неприглядно матовыми. Один и тот же электролит в небольшой лабораторной ванне и в огромной заводской вел себя по-разному. Объяснение подворачивалось одно: в малой ванне, и только в ней, вдруг появился какой-то непонятный компонент...

Вскоре выяснилось, что компонентом этим была... слюна. Один из сотрудников, разозленный провалом очередного эксперимента, смачно плюнул в ту самую лабораторную ванну, уходя домой. В его слюне оказались некие микроскопические добавки, сработавшие на успех. «Виновника» заставили от души поплевать в заводскую ванну – и погруженные туда плитки вскоре покрылись столь же идеальной сверкающей полировкой.

Увы, продолжения эта история не получила, и состав слюны остался загадкой. Началась Великая Отечественная, лаборант ушел в ополчение и погиб под Москвой...

Незадачливый король Ежи

В этой книге читатель не раз встретится со случаями, когда чистой воды сказки попадали в историю и оставались в ней на правах реальных событий, а происшедшее на самом деле впоследствии бывало объявлено даже не сказкой – гнусным вымыслом. Чтобы лучше понять, отчего так происходит, рассмотрим два случая: правду, объявленную вымыслом, и вымысел, неумышленно объявленный правдой...

В двадцатых годах прошлого столетия во Франции вышла весьма любопытная книжечка. Ее автор пытался доказать, что Наполеона Бонапарта... никогда не существовало! Что «так называемый Бонапарт» – на самом деле нечто вроде массовой галлюцинации, отражение старинных народных поверий. Двенадцать маршалов Наполеона (которых на самом деле было вовсе не двенадцать. – А. Б.) объявлялись «преломлением в народном сознании двенадцати знаков зодиака». И так далее, и тому подобное. Читатель, решивший, что речь идет о шутке, о розыгрыше, ошибется. Розыгрышем здесь и не пахло. Книга была написана по заказу восстановленных на французском престоле Бурбонов и издана на их денежки из секретных полицейских фондов. Бурбоны абсолютно серьезно пытались вычеркнуть из истории корсиканского узурпатора, вбить в умы версию о «массовой галлюцинации» – при том, что еще были живы тысячи людей, видевших Наполеона, говоривших с ним, от простых солдат до коронованных особ. Заодно Бурбоны приказали датировать их указы годами, приходившимися на правление Наполеона, – опять-таки со всей серьезностью.

Все-таки на дворе стоял девятнадцатый век – и потому столь лихо вымарать из истории Наполеона не удалось. Однако в более ранние времена такие штучки, бывало, и удавались – с таким успехом, что мы лишь сегодня начинаем продираться к истине...

Рассмотрим второй случай – превращение мифа в «реальную историю», даже не по злему умыслу, а по недоразумению.

Дело происходит в Польше (заранее предупреждаю, что история эта вымышлена мною от начала и до конца). Год на дворе... Ну, пусть будет 1889-й – время относительно спокойное, восстания уже отшумели, террористы постреливают, но еще не набрали размаха, в общем, жизнь не так уж плоха, в особенности если один из наших героев, блестящий шляхтич Пшекшицюльский, политикой не интересуется совершенно – вертопрах, светский фат, завсегдатай салонов, раутов и гостиных, излишней образованностью, как и подобает ясно-вельможному пану, «шляхтичу с кости и крови», не обременен. Зато богат и гостеприимен – опять-таки в полном соответствии с исконной великопольской традицией.

Именно в имение пана Пшекшицюльского попадает его новый знакомый, встреченный у графини Н., – серьезный молодой человек в очках, гость из далекого экзотического Сиам, еще не переименованного в Таиланд. Гость завершает в Европе свое образование, а заодно и пишет книгу – в его родном Сиаме очень мало знают о столь экзотическом континенте, как Европа... А поскольку молодой ученый (пусть будет Чандранипат, что ли, имя не вполне таиландское, но сойдет...) честолюбив и прилежен, он предпочитает балам и попойкам многочасовые бдения над старыми бумагами. Он честолюбив, он хочет войти в историю как автор первого труда о загадочной Польше, написанного рукой сиама...

– Все это к вашим услугам, пане Чандранипат! – широким жестом указывает пан Пшекшицюльский на покрытые паутиной и пылью шкафы с книгами и бумагами, которые не открывал отроду. – Батюшка мой, знаете ли, интересовался изящной словесностью, а мне все как-то недосуг... Копайтесь, коли охота, пока не надоест!

И, повязав модный галстук, со спокойной совестью бросает скучного гостя – у соседа званный вечер, у второго – очаровательная дочка, у третьего – великолепные наливки...

Гость, о котором, признаться, наш шляхтич скоро и забыл, дни напролет просиживает в библиотеке, с трепетом разворачивая пыльные свитки. Как истый ученый, он упрям в хорошем смысле слова – а потому польским уже более-менее овладел.

И вскоре натывается на сущее сокровище. Из старой папки с потускневшим ярлыком «Бумаги пятнадцатого века» наш сиамец вытаскивает прелюбопытнейшее письмо. Начертано оно не на пергаменте, а на бумаге – что ж, это, надо полагать, копия, которую посчитали нужным сделать ввиду несомненной важности документа.

И вот наш усидчивый ученый, старательно шевеля губами, вчитывается...

«Приветствую, дружище Збышек, желаю всех благ!

Письмо твое получил. Сообщаю последние новости, тебе наверняка будет интересно.

Король Ежи Третий, и без того слабый умишком, растерял последние мозги, когда до него дошли вести об успехах мятежников. Королева Катажина помогать ему отказалась напрочь, бедняга просто извертелся, пытаясь хоть что-то придумать. Только в его дурную башку ничего умного и не приходит – а мятеж тем временем разрастается, и наш Тадеуш, будь уверен, показал себя с самой лучшей стороны, рад за него.

Встретил здесь князя Михала – он без особой охоты едет в Колонию нанимать солдат. Даже если у него что-то и получится, королю это поможет, как мертвому припарки... Я ему на это намекнул, после чего мы с князем поссорились напрочь.

Вот и все, пожалуй, устал я что-то скрести перышком. До встречи!»

Наш прилежный сиамец Чандранипат возвращается в Варшаву с копией сего интереснейшего документа. И, засев за книгу о Польше, старательно повествует о том, как в пятнадцатом столетии от Рождества Христова здесь вспыхнул мятеж, и недалекий умом король Ежи, которому отчего-то отказалась помогать даже королева, попал в жуткое положение, явно не в силах справиться с восставшими.

Немного смущает неувязка: в списках правивших в пятнадцатом столетии королей никакого Ежи Третьего нет. Должно же быть этому какое-то объяснение? Ага, кажется, дело и прояснилось...

Ежи Третьего нет, зато имеется Владислав Третий. Правивший подозрительно короткий срок – 1434–1444 гг. Всего десять лет. Меж тем его предшественник Владислав Ягелло и правивший после Владислава Третьего Казимир просидели на престоле больше сорока лет каждый. К тому же имеется какой-то странный разрыв: правление Владислава окончилось в 1444-м, а Казимир вступил на трон лишь три года спустя, в 1447-м...

Сиамец явственно ощущает холодок какой-то мрачной загадки. Правил короче всех в этом веке... И этот странный трехлетний перерыв... Подлинного ученого такие странности должны насторожить...

Вскоре готова парочка великолепных гипотез. Либо Ежи Третий и есть Владислав Третий, либо правление Ежи приходится на эти три «выпавших» из истории года, и потомки предпочитают умалчивать о безумном короле, потерпевшем поражение в борьбе с мятежниками, преданном собственной супругой Катажиной...

Впоследствии, уже в родном Сиаме, Чандранипат изложит в своем труде обе эти версии, с добросовестностью истинного ученого отметив, что доказать правдивость какой-либо из них пока не в состоянии. Однако его книга и без того производит впечатление на сиамский ученый мир: признание, лавры, перстень от короля...

Всё. Легенда зажила самостоятельной жизнью, утвердившись на страницах *писаной истории* в качестве реальности. Впоследствии, конечно, докопаются до истины, но с тех пор много воды утечет, наш Чандранипат так и умрет в преклонных годах, в блаженном неведении, и на его книгах долго будут учиться сиамские студенты...

А все оттого, что заезжий сиамец поверхностно выучил польский язык. Достаточно, чтобы читать и понимать написанное, но кое-какие тонкости так и не успел узнать...

Письмо написано не в пятнадцатом веке, а в конце восемнадцатого, и представляет собой не копию, а оригинал. В польском языке, как и в некоторых других славянских, иные иностранные имена пишутся так, как и на родине носителей этих имен, а иные, наоборот, переводятся согласно правилам польской грамматики...⁸

«Ежи Третий» – это Георг Третий, английский король, и в самом деле слабый на голову. «Мятежники», соответственно, – американские повстанцы. «Королева Катажина» – не супруга бедняги «Ежи», а русская императрица Екатерина Вторая, и в самом деле отказавшая помогать Англии в войне против восставших колонистов. «Князь Михал» – это какой-то английский герцог по имени Майкл – в польском языке слово «ксенже» с равным успехом может обозначать и «князя», и «герцога», что до сих пор создает помехи даже опытным переводчикам. Загадочная Колония, где набирает солдат герцог Майкл, – на самом деле немецкий город Кельн. «Тадеуш» – это, конечно же, польский генерал Тадеуш Косцюшко, участвовавший в войне американцев за независимость.

Как же письмо попало в папку, помеченную пятнадцатым веком? Аллах его ведаёт, это уже дело десятое. Кто-нибудь перепутал – не шибко прилежный слуга или папаша пана Пшекшицюльского. Такие мелочи нас уже не должны интересовать. Важнее другое: стало понятнее, как рождаются исторические ошибки, продиктованные не сознательным стремлением к обману, а добросовестным заблуждением, недостатком знаний. А ведь к этому может добавиться и вполне осознанная фальсификация, и заказное стремление переписать историю, густо разбавив ее мифами, а реальных людей превратив в сказочных персонажей...

В этой книге мы столкнемся и с первым, и со вторым...

⁸ Когда-то мне доставляло несказанное удовольствие чтение чешских журналов, где в международных новостях частенько фигурировала Малгожата Тэтчерова. Таковы уж правила чешского – «Маргарет» переводится как «Малгожата», а поскольку «Тэтчер» – не девичья фамилия, а фамилия по мужу, она соответствующим образом и склоняется...

Корабли-призраки 1492 года?

На примере с «невезучим королем Ежи» я добросовестно пытался показать, как могут рождаться увлекательные, но совершенно ложные гипотезы. Имеет смысл коснуться и другой проблемы – рассмотреть, как недостаток информации о прошлых временах и явные противоречия в сочетании с нелогичностями позволяют выдвигать гораздо более убедительные версии. Не обязательно соответствующие истине, стоит сразу оговориться, – но, как знать, быть может, и имеющие нечто общее с истиной...

Речь пойдет о Христофоре Колумбе и каноническом открытии им Америки в 1492 г. – быть может, представлявшем собой не более чем умышленную, грандиозную дезинформацию мирового «общественного мнения»...

Начнем с того, что к Колумбу всецело можно отнести слова, которыми Стругацкие характеризуют одного из своих героев. «Он никто. Он ниоткуда».

В самом деле, Колумб окутан полнейшим мраком неизвестности. Неизвестно его подлинное имя (испанизированный вариант его фамилии «Колон»=«Голубь» может оказаться либо прозвищем, либо, как считают некоторые историки, сокращением от слова «полковник», «колонель». По иным версиям, именно так уважительно обращались моряки к командирам кораблей, нечто вроде «шеф» или «босс». А «Колумб» – не особенно-то и итальянская фамилия...⁹).

Неизвестны его родители. Хотя и считается, что Колумб «был сыном генуэзского ткача Доминико Коломбо», но в сохранившихся списках мастеров цеха ткачей человека с таким именем нет, а дом в Генуе на площади Данте, где Колумб якобы родился, – не более чем бутафория для туристов, подобная «квартире Шерлока Холмса на Бейкер-стрит».

Неизвестно, в каком городе он все-таки родился. Только в итальянской провинции Лигурия за честь считается родиной Колумба до сих пор спорят четыре прибрежных города – Генуя, Савона, Коголетто и Нерви. Плюс – еще десяток итальянских городов в других провинциях. Да что там города... Поскольку точно так же неизвестна национальность Колумба, на роль его отчизны претендуют восемь (!) стран, включая, естественно, Италию. Польский исследователь в свое время выдвинул версию, что Колумб – это гданьский мореплаватель Ян из Кольно (по-польски – Jan z Kolno). Согласно этой версии, Кольно – то ли забытая ныне и переименованная деревушка, то ли немецкий Кёльн (который, как мы помним, на польском языке до сих пор пишется Kolonia, а потому, по мысли пытливого исследователя, в старые времена вполне мог город Кёльн писаться Kolno. Польское слово голубь – «голомб» как-то очень уж подозрительно созвучно «Колумбу», а в Гданьске очень любили называть корабли именами птиц: «Голомб», «Ожел» («Орел»), «Ясколка» («Ласточка»). (О Яне из Кольно, реальной личности, подробнее поговорим чуть погодя.)

Восемь стран и полтора десятка городов... Само по себе такое обилие кандидатов заставляет думать, что истина так навсегда и останется неизвестной. Есть даже версия, что Колумб – еврей. Увы, аргументов маловато. А посему просто удивительно, что отечественные любители сенсации еще не записали Колумба в русичи – скажем, умного и любознательного паренька, Христина Голубка, сцапали татары и продали венецианцам, а потом он сбежал с галеры и выбился в люди...

А если серьезно, первые более-менее достоверные следы Колумба появляются лишь в 1473 г., когда ему было двадцать два года. Примерно к этому времени относится обнару-

⁹ Интересно, что *прозвище* «Колон» носил и современник Колумба – итальянский капер на французской службе Гийом Казанова. По стечению обстоятельств оба «Колона» встретились на море – в 1476 г. Казанова напал на фламандскую эскадру, где матросом на одном из кораблей плыл Колумб, и потопил как раз тот корабль, где находился Колумб... Колумб едва спасся впасть, благо до берега было недалеко.

женный в прошлом веке документ, где «морской суд Венеции предостерегает относительно пирата Колумбо», состоящего на службе у анжуйского герцога Рене.

Речь, без сомнения, идет о «нашем» Колумбе – сам он в зрелые годы не раз вспоминал о службе у герцога Рене, к которому относился с симпатией. Правда, «пират» – понятие относительное и растяжимое. Во-первых, в те времена, как и много еще лет спустя, пиратство считалось «достойным джентльмена занятием». Во-вторых, речь тут идет скорее о капере – частном лице, с патентом того или иного властелина топящим суда страны, с которой этот властелин ведет войну или просто находится в скверных отношениях. Вообще, судьба Колумба богата перипетиями – после каперской службы у Рене вдруг отчего-то оказался простым матросом на фламандском «купце», торговал морскими картами, даже на короткое время уходил в монастырь (в те бурные времена так порой поступали многие, кому требовалось отсидеться в тиши и глуши, пока в большом мире позабудут об иных их художествах...).

История о том, как Колумб долгие годы обивал пороги королевских дворов Португалии и Испании, известна хорошо, и пересказывать ее нет смысла, поэтому перейду сразу к странностям, сопровождавшим эту одиссею. Не вполне понятно поначалу, почему португальский король отнесся к Колумбу столь равнодушно. И уж вовсе странными выглядят условия договора, который подписала с Колумбом испанская королевская чета, прежде чем он отплыл на поиски Америки.

Щедрость в Испании прежде неслыханная. Сказочная. Невероятная. Испанские короли всегда щедро рассчитывались с моряками, открывавшими для державы новые земли, – но *такого* прежде не бывало... Дворянство и наследственное звание адмирала моря-океана и всех островов и материков, которые он откроет, титул вице-короля и главного правителя этих земель с правом самому назначать губернаторов, десятая часть со всей добычи, взятой в новооткрытых колониях, причем сам Колумб оплачивает только одну восьмую расходов на снаряжение кораблей, а все остальное вносит королевская чета...

Достаточно известно также, что большая часть этих обещаний осталась невыполненной. Поневоле обе странности следует рассматривать в связке: Колумб оказался **ЕДИНСТВЕННЫМ**, кому посулили столь щедрое вознаграждение, – и **ЕДИНСТВЕННЫМ** из всех капитанов на испанской службе, в расчетах с которым не выполнили условий. У испанских монархов была масса недостатков, но вот в подобных случаях расплачивались они всегда честно... Почему же они так поступили с Колумбом?

Быть может, оттого, что «свершения Колумба» вовсе не были столь впечатляющими, какими мы их сегодня считаем? А то и оттого, что Америка была открыта несколько *позже* официальной даты (хотя все-таки при участии Колумба)?

Перейдем к вопросу о *предшественниках*. Стало общим местом повторять, что Колумб «был не первым». Но нас сейчас должны интересовать не викинги Лейва Счастливого, а более близкие по времени к Колумбу путешественники, о которых он мог знать, и немало...

Есть сведения, что в 1390 г. в Америку по поручению шотландского принца Синклера плавал венецианец Никколо Дзено – в сопровождении своего брата Антонио и самого принца. Некоторые исследователи горячо отстаивают подлинность так называемой «Книги Дзено» – путевых дневников, карт, писем. Эти материалы хранились в венецианских архивах, а Венеция и Генуя – близкие соседи...

Совершенно не подвергается сомнению подлинность письма флорентийского медика и космографа-любителя Паоло Тосканелли королю Португалии Афонсу V Африканскому от 15 июня 1474 г. Король (племянник знаменитого Энрике Мореплавателя, получившего это прозвище не за собственные плавания, а за огромную работу по организации плаваний португальских капитанов) через своих придворных попросил у Тосканелли консультацию: можно ли достичь Индии, если плыть на запад? Тосканелли ответил: «существование такого

пути может быть доказано на основании шарообразности формы Земли». И приложил собственноручно вычерченную карту.

Примерно в это же время (совпадение примечательное) король Афонсу посылает экспедицию на поиски «северного морского пути» в Азию и Индию. Сначала берегов Северной Америки достигли два норвежских капитана, Дидрик Пайнинг и Ганс Пофорст, к которым в качестве наблюдателя был прикреплен португалец Жуан Ваш Кортириал. Есть письма и сообщения, не подвергающиеся сомнению, – экспедиция побывала у Ньюфаундленда и Лабрадора.

Чуть позже, в 1476 г., по тому же маршруту уходит вторая экспедиция, опять-таки скандинавско-португальская. Командует ею то ли Йенс Скульно, то ли Йенс *Скольно*, а на одном из кораблей плывет... Христофор Колумб! Историки давно отметили, что идеи «западного пути в Индию» стали волновать Колумба около 1479 г. – после окончания экспедиции. Разве что он решил плыть несколько южнее. Кстати, из скудных свидетельств об этих двух плаваниях вовсе не следует со всей неопровержимостью, что Йенс-Ян Скуль-но-Скольно и Христофор Колумб – два *разных* человека... Быть может, и один, и вышеупомянутый поляк не был таким уж сказочником... Становится понятно, почему в Португалии так прохладно отнеслись к планам Колумба, – были свои планы, не хуже, и свои капитаны...

Англия. Около двадцати лет назад профессор Фобе Тейлор проанализировал отчеты и списки грузов, которые корабли ввозили и вывозили в Бристоль. И заметил любопытные несуразности. Согласно заявленным декларациям, большинство капитанов вели торговлю с Ирландией – но этому не соответствовало проведенное в пути время. Некий капитан Морис Таргат сплавал в Ирландию и обратно за 115 дней. Этого хватило бы, чтобы совершить рейс туда и назад... *трижды!* Профессор сделал вывод, что на самом деле brave морячки плавали вовсе не в Ирландию... Куда? Не исключено, что и в Америку. Именно из Бристоля весной 1498 г. отплыл в Америку Джон Кабот (он же – генуэзец Джованни Габото, обосновавшийся в Англии за восемь лет до того). А профессор географии Эксетерского университета Дэвис считает, что еще в 1477 г. в Гренландию регулярно навещался известный валлийский контрабандист Джон Ллойд (то есть в те годы, когда в Англии бывал Колумб).

Сообщения о том, что Колумб довольно хорошо знал, куда плыть, многочисленны.

Марокканский профессор Мохаммед эль-Фаси утверждает, что Колумб побывал в Марокко, где и узнал о древнейшей трансатлантической трассе берберов, плававших некогда в Америку. Так это или нет, в точности неизвестно, но в соседствующей с Марокко Гвинее Колумб в 1419 г. бывал, возможно, даже дважды...

Известный моряк и географ, автор знаменитых карт, турецкий адмирал Пири Реис прямо писал, что распространилась весть, будто «неверный по имени Колон-бо» узнал из каких-то старых книг о существовании за морем обширной земли. Мало того, из тех же книг «Колон-бо» узнал, что обитатели этих земель обожают стеклянные украшения и готовы менять их на золото, – потому и прихватил означенных украшений побольше...

С этим свидетельством перекликается книга Гарсиласо де ла Веги «О государстве инков», вышедшая в 1609 г. в Лиссабоне. Гарсиласо утверждает, что примерно в 1484 г. лоцман из Уэльвы Алонсо Санчес по пути на Мадейру угодил в жесточайший шторм, около месяца буря носила его суденышко, пока не прибила к неизвестному острову, предположительно Гаити. Санчес ухитрился вернуться в Европу, потеряв из семнадцати человек экипажа двенадцать. А далее...

«Они остановились в доме знаменитого Христофора Колумба, генуэзца, потому что знали его как великого лоцмана и картографа, который составлял карты для мореплавания... И так как прибыли они измученными перенесенным в прошлом трудом, сколько ни одаривал их Христофор Колумб, они не пришли в себя и умерли все у него дома, оставив ему в наследство труды, которые принесли им смерть и которые взялся завершить великий Колумб

с таким энтузиазмом и силой, что, если бы ему пришлось перенести такие же страдания или даже большие, он все равно предпринял бы это дело, чтобы передать Испании Новый Свет и его богатства...»

Проще всего сослаться на извечную нелюбовь португальцев к давним военным противникам и конкурентам в захвате дальних земель – испанцам. Но, во-первых, Гарсиласо явно настроен к Колумбу доброжелательно (что плохого в том, что Колумб воспользовался картами и записями умерших?), во-вторых, это сообщение очень уж перекликается с теми, о которых я уже рассказал...

Можно упомянуть и о гораздо менее значительных, но все же интересных фактах. Кормчий Мартин Висенте и губернатор Порту-Санту Корреа находили в море и на берегу обработанные рукой человека непонятные деревянные предметы, странные деревья, растения и плоды, есть даже упоминания о двух необычного, не европейского вида утопленниках, выловленных у острова Флориш в Азорском архипелаге. Висенте был другом Колумба, Корреа – тестем Колумба...

Многие исследователи давно уже обращают внимание на странности путешествия Колумба – он и туда, и обратно плыл так, словно *заранее* знал приблизительное расстояние до «Индии», знал о существовании сильного океанского течения, помогавшего пльвшим в западном направлении, о ветрах. Его маршрут, на соблюдении которого Колумб яростно настаивал, совпадает с этим течением и направлением постоянных ветров настолько, что об «удаче» говорить даже и стыдно...

Кстати, не осталось достоверных свидетельств о том, что кто-то вообще видел привезенные Колумбом из *первого* своего путешествия диковины. Подлинность значительной части его писем, отчетов и дневников оспаривается давно, не без оснований. Почему-то могила Колумба оказалась в полной неизвестности, и очень быстро забыли, где она находится, так что место погребения Колумба навсегда останется тайной.

И наконец...

В конце семидесятых годов нашего столетия итальянский историк Маринелла Бонвина-Мадзанти обнаружила в архивах города Модены письмо неаполитанского посланника в Барселоне Аннибале ди Дженнаро, отправленное 9 марта 1493 г. брату, занимавшему такой же пост в Милане. Среди других испанских новостей Дженнаро сообщает (именно *среди*): «Несколько дней назад возвратился Колумб, который отправился в августе прошлого года с четырьмя кораблями в плавание по великому океану».

Начинаются странности! Во-первых, *четыре* корабля – в то время как традиция упорно приписывает Колумбу *три*. К тому же флагманский корабль Колумба «Санта-Мария» погиб у американских берегов, так что осталось только два...

Во-вторых, официальной, утвержденной, канонической датой возвращения Колумба из трансатлантического рейса всегда считалось *пятнадцатое* марта 1493 г.! Мало того, 9 марта – это день, когда Аннибале *узнал* о прибытии кораблей Колумба в Палос. А от Палоса до Барселоны – целых *девятьсот* километров (если считать по прямой). Реки, горы, разбойники в лесах, ужасные тогдашние дороги... Один итальянский путешественник в 1419 г. *хвастался*, что проехал *семьсот* миль «всего» за шестнадцать дней. Хотя ехал по гораздо более удобным дорогам равнинной Германии и Италии, а не горной Испании.

Вывод? Если учитывать письмо Дженнаро, выходит, что Колумб возвратился в Палос гораздо *раньше* официальной даты, где-то в двадцатых числах февраля. Недели через две весть об этом и достигла Барселоны...

Отчего же возникла такая путаница с датами? Умышленно или случайно? Обратите внимание: Дженнаро отчего-то вовсе не упоминает о грандиознейшем событии, открытии новых земель за океаном. Можно представить, чтобы информация об этом до него не дошла?

Маловероятно. Неужели те, кто принес известия о возвращении Колумба, не уточнили, что же именно он свершил?

А может, все известия как раз в том только и заключались, что Колумб *вернулся*? А об «открытии Америки» заговорили через пару недель? И Колумб попросту *плавал* в океане, но из-за бунта экипажа или нехватки воды вынужден был вернуться, не достигнув «Индии»?

Мотивы испанской короны, решившейся на фальсификацию, лежат на поверхности. Меж Испанией и Португалией шло прямо-таки бешеное соперничество за новые земли – при том, что на запад, как мы видим, плавали и англичане, и скандинавы...

Формируем версию. Хотя плавание Колумба окончилось неудачей, в чью-то умную голову при испанском дворе пришло гениальное решение: считать победу поражением, а открытие – состоявшимся. О существовании за океаном новых земель знают слишком многие, известие о том, что Колумбу, наконец-то, удалось их достичь, особенного удивления не вызовет, зато *проверить* это утверждение крайне трудно. Испания получает возможность кричать на весь тогдашний «цивилизованный мир»: земли открыл *наш* капитан, отныне они – наши, наши, наши! Всякий, кто покусится, вызовет войну! За свои новые территории мы будем стоять до последнего, они наши, они открыты нами, руки прочь!

Примерно так и действовало испанское правительство после *пятнадцатого* марта 1493 г. В следующем году оно добивается от римского папы подтверждения исключительных прав испанской короны на все, что испанские капитаны уже открыли и еще откроют в западном полушарии, другими словами, испанцы берут «эксклюзив» на Америку. Папа проводит по глобусу (уже существовавшему в то время) разграничительную линию. Недобрые соседи-португальцы вынуждены довольствоваться Индией.

(Кстати, тем, кто любит упоминать об «отсталости» и «невежестве» церковников, следует напомнить, что Тордесильясский договор 1494 г. фактически узаконивает представления о *шарообразности* Земли.)

И только год-другой спустя начинаются *настоящие* плаванья в Америку Колумба и молодого идадьго Алонсо де Охеды – прекрасно документированные, закончившиеся доставкой в Испанию вполне реального золота и вполне реальных индейцев, о чем остались «акты приемки»... Никто так и не заподозрил, что *первое* путешествие Колумба было фикцией. В самом деле, проверить в сжатые сроки было попросту невозможно. Тогда же как-то очень уж кстати пропадает без вести португальский капитан Гашпар Кортириал со своим кораблем, столь же загадочно исчезает его брат – реальные соперники испанцев...

Быть может, этим и объясняется столь странная, не имеющая аналогий «неблагодарность» испанской королевской четы – Колумбу, собственно говоря, платить было не за что. А впоследствии, когда он, вульгарно выражаясь, пытается что-то «поиметь», его сажают в тюрьму – и выпускают, когда убеждаются, что урок пошел впрок и капитан не будет ни болтать, ни требовать незаработанного...

Я вовсе не утверждаю, что именно так *было*. Но так *могло* быть. Слишком много загадок, противоречий и прямых странностей.

Кстати, об Америке. Точнее, о ее названии, якобы данном в честь Америго Веспуччи. Веспуччи, конечно, был выдающимся ученым своего времени. В честь иных капитанов, конечно, и называли иногда *часть* новооткрытых земель – существовала одно время на картах Земля Жуана Ваша (Кортириала), а некий залив до сих пор именуется Гудзоновым. Но – целый необозримый *континент*? В честь человека, который совершил только одно плавание (в составе экспедиции Охеды 1499 г.) в *уже* открытые земли?

Существует более изящная гипотеза. Вторую экспедицию Джона Кабота к заокеанским землям финансировали бристоольские негоцианты, и самый крупный вклад внес купец и таможенный старшина по имени Ричард и по фамилии... Америк! Мог Кабот назвать открытые им земли в честь спонсора? Почему бы и нет? Тем более, что автор «Хроники

всего света», краковский историк Мартин Бельский, в 1554 г. писал: «Амъерикус (Веспуччи) прозван именем от великого острова Америка». Не континент назвали в честь Веспуччи, а Веспуччи в честь описанных им земель.

Неизвестно, как все происходило в те далекие столетия. Но фактом остается одно: Христофор Колумб – одна из загадочнейших фигур мировой истории...

Глава вторая Славянская книга проклятий

Проклятие епископа

История конфликтов коронованных владык с владыками церкви «велика и обширна есть», и даже в кратком изложении заняла бы немало толстых томов. Темой нашего очередного исторического расследования будет лишь один-единственный, практически забытый, но крайне загадочный пример: конфликт польского короля Болеслава Смелого и краковского епископа Станислава в конце одиннадцатого века, завершившийся смертью обоих и положивший начало череде загадок, прямо-таки мистических совпадений, получивших название «проклятие епископа Станислава».

О причинах и глубинной сути вражды меж двумя высокими особами известно крайне мало. По сообщениям иных историков XV–XVI веков, епископ Станислав неустанно критиковал короля за его произвол и жестокость по отношению к подданным и, убедившись, что увещания не действуют, пригрозил наложить на венценосца проклятье. Пожалуй, эта версия наиболее правдоподобна: есть летописи XI столетия, подробно рассказывающие о прямо-таки необъяснимых, с точки зрения нормального человека, выходках короля Болеслава. По материнской линии происходившего, как давно установлено, из рода, «славного» откровенно безумными субъектами. К примеру, один из них, герцог Генрих, прилюдно избил архиепископа, добровольно ушел в монастырь, откуда вскоре сбежал, а вернувшись домой к жене, отрубил ей голову и демонстрировал ее прохожим на улице. Уже в нашем веке исследовавшие старые летописи судебные медики и психиатры без колебаний пришли к выводу, что Болеслав был ярко выраженным психопатом с признаками шизоидного распада личности.

Развязка долгого спора наступила в 1079 г., когда епископ Станислав был убит прямо у алтаря в краковском соборе – по одним версиям, приближенными Болеслава, по другим – самим королем. Достоверно известно лишь (после проведенной в XX веке экспертизы черепа), что епископ получил смертельный удар мечом в затылок.

После вспыхнувшего в стране всеобщего возмущения король Болеслав вынужден был бежать из Польши и закончил свои дни в полной неизвестности. Версий насчитывается три: убит венграми; в приступе окончательного безумия покончил с собой; умер в отдаленном монастыре. Место его погребения неизвестно. Уже в 1839 г. было доказано, что так называемая «могила короля Болеслава» в краковском замке Вавель содержит останки одной знатной дамы XVI столетия, чью могилу неизвестно кто и неизвестно когда «украсил» надгробной плитой с именем короля...

Епископ Станислав, причисленный в 1254 г. к лику святых, с тех пор считается небесным покровителем Польши. Уже в раннем средневековье возникла традиция: каждый новый король, восходящий на престол, обязательно проходил пешком путь от замка Вавель к собору, где был убит Станислав, и там, преклонив колени у алтаря, просил прощения за «грех предка своего Болеслава». Обычай этот свято соблюдался в Польше долгие столетия, все время существования королевской власти – в том числе и теми монархами, что уже не были даже отдаленными родственниками Болеслава. Прервалась династия Пястов, к которой принадлежал Болеслав, на троне побывали и мазовецкие князья, и чешские короли, оборвались роды Андегавенов, через двести лет – Ягеллонов, наступило время выборных королей – но древний обычай неукоснительно соблюдался. Лишь два монарха его не исполнили,

короновались не в Кракове, а в Варшаве, не попросив прощения. Но подробнее о них – чуть ниже...

Почти сразу же возник еще один, неписанный, но тщательно соблюдавшийся обычай: не назначать на краковское епископство священников по имени Станислав. Более того: в течение более чем шестисот лет после смерти епископа Станислава это имя избегали давать новорожденным мальчикам в сменявших друг друга королевских династиях (при том, что до конца XIX века имя «Станислав» входило в тройку самых распространенных в Польше), а когда наступила пора выборных королей, кандидаты с этим именем постоянно отвергались.

Традиция эта оказалась сломанной лишь с наступлением XVIII столетия, печально известного своими «свободомыслием» и «просвещенностью», равно как и открытым пренебрежением к «старым суевериям».

Так вот, как говорилось выше, лишь два короля не исполнили старинный обряд, отказавшись поклониться праху святого Станислава, короновались не в Кракове, а в Варшаве. Лишь они двое в нарушение древней традиции носили имя «Станислав» – речь идет о Станиславе Лещинском (1677–1766) и Станиславе Понятовском (1732–1798). И лишь они двое после Болеслава Смелого стали изгнанниками, свергнутыми с престола и погребенными на чужбине! Лещинский, проживший без малого девяносто лет, на троне просидел лишь пять, с 1704-го по 1709-й. Вторично став королем исключительно благодаря поддержке французских штыков в 1735-м, не удержался на престоле и года и скончался во Франции после тридцатилетнего прозябания в роли приживальщика версальского двора. Понятовский остался в истории с клеймом еще большего несчастливца: именно при нем Польша перестала существовать как самостоятельное государство.

Те, кто материалистически твердит о совпадениях, продиктованных теорией вероятности, разумеется, имеют право считать именно так. Однако ни одна материалистическая версия не в силах объяснить, почему все происшедшее с превеликой легкостью вписалось в рамки древнего «проклятья епископа Станислава»...

Проклятие княгини Раины

Долгие и частые войны, бушевавшие во второй половине XVII века на Украине, втянувшие в свой кипящий водоворот поляков, татар, казаков, русских, турок и литвинов, выдвинули много ярких исторических фигур – во всех противоборствующих лагерях. Речь пойдет лишь об одном из наиболее заметных деятелей той эпохи: князе Иеремии (Яреме) Вишневецком. Происходивший из семьи богатейших православных магнатов «русской земли» (именно так, как мы помним, звалась находившаяся в сфере влияния Польши территория нынешней Украины), князь в девятнадцать лет перешел из православия в католичество и стал одним из виднейших деятелей Жечи Посполитой той эпохи, окруженный прямо-таки мистическими любовью и поклонением (о чем свидетельствуют как польские летописцы, так и русские историки). Как уже вскользь упоминалось, в собственно польских землях шляхетство, долгие годы упиваясь своими вольностями и привилегиями, оказалось не в состоянии выполнять главную дворянскую обязанность: воевать за родину. Войны с казаками, татарами и турками легли на плечи, главным образом, «новых» католиков, потомков знатных православных родов Литвы и «русской земли». В один ряд с Радзивиллами, Потоцкими и Сангушко встал и «князь Ярема», подобно многим в ту бурную эпоху причудливо сочетавший талант полководца и европейскую образованность с дикой жестокостью к противнику. Совсем молодым он заслужил жутковатое прозвище «Ужас козачий», и рассказы о том, как при одном слухе «Ярема идет!» паника охватывала целые города, отнюдь не беспочвенны. Богдан Хмельницкий, которого при всей его человеческой подлости никак нельзя назвать плохим полководцем, публично признавал Вишневецкого своим самым опасным противником. Популярность Иереми в Польше была столь велика, что его сына Михая Корибута, не блиставшего никакими талантами, избрали королем исключительно из преклонения перед памятью знаменитого отца.

В июне 1651 г. у Берестечко сошлись польская армия и отряды Хмельницкого, к которому прибыл на помощь крымский хан (дело в том, что Богдан, как не без смущения вынуждены признать даже симпатизирующие ему историки, одерживал победы над поляками только в тех случаях, когда действовал совместно с крымскими татарами. Выступив в поход один, он каждый раз бывал бит...). Несмотря на присутствие в польском лагере короля Яна Казимира, войском фактически командовал Вишневецкий, по своему обыкновению лично возглавивший конную атаку. Головорезы «князя Яремы» после ожесточенной рубки опрокинули казацко-татарскую конницу, открыв главным силам дорогу на Киев, который был вскоре взят (тем самым литовским войском, о котором уже упоминалось). Вишневецкий намеревался продолжать преследование противника, пока не захватит Хмельницкого живым – вражда меж ними давно стала личной.

Мы не будем здесь обсуждать, как повернулась бы история, если Вишневецкому удалось бы захватить Хмельницкого, замечу лишь, что в этом случае ни о какой Переяславской раде не было бы и речи. Несколькими днями спустя тридцатидевятилетний «князь Ярема» неожиданно скончался в своем лагере. Смерть молодого удачливого полководца выглядела столь неожиданной и неестественной, что, как частенько случалось в ту эпоху, пошли толки об «измене и отраве». Полковые священники с великими трудами усмирили бунт в лагере – солдаты сгоряча рвались изрубить все ближайшее окружение князя. Чтобы пресечь толки, было проведено скрупулезнейшее вскрытие, отравления не подтвердившее. Уже в наши дни на основании сохранившихся подробных описаний был подтвержден первоначальный диагноз – пищевое отравление, вызвавшее скоротечную дизентерию в тяжелой форме.

Странности начались три столетия спустя, когда исследованию при помощи современных методов судебно-медицинской экспертизы подверглись не документы, а сами останки Вишневецкого, хранившиеся в застекленном гробу в соборе Святого Креста¹⁰.

Прежде всего выяснилось, что это – не Вишневецкий. Покойнику из стеклянного гроба было не менее шестидесяти лет. Кто он такой, уже вряд ли когда-нибудь удастся выяснить.

Естественно, встал вопрос: где настоящие останки и настоящая могила Вишневецкого? Оказалось, что «один из славнейших витязей Жечи Посполитой»... так *никогда* и не был похоронен по христианскому обряду! После долгих поисков остановились на двух наиболее правдоподобных версиях: ждавший погребения гроб с набальзамированным телом князя либо был в 1655 г. уничтожен похода вторгшимися в Польшу шведами, разгромившими в поисках кладов Сокальский монастырь, либо оказался забыт в подвалах и погиб при пожаре 1777 г....

Потом выяснилось, что не существует ни одного портрета князя Яремы, написанного при его жизни, а те, что имелись и считались изображениями Вишневецкого, запечатлели совсем других людей... От воевод и гетманов, не обладавших и сотой долей популярности Вишневецкого, остались в музеях сабли и булавы, золототканые кафтаны и украшения, табакерки и прочие «памятки». Другое дело с Вишневецким: на сегодняшний день не осталось ни одного материального следа, даже паршивенькой пуговицы. Не сохранилось ни единого дома, где ступала нога князя. Словно некий невидимый, неощутимый вихрь пронесся над Польшей, уничтожив все связанное с памятью полководца. Все, к чему прикасались его руки, сгнуло с поверхности земли...

Наиболее смелые историки – конечно, конфузливо обставляя свои высказывания массой материалистических оговорок, – стали упоминать о «проклятии Вишневецкого». Разумеется, употребляя робкие, уютные термины вроде: «Как бы...», «Такое впечатление...»

Совсем недавно взорвалась бомба. В архивах был обнаружен документ, чья подлинность сомнений не вызывает: так называемый «акт заложения», продиктованный матерью Вишневецкого княгиней Раиной при основании ею православного монастыря в Мхарске. В самом конце по приказу княгини вписаны грозные слова: «...если же кто в грядущем дерзнет посягнуть на сию обитель или отнимать дарованное нами, или найдется кто, посмевший нашей благочестивой и старозаветною верою православною пренебрегать либо отвергнуть таковую – быть тому прокляту, и да рассудит меня с ним правосудие Господне».

Вряд ли, диктуя эти строки, княгиня могла предугадать, что это проклятие в будущем настигнет ее собственного, единственного сына, в то время еще не расставшегося с православием и постигавшего науки в Европе...

¹⁰ Меня, признаться, удивляют те сторонники перезахоронения Ленина, что заявляют в качестве главного аргумента, будто он «погребен не по-христиански». Увы, истине сие не соответствует. И в православии, и в католичестве много случаев, когда покойных не зарывали, а оставляли покоиться в каменных либо стеклянных саркофагах – при одном неперемennom условии: тело должно лежать ниже уровня земли.

Глава третья Крещение Руси: сплетение загадок

Змея и летопись

В детстве, с почтением раскрывая исторические книги, я искренне полагал, что работа ученого-историка выглядит примерно следующим образом. В тихом архиве, где говорят шепотом из уважения к следам минувших веков и ходят в мягких тапочках, стоят полки, помеченные ярлычками: «XI век», «XII»... и так далее. На каждой полке документы, написанные именно в том самом времени, которым дотированы. Задача же ученого – трудолюбиво овладев древнеславянским, прочитать сии раритеты, переложить их на современное наречие и явить миру.

Впрочем, кое-кто, пребывая в зрелых годах, и сейчас именно так полагает. Проверено на опыте. Люди склонны полагать, не вдаваясь в тонкости, что основой для крайне безапелляционных суждений историков, для указания точных дат и навешивания тех или иных эпитетов послужило нечто достовернейшее.

Меж тем в жизни – и в науке истории – обстоит как раз наоборот. Летописи, привычно относимые, скажем, к XII веку, на самом деле оказываются либо позднейшими копиями, либо, что еще печальнее, плодами компиляции, а то и самостоятельного творчества какого-нибудь книжника, полагающего, что ему, высокомуудрому, известно о тех или иных событиях прошлого гораздо больше, чем непосредственным участникам этих событий, оставившим воспоминания. В следующих главах мы еще столкнемся с многочисленными случаями, когда историк двадцатого столетия не допускающий возражений тоном заявляет: «Летописец ошибается». Вот так – ни больше, ни меньше. Из XX века виднее.

Летописцы, конечно, были живыми людьми, а потому могли ошибаться, что частенько и делали. Однако это еще не дает ни малейшего повода современным историкам впадать в другую крайность – объявлять святой истиной только одну версию из множества, лишь одну старинную хронику, отвергая остальные, которые иногда крайне многочисленны, но, вот, незадача, напрочь опровергают чью-нибудь концепцию. С концепцией, конечно, расставаться трудно – ее пестуешь, холишь и лелеешь, к ней привыкаешь. И все же...

Простой пример. Князь Олег, тот самый, которому посвящена «Песнь о Вещем Олеге», умер как принято считать, при весьма загадочных обстоятельствах: «гробовая змея, шипя, между тем, выползала.»

Упоминания о том, что князь умер от укуса змеи, в летописях имеются. Однако мне как детективу-любителю (сталкивавшемуся к тому же со змеями при работе в тайге) представляется крайне сомнительным, что вышеозначенная змея смогла прокусить сапог из грубой кожи. Не по плечу такой подвиг стандартной русской гадюке, в буквальном смысле – не по зубам. Быть может, наиболее близка к истине, как ни возмутит это эстетов от академической истории, версия, выдвинутая авторами «Сатирикон», написавшими до революции пародийную «Русскую историю»: когда князь Олег потребовал у волхвов финансового отчета о суммах, выделенных на содержание любимого коня, волхвы вместе с князем отправились на холм, а оттуда возвратились уже без него, туманно поясняя что-то насчет «гробовой змеи».

Это, конечно, шутка. Вернемся к вещам серьезным – русским летописям, повествующим о дате смерти князя Олега и месте его последнего упокоения. Так вот, Лаврентьевская летопись сообщает, что произошло это в 912 г., а похоронен князь во граде Киеве на горе

Щелковице. Чему противоречит Новгородская летопись, уверяющая, что преставился князь Олег... в 922 г. в городе Ладоге, где и похоронен.

Вот так. Обе летописи, несомненно, подлинны, что окончательно запутывает дело: практически невозможно установить, какой из документов отражает реальную дату и место княжеского погребения. Отсюда следует многозначительный вывод: нет никаких оснований в подобной ситуации безоговорочно отвергать один документ и столь же безоговорочно верить второму. Очень прошу читателя хорошенько запомнить этот тезис: в дальнейшем им не раз придется руководствоваться.

Как была крещена Русь?

Вопросительный знак здесь появился отнюдь неслучайно. Классическая версия этого эпохальнейшего события известна давно: княгиня Ольга приняла крещение по обряду византийской церкви в Константинополе, где византийский император, плененный ее красотою, поначалу предложил княгине стать его супругой, но хитрая Ольга заявила: поскольку император стал ее крестным отцом, жениться на крестной дочери ему, императору, неуместно. Император устыдился и отступился. Ольга вернулась в Киев. Сын ее Святослав не проявил никакого желания последовать примеру матери и остался язычником, как и его сын, знаменитый Владимир. Лишь впоследствии, когда уже не было в живых ни Ольги, ни Святослава, ни Владимирова брата христианина Ярополка (которого убили как раз люди Владимира), Владимир вызвал в Киев мусульман, иудеев, римских христиан, византийских христиан и, выслушав аргументы каждого в защиту своей веры, остановился на византийском православии.

Эта каноническая версия основывается на одном-единственном источнике: так называемой «Повести временных лет», и самой ересью в ученых кругах считается, ежели кто дерзнет в подлинности данной «Повести» усомниться – либо усомниться в ее датировке (принято считать, что «Повесть» закончена мудрым летописцем Нестором в 1106 г.)

Лепо же нам будет, братие, начать подробный разбор сего...

Начнем с Несторова труда. Первым в России изучением «Повести временных лет» занялся ученый немец Август Людвиг Шлецер (1735–1800), историк и филолог, пребывавший на русской службе в 1761–1767 гг. и выбранный почетным иностранным членом Петербургской Академии наук. Но интерес для нас должны представлять не собственно Шлецеровы изыскания, а то, что он пишет о деятельности русского историка и государственного деятеля В. Н. Татищева (1686–1750):

«В 1720 г. Татищев был командирован в Сибирь. Тут он нашел у одного раскольника очень древний список Нестора. Как же он удивился, когда увидел, что он совершенно отличен от прежнего! Он думал, как и я сначала, что существует только один Нестор и одна летопись. Татищев мало-помалу собрал десяток списков, по ним и сообщенным ему другим вариантам составил одиннадцатый.»

Любопытно, не правда ли? Оказывается, двести лет назад еще существовал десяток разнившихся меж собой «летописей Нестора» – да вдобавок некие «другие варианты»... Сегодня от всего этого многообразия остался один-единственный канонический текст – тот самый, о котором нам велено думать, что он написан в 1206 г. и является единственно правильным.

Что еще любопытнее, Татищеву так и не удалось опубликовать результаты своих трудов. В Петербурге по поводу напечатания возникли «странные возражения» (определение Шлецера). Татищеву прямо заявили, что его могут заподозрить в политическом вольнодумстве и ереси. Он попытался издать свой труд в Англии, но и эта попытка успехом не увенчалась. Более того – рукописи Татищева впоследствии исчезли. А приписываемая Татищеву «История», как указывалось еще в начале XIX века академиком Бутковым, представляла собой не татищевский подлинник, а весьма вольное переложение, практически переписанное неизвестным Герардом Миллером, немцем на русской службе: «“История” Татищева издана не с подлинника, который потерян, а весьма неисправного, худого списка. При печатании сего списка исключены в нем суждения автора, признанные вольными, и сделаны многие выпуски».

Можно еще добавить, что сам Татищев совершенно не доверял «Повести временных лет», о чем написал прямо: «О князях русских старобытных Нестор монах не добре сведом бе».

Что позволило Татищеву сделать столь безапелляционное заявление? В точности неизвестно. «Другие варианты» Нестора исчезли, как бумаги Казанского и Астраханского архивов, в которых работал Татищев.

Однако не стоит опускать рук – не все, но многое удастся восстановить косвенным образом.

Поездка Ольги в Константинополь действительно имела место. Сомневаться в этом не приходится по одной-единственной, но чрезвычайно веской причине: существует официальное описание приема Ольги при дворе, «De Ceremoniis Aulae Bizantinae», – и труд этот принадлежит авторитетнейшему свидетелю, самому византийскому императору Константину VII Багрянородному. В самом деле, в 957 г. император со всем почетом принимал киевскую княгиню. Вот только стать ее крестным отцом никак не мог – поскольку пишет черным по белому, что Ольга уже была христианкой! И в свите княгини находился ее духовник!

Кстати, была весьма прозаичная причина, по которой Константин никак не мог предлагать Ольге руку и сердце – к ее приезду он уже пребывал в законном браке.

Поистине, начинаешь верить Татищеву, что старец Нестор был «не добре сведом»!

Не верить императору Константину нет никаких оснований. В те времена языческая Русь доставляла Византии не мало хлопот и беспокойства своими частыми набегами, после которых гордые ромеи выплачивали славянам не малую дань. Можно не сомневаться: принятие Ольгой крещение в Константинополе от византийцев было бы по любым критериям столь ошеломительным дипломатическо-политическим успехом Византии, что о нем следовало не просто упоминать – громогласно сообщить всему миру.

Однако ж не сообщили. Честно написали, что Ольга приехала уже крещеной.

Кто же ее крестил? И когда? Наконец, почему мы решили, что Ольга была крещена по византийскому обряду? Быть может, наоборот, по «латинскому», то есть римскому?

Я уже вижу, как сжимаются кулаки, и слышу, как скрежещут зубы ревнителей православного варианта. Однако, вопреки устоявшемуся мнению, не склонен полагаться на него только потому, что оно устоявшееся. В конце концов, столетиями верили устоявшемуся мнению, что Земля вращается вокруг Солнца.

Оказывается, давно уже существует предположение, что Ольга в самом деле приняла крещение в Киеве, в 955 г. Оказывается, в Киеве к тому времени уже стояла церковь святого Ильи (чья принадлежность константинопольской патриархии до сих пор не доказана). Оказывается, согласно западноевропейским хроникам, в 959 г. послы Ольги прибыли к германскому императору Оттону, ПРОСЯ О НАПРАВЛЕНИИ НА РУСЬ ЕПИСКОПА И СВЯЩЕННИКОВ! Просьбу приняли, и в следующем, 960 г. некий монах Сент-Альбанского монастыря был рукоположен в епископы Руси, но в Киев не смог прибыть, поскольку заболел и умер.

В том же году в епископы Руси был рукоположен монах монастыря Св. Максимиана в Трире Адальберт – и добрался до Киева. Правда, уже через год ему пришлось покинуть русские пределы.

Почему? Сторонники «несторовщины» не в силах опровергнуть сам приход Адальберта на Русь (ибо об этом пишут не только западноевропейские, но и русские хроники), однако объявили его отъезд «неприятием русскими папежского гостя». То есть – еще одним аргументом в пользу «византийской» версии Ольгиного крещения.

Меж тем отъезд Адальберта из Киева можно истолковать и по-другому. Возможно, дела были не в том, что Адальберт пришел от папы, совсем не в том. В конце концов, в те времена единая христианская церковь еще не раскололась на православную и католическую,

а потому мы с полным правом можем заключить, что «Повесть временных лет» написана веке в шестнадцатом, когда противостояние и впрямь стало непримиримым. А в храме святой Софии, построенном в Киеве в XII в., мозаичное изображение римского папы Климента преспокойно соседствовало с образами Григория Богослова и Иоанна Златоуста.

Адальберт мог покинуть Киев по причинам, как выразились бы мы сейчас, организационного характера. Историк М. Д. Приселков полагал, что Адальберт был направлен в Киев с ограниченными полномочиями – русская церковь должна быть организована как простая епархия, то есть подчинявшаяся непосредственно германскому духовенству. Ольга же вполне могла потребовать, чтобы киевская церковь стала диоцезом – автономной единицей под руководством автономного епископа или митрополита. Во всяком случае, именно эти требования в свое время выдвигали принявшие христианство от Рима владетели Польши и Чехии – и после долгой, сложной борьбы добились своего. Ольга просто-напросто могла последовать их примеру. Но – не договорились. Адальберту пришлось ехать в спешке. Впоследствии его отъезд истолковали как «неприятие» Киевом «римского варианта».

А было ли такое неприятие? Позвольте усомниться.

О Константине и Мефодии

Распространение христианства на Руси неразрывно связано с именами двух братьев – просветителей Кирилла и Мефодия. Именно они составили кириллицу – новую азбуку, пришедшую на смену старым славянским письменам, и эта азбука из Моравии и Чехии попала на Русь. Разумеется, давно принято именовать братьев «православными византийского обряда».

Однако все было несколько иначе. Во-первых, по логике азбуку следовало бы именовать не кириллицей, а константиницей – потому что брат Мефодия именовался как раз Константином, а имя Кирилл принял незадолго до смерти, уйдя в монастырь. К тому времени новая славянская азбука давно была им совокупно с братом составлена.

Во-вторых, вся жизнь и деятельность братьев свидетельствует о том, что они в первую очередь были посланцами Рима. Судите сами.

Сначала Константин и Мефодий и в самом деле жили в Константинополе – и были пока что не священниками, а учеными книжниками-мирянами. В 862 г. князь Ростислав, правивший Великой Моравией, прибыл к византийскому императору Михаилу и поведал ему, что Моравия отреклась от язычества, стала соблюдать христианский закон, но не имеет учителей, которые проповедовали бы христианскую веру на славянском языке.

Тогда-то император и поручил братьям ответственную миссию. Составив новую азбуку, Константин с Мефодием прибыли в Моравию и более трех с половиной лет проповедовали там христианство, распространяя Священное Писание, начертанное той самой кириллицей (константиницей).

После чего намеревались вернуться в Константинополь, но, встретив в Венеции папского гонца, приглашавшего их в Рим, последовали за ним. Именно в Риме папа Андриан II рукоположил братьев в сан священников! Сохранилось письмо папы моравским князьям Ростиславу, Святополку и Коцелу, где, в частности, говорится: «Мы же, втройне испытав радость, положили послать сына нашего Мефодия, рукоположив его и с учениками, в Ваши земли, дабы учили они Вас, как Вы просили, переложив Писание на Ваш язык, и совершили полные обряды церковные, и святую литургию, сиречь службу Божию, и крещение, начатое Божьей милостью философом Константином».

О вражде меж западной и восточной церковью пока что нет и речи – в том же послании Андриан именует византийского императора «благочестивым». Есть еще одно многозначительное упоминание: Константин и Мефодий, отправляясь в Моравию, заранее знали, что эти земли относятся к «апостольскому», то есть римскому канону. А потому ни в малейшей степени не отклонялись от римских канонов. И найденные ими мощи святого Климента отвезли не в Константинополь, а в Рим.

Остается лишь добавить, что впоследствии папа сделал Константина епископом, а также специально восстановил для Мефодия Сремскую митрополию.

Итак, в конце IX века в славянских землях с благословения римского папы трудами Константина и Мефодия распространялось христианство апостольское, т. е. римского канона. Распространялось среди ближайших соседей Руси, родственных славян. Может быть, именно отсюда и берет начало и появление в Киеве христианских церквей, и крещение Ольги? А Константинополь здесь и вовсе ни при чем? Лишь впоследствии, когда между Римом и Константинополем отношения испортились напрочь и дело дошло до взаимного анафематствования, летописцы вроде Нестора (жившего, скорее всего, в XV или XVI веках) постарались на совесть, чтобы вымарать все «крамольные» упоминания о крещении, первоначально принятом от посланников Рима.

Есть еще одно косвенное доказательство. Наличие в нашем Священном Писании Третьей Книги Ездры, которая присутствует лишь в Вульгате (Библия на латыни) – но не в греческом и еврейском вариантах Писания. Это доказывает: первые переводы Библии на старославянский язык были сделаны именно с Вульгаты, то есть с Библии римского канона. Да и календарь – основа богослужения – на Руси был принят не византийский, а как раз латинский. Названия месяцев латинские, а не ромейские, и началом года считался не сентябрь, как у греков, а март – как на западе.

Интересно, есть ли западноевропейские источники, подтверждающие сию еретическую гипотезу?

Представьте себе, есть. Вот что сообщает хроника францисканского монаха Адемара (XII век):

«У императора Оттона III были два достопочтеннейших епископа: святой Адальберт и святой Брун. Брун смиренно отходил в провинцию Венгрию. Он обратил к вере провинцию Венгрию и другую, которая называется Russia. Когда он простерся до печенегов и начал проповедовать им Христа, то пострадал от них, как пострадал и святой Адальберт. Тело его русский народ выкупил за высокую цену. И построили в России монастырь его имени. Спустя же немного времени пришел в Россию какой-то епископ греческий и заставил их принять обычай греческий».

Поездку Бруна к печенегам российская историография, скрепя сердце, признает. Однако все остальное, написанное Адемаром, современные ученые мужи опровергают по избитой методике: «летописец заблуждался». Из двадцатого века виднее. Нестора положено считать личностью под солнцем. Адемара положено считать невеждой, переложившим на бумагу недостоверные сплетни и непроверенные слухи. Нестор ложится в концепцию, Адемар же категорически неудобен.

Так и живут. Присочинив попутно, что княгиня Ольга сожгла град Коростень... реактивными снарядами, полученными от византийцев. Доказательством служит как раз то, что ни единого упоминания об этом в византийских документах нет – значит, конспирация была строго соблюдена.

Смерть на Днепре

Многие историки давно уже соглашаются, что убийство князя Святослава печенегами у днепровских порогов – история гораздо более сложная и загадочная, чем официальная версия, согласно которой Святослав, возвращаясь после войны с ромеями, чисто случайно напоролся на превосходящие силы степняков. Так что здесь я не открываю никаких Америк. Пока.

История, в самом деле, загадочная и грязенькая. Судите сами. После продолжавшихся два месяца схваток у болгарской крепости Доростол Святослав заключил с византийским императором Иоанном Цимисхием, в общем, довольно почетный мир. И поплыл с дружиной в Киев, поздней осенью. Согласно летописям, русским стало известно, что у порогов печенеги устроили засаду.

И вот здесь что-то происходит! Что-то навсегда оставшееся загадкой. Большая часть дружины с воеводой Свенельдом во главе уходит в Киев по суше, степью – и благополучно добирается до города!

Что касается князя Святослава, он вдруг начинает вести себя более чем странно. С меньшей частью дружины остается зимовать то ли на берегу, то ли на одном из днепровских островов. Зима выдалась лютая, еды почти нет, летописцы подчеркивают, что русские бедствовали несказанно: «по полгривны платили за конскую голову, врагом были болезни». Весной Святослав, даже не пытаясь пройти степью, по которой благополучно ушел Свенельд, вновь плывет по Днепру. Печенеги, что странно, отчего-то зимовали здесь же – они по-прежнему подстерегают князя и убивают.

Странностей выше допустимого. Почему Святослав не ушел в Киев степью? Означает ли уход Свенельда, что в русском стане произошел раскол? В истории вроде бы не отмечены какие-то действия Святослава, внушившие печенегам непреодолимое желание за что-то отомстить князю...

Темная история. И потому ее не единожды называли «заказным убийством». Полное впечатление, что Святослав прекрасно понимал: в Киев ему идти нельзя. Почему? Что там могло случиться?

Поначалу во всем винили византийцев, якобы подкупивших печенежского кагана Курю. Однако впоследствии было блестяще доказано: ромеям просто не хватило бы времени организовать довольно сложную операцию. Не успели бы они снестись с печенегами...

Тогда? Покойный Л. Н. Гумилев предложил довольно изящно построенную версию. Согласно ей, заговор против Святослава был затеян старшим сыном Святослава Ярополком, стоявшим во главе киевских христиан. Другими словами, набиравшая силу христианская партия таким образом отделалась от одного из самых влиятельных своих противников. Благо под рукой имелся киевский воевода Претич, несколькими годами ранее ставший побратимом печенежского кагана Кури – он, скорее всего, и стал «связником».

Косвенным подтверждением этой версии служит Иоакимовская летопись, где смерть Святослава объявлена божьей карой за то, что князь в 971 г. расправился с киевскими христианами и велел разрушить некую церковь.

Вообще-то, Иоакимовская летопись давно признана компилятивным источником, составленным в XVII веке, которому «доверять без проверки нельзя» (академик Б. Рыбаков). Сам академик считал, что доказательством является постамент языческого бога в центре Киева, который «был вымощен плинфой и фресками христианского храма, разрушенного до 980 г.».

Правда, приведенное академиком Рыбаковым «доказательство» свидетельствует лишь о том, что христианский храм был некогда разрушен, – но никак не о том, что в разрушении повинен князь Святослав...

Читатель вправе недоуменно воскликнуть: «Позвольте! Ведь достоверно известно, что Святослав, не в пример матери Ольге и старшему сыну Ярополку, был приверженцем язычества!»

Верно, известно. Из рукописи Нестора. Но в последние годы появились свидетельства, заставляющие снова вспоминать о характеристике, данной Нестору Татищевым...

В вышедшей недавно книге «Империя» московские математики Носовский и Фоменко, известные интереснейшими работами на тему «новой хронологии», привели большие отрывки из книги Мауро Орбини, посвященной славянской истории. Книга эта впервые издана в 1601 г., и ее автор, «архимандрит Рагужский», основывался на огромном количестве средневековых источников, просто-напросто не дошедших до нашего времени.

Кстати, лично я не согласен с Носовским и Фоменко в том, что определение «архимандрит Рагужский» связывает личность Орбини с балканским либо итальянским городом Рагуза. Право на существование имеет и другая версия: Орбини был *австрийцем*. Слово «рагужский» вполне могло означать искаженное «ракусский» – то есть «австрийский». В старых русских книгах титулом «арцкнязь ракусский» именуется германский император Максимилиан, и в самом деле имевший среди подвластных ему земель и Австрийское герцогство. А в современном чешском и словацком Австрия так и называется – «RAKOUSKO»...

Но вернемся к Святославу. В книге Орбини мне попалась прелюбопытнейшая строка: «После смерти Ольги правил ее сын Святослав, ШЕДШИЙ ПО СТОПАМ МАТЕРИ В БЛАГОЧЕСТИИ И ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЕ».

Каково? Это означает, что в прошлом, кроме навязшего в зубах «Нестора», существовали и другие источники, рассматривавшие князя Святослава несколько иначе, нежели «несторовцы». Какой еще вывод можно сделать из вышеприведенной цитаты?

В самом деле, получалось несколько странно: мать Святослава – ревностная христианка, старший сын – ревностный христианин, зато сам он – язычник... Режьте мне голову, но здесь присутствовала некая психологическая нестыковочка.

Если сообщение Орбини правдиво (а какие у нас основания априорно считать его ложным, отдавая предпочтение Нестору?) и князь Святослав был христианином, события на Днепре можно истолковать несколько иначе...

Святослав остается зимовать на Днепре, потому что прекрасно сознает грозящую ему из Киева угрозу – но исходит эта угроза не от христианской партии Ярополка, а от языческой – Владимира. К каковой принадлежит и бросивший Святослава Свенельд и, возможно, Претич. В Киеве готовится антихристианский переворот, а потому Святослава, как ревностного и влиятельного сторонника христиан, необходимо убрать...

И убирают – руками печенегов. Имя их кагана присутствует в разных толкованиях – Куря, Кур ей, Кур... Интересно заметить, что в тюркском языке есть слово «Кур», которым принято называть одноглазого – потерявшего один глаз в результате травмы либо бельмастого. Быть может, «люди кагана Кури» – на самом деле – «банда Кривого»?

Кстати, некоторые источники уверяют, что Святослав был убит не на берегу Днепра, а на острове Хортица. Согласно свидетельству уже упоминавшегося Константина Багрянородного, на этом острове, у огромного дуба, русы-язычники совершали свои жертвоприношения, убивая живых петухов. Работы современных археологов это сообщение вполне подтверждают.

Интересно, есть какая-то связь между насильственной смертью христианина Святослава и языческим святилищем, расположенным поблизости от места убийства князя? Быть может, не случайно его кровь пролилась именно на Хортице? Жертвоприношение?

И, наконец, есть летопись, где прямо сказано, что Святослав не запрещал своим людям креститься – «не бороняше»...

Все последующие события без малейшей натяжки укладываются в гипотезу о христианине Святославе. Владимир убивает брата, христианина Ярополка. И устраивает в Киеве знаменитое языческое святилище, о котором написано слишком много (а посему не стоит цитировать здесь бесспорные источники). Возможно, именно по приказу Владимира (даже наверняка – в рамках нашей версии) была разрушена та христианская церковь, чьи камни и фрески легли в постамент грандиозного языческого капища.

Кому понадобилось превращать Святослава в закоренелого язычника, догадаться легко. Впоследствии, когда во множестве стали сочиняться апологетические описания «жития святого Владимира», христианин Святослав стал словно бы и неудобен. Главная заслуга в крещении Руси должна была достаться именно Владимиру. Тогда-то, надо полагать, цензорские ножницы и прошлись по летописям, не укладывавшимся в официальный канон. Всякие упоминания о первоначальном принятии Русью крещения от посланцев Рима были изничтожены (правда, руки коротки оказались, чтобы дотянуться до западноевропейских документов вроде хроники Адемара). Фигура упорствующего в своих языческих заблуждениях Святослава как нельзя лучше оттеняла светлый образ Владимира Крестителя. Подозреваю, правщики истории с величайшей охотой проделали бы ту же метаморфозу с княгиней Ольгой. Однако тут уж приходилось соблюдать минимум приличий – слишком много было свидетельств о ее принадлежности к христианству, а прах княгини покоился в Десятинной церкви, откуда удалить его было бы трудновато. Зато Святослав, погибший где-то далеко, как нельзя лучше подходил на роль «защитника язычества», благо протестовать было некому. А вероломное убийство Ярополка... Некий историк объявил князя «злопамятным и завистливым». Не объясняя, понятно, на основании чего пришел к такому выводу. Главное, злопамятного и завистливого словно бы и не жалко.

Интересно, настанет когда-нибудь момент, когда не келейно, а с широким оглашением воздадут должное памяти христианского мученика Святослава, павшего от руки язычников за веру? Или по-прежнему будет торжествовать «несторовщина»?

И пришли миссионеры

Чтобы должным образом оценить «правдивость» летописи Нестора, «Повести временных лет», а также доказать, что она никоим образом не могла быть составлена в 1106 г. (году в 1606, а то и позже – так будет гораздо вернее), подробно рассмотрим один из ключевых эпизодов сего творения: рассказ о событиях, якобы происшедших перед принятием Владимиром христианства.

По Нестору, сначала к Владимиру один за другим, словно по некоему предварительному сговору (совершенно невозможная вещь!), являются некие посланцы, исповедующие ту или иную веру: мусульмане, «немцы из Рима», евреи и греки. Начинает мусульманин:

«И спросил Владимир: “Какова же вера ваша?” Они же ответили: “Веруем богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами”». И далее сообщают князю: оказывается, и в этой, земной жизни можно «невозбранно предаваться всякому блуду».

Каково? Вы можете себе представить ревностного миссионера, который в проповеди перед язычниками упирает главным образом на то, что его вера позволяет «невозбранно предаваться всякому блуду»? Лично я как-то не в состоянии. Либо миссионер этот – законченный дурак и развратник (а отправят ли такого в столь ответственную миссию?), либо вся эта история выдумана от начала и до конца гораздо позже описываемых событий, когда неприязнь меж православием и мусульманством достигла высокого накала (чего просто не могло быть в X веке нашей эры).

С «немцами из Рима» дело обстоит еще анекдотичнее. В защиту своей веры они, согласно Нестору, оказались способны промямливать одну-единственную косноязычную фразу: «Пост по силе; если кто пьет или ест, то все это во славу божию, как сказал учитель наш Павел».

Брешет, конечно, наш «очевидец» – как сивый Нестор... Но интерес для нас должны представлять не те глупости, что Нестор вложил в уста «немцам», а само употребление этого слова – «немцы», неопровержимо доказывающего, что «Повесть» сочинена не ранее шестнадцатого столетия. Именно в то время вошло в употребление в России слово «немец», служившее для обозначения любого западноевропейца. В средневековье на Руси западноевропейцев называли совершенно иначе: «фрязы» либо «латины». Для примера: в 1206 г., узнав о взятии крестоносцами Константинополя, русский летописец заносит эту новость на скрижали в следующем виде: «...Царьград завоеван и частью сожжен варягами, или латинами». И подобных примеров – множество...

Вслед за магометанами и «немцами» испытать на себе убийственное остроумие князя Владимира настал черед иудеев. «Владимир спросил их: “А где земля ваша?” Они же сказали: “В Иерусалиме”. Снова спросил он: “Точно ли она там?” И ответили: “Разгневался бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам, А ЗЕМЛЮ НАШУ ОТДАЛ ХРИСТИАНАМ”».

Я не зря выделил последние слова. Именно в них и кроется ахиллесова пята «Повести». Согласно датировке, которая, в общем, сомнению не подвергается, этот интересный разговор происходил в 986 г. от рождения Христова.

То есть в те времена, когда в Иерусалиме, на землях бывшего еврейского государства, не было никаких христиан! Первые крестоносцы появились в Палестине лишь сто с лишним лет спустя, после описываемых событий – в 1096-м! Вывод: «Повесть» написана не ранее конца одиннадцатого – начала двенадцатого столетия (а согласно тому, что выше говорилось о слове «немцы», – и того позже).

Потом, разумеется, приходят греки и закатывают речь на дюжину страниц, после которой Владимир, естественно, именно им и отдает предпочтение. Но приключения на этом не кончаются: Владимир отправляет «мужей славных и умных, числом десять» – чтобы побывали в мусульманских землях, у «немцев» (!), а также посмотрели, как молятся богу греки в Царьграде. Славные и умные мужи добросовестно съездили к болгарам-мусульманам (не понравилось, понятно), потом побывали «у немцев» (с тем же результатом) и, наконец, оказались в «Греческой земле». Откуда вернулись очарованными, о чем и доложили князю в крайней степени восхищения: «И ввели нас туда, где служат они богу своему, и не знали – на небе или на земле мы, ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как рассказать об этом».

Делайте со мной что хотите, но я твердо уверен, что Нестор-поганый русофоб. Иного определения для него и не подберешь. Надо очень не любить своих земляков, чтобы представить их полными и законченными дикарями, только вчера слезшими с деревьев и не без труда оторвавшими у себя хвосты... По Нестору, киевляне в 986 г. от Рождества Христова были некими тупыми существами с девственно чистыми мозгами. Они впервые услышали о существовании мусульманства, иудаизма, «немецкой веры», они понятия не имели о церковных службах по православному канону – и, угодив в совершенно незнакомую им «землю Греческую», предстали папуасами, разинувшими рты перед сверкающими бусами...

К счастью, реальная история выглядела совершенно иначе. К концу X века русские уже достаточно долго общались с волжскими мусульманами-болгарами, а следовательно, должны были составить некоторое представление об исламе. А христианство, как мы помним, давно пустило в Киеве глубокие корни, и церкви там существовали еще до Владимира, так что для ознакомления с «греческой верой» не было нужды отправлять «славных мужей» в далекий Царьград, расходуя казенные денежки...

Один мой знакомый, ознакомившись с этой историей, высказал циничное предположение: по его мнению, «девятеро славных мужей» преспокойно промотали командировочные денежки, отсиживаясь где-то в Киеве, а нужные сведения почерпнули, вовсе не выезжая из стольного града. Как же иначе, если церковь византийского обряда в те времена преспокойно существовала в Киеве?

Это, конечно, шутка – *наши* представления о десятом веке. Вряд ли в те времена удалось бы отколоть такой номер. Вся история с прибытием миссионеров разных религий и «путешествием девяти славных мужей» вымышлена Нестором от начала до конца. Плохо только, что на творение сего блудливого пера до сих пор принято ссылаться как на бесспорную истину. Вот вам мнение академика Б. А. Рыбакова: «Историко-географическое введение Нестора в историю Киевской Руси, написанное с небывалой широтой и достоверностью, заслуживает полного доверия с нашей стороны».

Насчет широты, мне представляется, почтенный академик совершенно прав. Но вот каким волшебным образом он проверил «небывалую достоверность» Нестеровых творений, остается тайной за семью печатями. Лично для меня, по крайней мере. Как ни ломал голову, не смог определить: на основании каких источников Нестор утверждает, что «от Адама до потопа прошло 2242 года»...

Гораздо больше мне нравится высказывание нашего знаменитого историка Д. Иловайского, написавшего однажды по поводу одного особо выдающегося Несторовского пассажа: «Тут видим совершеннейшую бессмыслицу». В яблочко...

О бедных хазарах замолвите слово...

Пожалуй, больше всего оскорблений российская историография высказала в адрес хазар. Остальных южных соседей древних славян тоже не особенно жаловали летописцы и позднейшие историки – но половцев и печенегов поливали грязью все же не в пример меньше. Традиция оказалась устойчивой – великий поэт А. С. Пушкин припечатал хазар несмываемым эпитетом «неразумные», а крупный (но порой чрезмерно увлекавшийся собственными идеями) историк Л. Гумилев нарисовал предельно отталкивающую картину государства-паразита – Хазарского каганата, обложившего тяжелой данью всех ближних и дальних соседей. Мало того, по Гумилеву, власть в Хазарии, оказывается, захватили злокозненные пришельцы иудейской национальности, усиленно обращавшие в свою веру простодушных сынов степей. Разумеется, последняя версия была с радостным визгом подхвачена нацистами отечественного разлива, поднявшими шум вселенский об извечных кознях жидомасонов, еще тысячу лет назад обкатывавших на русских землях свой сатанинский план порабощения народа-богоносца...

Откровенной клиники мы постараемся избежать – всего лишь попытаемся разобраться в «хазарской загадке». Загадка эта существует до сих пор, и интерес к ней, судя по последним работам историков самых разных направлений, не падает.

Действительно, какое-то время иные славянские племена – поляне, северяне, вятичи и радимичи – платили дань Хазарскому каганату. Вот только понятие «дань» в те далекие времена было крайне растяжимым. Одним и тем же словом могли называть и постоянные выплаты, и деньги, полученные прямо-таки рэкетирскими методами...

Вот именно. Рэкет был прекрасно известен уже в ту эпоху. Скажем, киевское войско подступало к стенам Константинополя и объявляло, что уйдет не раньше, чем ему заплатят определенную сумму. Подобную «дань» Византия (самое мощное государство региона!) платила и русским князьям, и дунайским болгарам, да едва ли не всем своим соседям. Кроме того, у всех народов было в большой моде останавливать идущие из дальних мест купеческие обозы и даже воинские дружины, требуя с них опять же «дань» (шутки-шутками, но, похоже, именно отсюда пошел русский деревенский обычай, когда парень, «ходивший» с девкой с чужой улицы, вынужден был убогаторить парой бутылок своих ровесников с означенной улицы – иначе «амор» осложнялся до предела). Проезжающие, скрепя сердце, платили – куда денешься?

Словом, точных деталей нет. Доктор исторических наук А. Кузьмин сделал любопытный обобщающий вывод: «Летопись дает глухие и противоречивые сведения о дани, взимаемой хазарами, но из этих преданий и воспоминаний никак не следует, чтобы эта дань была тяжелой».

Есть еще одна интереснейшая версия «хазарской дани», но об этом чуть позже. Поговорим об иудаизме хазар и некоторых загадках, отсюда проистекающих.

То, что часть хазар иудаизм все же исповедовала, наука подтверждает. Известный историк-эмигрант, профессор Йельского университета Г. В. Вернадский был крайне категоричен в суждениях: «В восьмом и девятом веках еврейские миссионеры были активны в Хазарии, и около 865 г. хазарский каган и многие из его знати были обращены в иудаизм... главным центром иудаизма древней Руси был Киев. Еврейская колония существовала там с хазарского периода. В двенадцатом веке одни из городских ворот Киева были известны как Еврейские ворота, что является свидетельством принадлежности евреям этой части города и значительного их количества в Киеве. Евреи играли значительную роль как в коммерческой, так и в интеллектуальной жизни Киевской Руси. По крайней мере, один из русских епископов этого периода Лука Жидята из Новгорода был, как мы можем полагать, еврейского проис-

хождения. Иудаизм имел сильное влияние на русских в этот период, в результате чего русские епископы, подобно Илариону Киевскому и Кириллу Туровскому, в своих проповедях уделяли значительное внимание взаимосвязи иудаизма с христианством».

Вряд ли стоит подвергать сомнению вышесказанное (поскольку оно подтверждается многими источниками) – за одним-единственным исключением. В той части, где речь идет о еврейских загожих миссионерах.

Потому что здесь – нестыковочка. Дело в том, что классический, ортодоксальный иудаизм (а иного в X веке просто не существовало) как раз категорически запрещает своим приверженцам вести миссионерскую деятельность среди иноверцев. Это, понятно, не значит, что того, кто решил обратиться к иудаизму, отвергают автоматически – но миссионерство прямо и недвусмысленно запрещено. (Кстати, в обряд принятия иудаизма и сегодня входит ритуал, когда неопита трижды уговаривают отказаться от своего решения.)

Кроме того, версия, согласно которой «загожие иудеи» захватили власть в Хазарии и стали правящей кастой, опровергается самой историей: за последние две тысячи лет иудеи нигде, ни в одной стране, не «захватывали» власть и не становились «правлящей верхушкой». Кроме Хазарии, как ни странно. Поневоле напрашивается вывод, что Л. Н. Гумилев по милому своему обыкновению чересчур поэтически подошел к трактовке истории средневековья, создав легенду о коварных захватчиках.

Более правдоподобным (хотя, безусловно, способным многих шокировать) представляется другой вариант: никакого еврейского нашествия не было. Никакой власти в Хазарии коварные иудеи не захватывали. Хазарию населяли родственные славянам народы, часть которых *приняла* иудаизм. Самое обычное дело для тех времен, когда «ареалы» распространения тех или иных религий еще не устоялись окончательно в том виде, как они нам знакомы. Русь приняла христианство – но это вовсе не означало переселения византийцев на ее земли. Западные славяне приняли христианство от Рима – что опять-таки не есть результат «переселения» римлян на польские или чешские земли и захвата ими там власти. Ну, а часть славян-хазар приняла иудаизм, не будучи по крови евреями (в конце концов, даже сейчас в России есть несколько деревень, где жители, русские по крови, исповедуют классический иудаизм).

Сохранившиеся свидетельства тех времен как раз и работают на эту версию. Следов «пришлой еврейской верхушки», как ни старались, не обнаружили. Зато хватает иных многозначительных упоминаний. В хазарском городе Саркеле (как и в других канагатах) так и не обнаружены следы еврейской письменности. Зато тюркских надписей – сколько угодно¹¹. Та же картина и в Шарукани. И в Саркеле, и в Шарукани жили, кроме хазар, славяне, в том числе и христиане. Есть упоминание, что в 1111 г., во время похода русских князей на половцев, население Шарукани открыло ворота не перед угрозой применения военной силы, а перед попами, певшими молитвы...

Вот что писал персидский историк XIII века Фахр ад-дин Мубаракшах: «У хазар есть такое письмо, которое происходит от русского; ветвь румийцев, которая находится вблизи них, употребляет это письмо, и они называют румийцев русами. Хазары пишут слева направо, и буквы не соединяются меж собой... Та ветвь хазар, которая пользуется этим письмом, исповедует иудаизм».

Вот так. Общеизвестно, что евреи пишут справа налево... Хазары заимствовали веру, но не письменность.

¹¹ В дальнейших главах будет рассмотрена убедительная версия, доказывающая, что тюркским языком часто пользовались и славяне.

Уже упоминавшийся Татищев на основании каких-то утраченных материалов считал, что хазары – славяне. И оставил крайне примечательную запись: согласно его изысканиям, киевские иудеи говорили на... славянском языке.

Следовательно, и «киевские евреи» – не более чем славяне, принявшие иудейскую веру. Отсюда и Лука Жидята, обязанный своему прозвищу, скорее всего, происхождением из рода славян-иудеев. Кстати, в XII веке встречается отчество «Жидиславич», которое могло образоваться только от имени Жидислав.

Схожие аргументы можно подыскать и в русском эпосе – в древних былинах. Там, оказывается, действует богатырь с определенно еврейским именем Саул. Там Илья Муромец сражается с «богатырем Жидовином из земли Жидовинской»¹². Там часто мелькают витязи, которых называют «жидове козарские» – вроде богатыря Михаила Козарина. Обратите внимание – витязи. Не ростовщики с пачкой векселей в сумке, а настоящие богатыри, восседающие в доспехах на борзых конях.

Итак, мнение о том, что хазары – это славяне, родилось не сегодня. После Татищева, в начале XIX века, о том же писал в своей «Истории русов или Малой России» архиепископ Белорусский Георгий Кониский: «Козарами (именовали. – А. Б.) всех таковых, которые езжи-вали верхом на конях и верблюдах и чинили набеги, а сие же название получили наконец и все воины славянские, избранные из их же пород для войны и обороны отечества, коему служили в собственном вооружении, комплектуясь и переменяясь также своими семействами. Но когда во время военное выходили они вонне своих пределов, то другие гражданского состояния жители делали им подмогу, и для сего положена была у них складка общественная, или подать, прозванная наконец с негодованием дань козарам. Воины сии переименованы от царя греческого Константина Мономаха из козар – казаками, и такое название навсегда уже у них осталось».

Хазары-козары – предки казаков? Что ж, эта гипотеза вовсе не выглядит надуманной. Любопытно, что средневековые авторы, описывая внешность хазар, упоминают высокие шапки с матерчатым верхом, свешивающимся на сторону – шапки такие казаки носили еще в XIX столетии. Любопытно, что версия о «дани козарам» как налоге на содержание своего же войска находит подтверждение и в русских летописях: незадачливый князь Игорь, убитый древлянами, как раз и шел собирать «дань козарску»! Вассалом хазар он не был. Значит...

Тот, кто посчитает вышеприведенные гипотезы творением русских шовинистов, просчитается. Почти то же самое писали и католические авторы. Есть два знаменитых польских историка – Мартин Бельский (1495–1575), автор «Хроники Польши» и 10-томной «Хроники всего света» и Матвей Стрыйковский (1547–1593), автор «Хроники польской, литовской, жмудской и русской». Оба в своей работе использовали огромное количество античных сочинений, работ польских, литовских и белорусских хронистов, не дошедших до нашего времени. И оба отчего-то писали о родстве хазар, половцев и печенегов со славянскими племенами литовцев и ятвягов...

Современные историки, хотя и не располагали теми документами, что имелись в распоряжении польских хронистов, тем не менее старательно заклеили обоих за «ошибки». Вновь с презрительной миной было произнесено: «Летописец ошибается». Потому что в дошедших до нас летописях написано нечто иное.

Меж тем и Бельский, и Стрыйковский, хотя и были «латинянами», пользовались огромным авторитетом у русских историков допетровской эпохи – надо полагать, оттого, что эти историки имели в своем распоряжении схожие древние документы. В главе «Призрак Золо-

¹² В средневековье в русском языке слово «жид» еще не носило оскорбительного оттенка (имея тот смысл, что и в современном польском: «zuid» – это попросту «еврей»).

той Орды» читатель столкнется с подлинными сенсациями, многое переворачивающими в нашем устоявшемся мировоззрении...

О печенегах и половцах. Нынешние ученые создали крайне своеобразную теорию, согласно которой все три народа «сменяли» друг друга. Хазар «сменили» печенеги. Печенегов «сменили» половцы. Половцев «сменили» татары. Цепочка получается довольно стройная, но страдает существеннейшим недостатком: никто из историков так и не смог внятно объяснить: куда же девались те, кого «сменили» и «вытеснили»? Неужели печенеги, придя в южнорусские степи, вырезали хазар до последнего человека, впоследствии их самих под корень уничтожили половцы, а тех уж вырезали татары...

Вздор, конечно. Никто никого не «сменял» и не «вытеснял». Просто названия народов подвержены таким же изменениям, как и имена городов. Те, кого в разные времена называли то хазарами, то половцами, то печенегами, продолжали мирно (или не вполне мирно) обитать на отчих землях. И были, судя по описаниям, людьми вполне славянского облика: само слово «половый» означает светло-соломенный цвет, так что половцы были русыми... А еще они были не кочевниками, а вполне оседлым народом – у одного несправедливо забытого историка допетровской эпохи (с чьими трудами мы подробнее познакомимся чуть погодя) написано четко и недвусмысленно: «...были разрушены ГОРОДА и КРЕПОСТИ и ДЕРЕВНИ половецкие...»

Косвенным подтверждением родства славян и хазар служит титул, которым величались предводители и тех, и других...

Любой, безусловно, согласится, что строчка из хроники: «... и встретились для совета три короля, два герцога и три барона» может относиться исключительно к Европе. А упоминание о встрече на высшем уровне меж несколькими «султанами» касается только исламского мира. И общность «короли», и общность «султаны» подразумевает для своих членов общую религию, схожие культуры, близость по уровню развития...

Так вот, титул, который носил глава Хазарского каганата, имел распространение не в одной Хазарии. «Каганами» были правители авар, болгар, венгров... и славян! Академик Рыбаков пишет: «Византийский титул (царь. – А. Б.) пришел на смену восточному наименованию великих князей киевских “каганами”. В том же Софийском соборе на одном из столбов северной галереи была надпись: “Кагана нашего С...” Заглавная буква С, стоявшая в конце сохранившейся части надписи, может указывать на Святослава Ярославича или Святополка Изяславича».

Митрополит Иларион (1051–1054), первый русский по происхождению, занявший этот высокий пост, написал сочинение «Учение о Ветхом и Новом законе»¹³, куда вошла и «Похвала кагану нашему Владимиру». Так и в тексте: «...великие и дивные дела нашего учителя и наставника, великого кагана нашей земли, Владимира...»

Сюда примыкает и западноевропейская Вертинская летопись, сообщающая о приезде в 839 г. к императору Людовику Благочестивому послов от русского кагана...

Хазары, отчего-то считавшиеся исчезнувшими, частенько появлялись в летописях уже гораздо позже той даты, согласно которой их города были начисто уничтожены русскими князьями. В 1203 г. «Пошел Мстислав на Ярослава с хазарами и касогами». Примерно к тому же времени относятся упоминания о хазаро-черкесском князе Георгии Чуло, который, судя по имени, мог быть исключительно христианином. Кстати, «черкесы» эти, как и хазары, были не теми черкесами, которых мы знаем сегодня, а черкасами, предками нынешних казаков. Об этом следует помнить и в дальнейшем – «черкесы» в русских древних документах всегда означает не воинственный кавказский народ, а предков нынешних казаков. Полезно помнить, что один из самых больших казачьих городов так и назывался: Новочеркасск.

¹³ Именуется еще «Слово о законе и благодати».

Одним словом, никогда не было противостояния славян и «неразумных хазар». Вплоть до Кавказского хребта обитали родственные племена славян – древляне, поляне, киевляне, хазары. Иные из этих славян, как ни прискорбно покажется это иному «патриоту», исповедовали иудаизм – а иные, как мы увидим впоследствии, мусульманство, подобно волжским болгарам: «...названные от реки Волги волгары или болгары, которые имели начало свое от преславного и многонародного народа словенского».

Кстати, версия о том, что в Хазарию якобы пришло одно из еврейских колен, была выдвинута итальянцем Джованни Ботеро в конце XVI века, но уже тогда к нему относились с нескрываемым скептицизмом, поскольку загадочная «страна Арсатер», о которой писал итальянец, никоим образом не ассоциировалась в глазах наших земляков с Хазарией – скорее уж с Индией...

Виртуальность-1: тиара над Россией

В этом разделе мы рассмотрим один из интереснейших вариантов несбывшейся, альтернативной истории: что произошло бы с Россией и с миром, останься наши предки в «зоне влияния» католической церкви. Конечно, для создания детальнейшего виртуального варианта потребовался бы долгий труд многих специалистов, применение ЭВМ, а посему ограничимся общими зарисовками, касающимися наиболее ключевых моментов. Нет смысла очень уж виртуозно извращаться, выдумывая совершенно новых исторических лиц и исторические коллизии. Проще считать, что основные «фигуранты» Большой Истории остались теми, кто нам известен сейчас. И для того есть веские причины. Не все зависит от религии. Характер и поведение многих выдающихся персонажей европейской истории далеко не во всем обуславливались верой, которую они исповедовали. Иван Грозный, окажись он не православным, а католиком, с той же неутомимой яростью боролся бы с магнатами-боярами и отстаивающими свои старинные вольности городами, и голов слетело бы ничуть не меньше. В чем убеждает опыт английского Генриха VIII, чье правление ознаменовано более чем 72 000 казненных, равно как и герцога Ришелье, крушившего пушками замки дворянской вольницы и кроваво подавлявшего любые попытки сепаратизма. И так далее, примеры слишком многочисленны...

Меньше всего я хотел бы задевать чьи-то религиозные чувства, но никак не в силах отделаться от убеждения, что в «византийском» каноне (который вовсе не следует механически отождествлять с православным!) таится некая полумистическая отравка, причинявшая массу бедствий и потрясений странам, имевшим несчастье с ним соприкоснуться. Даже русские авторы, не видящие себя вне православия, не раз грустно отмечали, что «византийское наследство», по сути, привело к тому, что русское православие столетиями оставалось пронизанным метастазами язычества, сплошь и рядом заводившего в тупики, весьма далекие от христианских канонов. Вопрос этот слишком обширный и сложный, чтобы излагать его хотя бы вкратце, замечу лишь вскользь, что судьба стран, принявших византийский канон – Россия, Болгария, Греция, Сербия, – форменным образом выламывается из европейской истории, отличаясь ненормально большим количеством невзгод. Здесь и роковые смуты, ставившие порой под сомнение само существование нации, и многовековое прозябание под иноземным игмом, и едва ли не полная потеря духовно-национальных корней – не говоря уже о периодах глупейшей самоизоляции.

Для сравнения можно отметить, что грузинская и армянская православные церкви (православные, но не «провизантийские»!), несмотря на то, что долгими столетиями находились под страшным иноверческим давлением, все же сумели сберечь те самые духовные, национальные и культурные корни народа. Как ни больно и тяжело говорить, но в сопоставлении, например, с грузинским народом русские, увы, выглядят скорее населением. Конечно, в этом чертовски модно упрекать злодеев-большевиков, но большевики, будем честными перед самими собой, стали лишь логическим завершением длившегося несколько сот лет гнилостного процесса...

Все проклятия в адрес католической церкви (сплошь и рядом вызванные откровенным незнанием предмета) не в силах заслонить очевидного факта: ни одна католическая страна не лишилась своей национальной либо духовной самобытности. Скорее уж наоборот. А пресловутая «тяга католических иерархов к светской власти» несла полезнейшую функцию: сильная церковь была независима от самодурских прихотей той или иной коронованной особы. Испокон веков повелось, что самодур на троне глух к благостным пастырским увещаниям, а вот перед лицом реальной силы вынужден сбавить обороты...

Все вышесказанное, разумеется, не значит, что католическая церковь за свою долгую историю была свободна от пороков и промахов. Люди – создания несовершенные, а посему склонны к порокам и преступлениям независимо от сана. Пили, блудили, воровали. Доходило до полуанекдотических случаев вроде того, о каком рассказывает в своей хронике немецкий монах Ламберт. На некоем празднестве аббат Фульдский вознамерился сесть рядом с архиепископом, но епископ Гильдесгеймский стал доказывать, что сие почетное место вправе занять только он. Духовные особы расстались врагами. А вскоре, в праздник Троицы, сторонники епископа и сторонники аббата схватились меж собой прямо в церкви, в ход пошли не только кулаки, но и мечи...

Можно вспомнить и о случаях, когда в католических святцах были обнаружены не то что «недостойные» – личности, о которых вообще ничего не было известно, и расследовавшей это дело высокой духовной комиссии пришлось немало потрудиться, прежде чем удалось навести порядок и вычеркнуть «мертвых душ»...

Но все это – частности. Главное же в том, что католицизм, как уже говорилось, лишь способствовал национально-духовному процветанию принявших его народов, в том числе и славянских. И потому чуточку смешно выглядят «обличения» одного весьма крупного историка прошлого столетия в адрес злокозненных «езуитов». Судите сами. Историк негодует главным образом по поводу того, что коварные иезуиты «портили» украинскую молодежь XVII столетия – вместо того, чтобы и далее продолжать свое образование в культурных центрах вроде Яблонца (знает кто-нибудь, где это?!), по наущению иезуитов и за их счет юноши отправлялись учиться в Австрию, Францию, Испанию и Италию. В самом деле, коварство иезуитов тут превосходит всякие границы – вместо загадочного Яблонца юные славяне были обречены прозябать под небом Флоренции, Вены или Мадрида...

Интересно, многие ли знают, что само понятие «права человека» оказывается неразрывно связанным с деятельностью в Южной Америке монахов-иезуитов?

Источник авторитетный: доктор философских наук, профессор Мераб Мамардашвили. Вот что он говорил в одном из интервью, вспоминая о знаменитом «государстве иезуитов» в Парагвае:

«Есть одна интересная заковыка! Эта страна нам представляется одним из образцов социальной несправедливости и тем самым революционности ситуации. Причем несправедливости исторической, заложенной испанцами как завоевателями и закрепленной идеологически, духовно католической религией в лице прежде всего ордена иезуитов... Вы знаете источник, исторический источник самой концепции прав человека? Тех самых прав человека, которые являются достоянием европейской культуры и прежде всего, конечно, лицом, *familier mot* которых является Декларация прав человека и гражданина, провозглашенная Французской революцией? Фактом является... то странное обстоятельство, что концепция прав человека изобретена испанскими иезуитами. Это странно ведь. Было бы естественным, если бы концепцию и саму идею прав человека изобрел, скажем, кто-то из французских энциклопедистов или сторонник и последователь английского *Home book* – Великой хартии. Но вот частью и итогом довольно интенсивной интеллектуальной работы, которую иезуиты вели, и, как предполагается, в своекорыстных целях, явилась разработка самого понятия и концепции прав человека в современном значении этого термина – концепции, заложенной как в Декларации Французской революции, так и в Декларации ООН, и так далее и так далее... иезуиты ведь христиане, это христианский орден, а понятие личности фундаментально для христианства. Почему вот эти страшные завоеватели, эксплуататоры и грабители вдруг оказались участниками чего-то совсем другого и прямо противоположного – участниками движения за права человека?»

От себя добавлю, что покойный философ никоим образом не был связан с католичеством – тем ценнее его свидетельство...

Вернемся к нашей «виртуальной реальности». Конечно, Русь, останься она католической, ничуть не была бы избавлена от княжеских распрей и междоусобных войн – этот печальный период пережила и католическая Европа. Однако при католическом пути у России был бы нешуточный шанс на создание огромной славянской сверхдержавы...

Шанс этот касается Великого Княжества Литовского. Хочу сразу предупредить читателя: это могучее некогда государство не имело никакого отношения к *нынешней* Литовской республике и нынешним литовцам, которых правильнее именовать так, как они сами себя называют: «летувяй».

Предками нынешних «летувяй» были языческие народы балтийской группы – жемайты и аукштайты. Именно они населяли Жемайтию (Жемойтию, Жмудь, княжество Самогитское), занимавшее небольшую часть нынешней Литвы. Свою независимость это княжество со столицей в г. Расей-няй сохраняло лишь двадцать пять-тридцать лет, после чего вошло составной (и не самой важной) частью в государство, именовавшееся полностью «Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское». Можно добавить еще, что балто-литовский язык жемайтов не имел своей письменности до середины XVI века.

А вот «литовцами» в те времена именовались предки нынешних белорусов, звавшихся сначала гудами (гудзинами), потом – кривичами и литвинами-литовцами (того, кто интересуются более подробным изложением этих тезисов, можно отослать к трудам лингвиста И. Ласкова, кандидата философских наук Я. Тихоновича, филолога и историка, профессора М. Ермаловича). Племя под названием «литва» обитало на юге нынешней Литвы, в верховьях Немана, в окружении родственных славянских племен – ятвягов, кривичей и лехетских радимичей, переселившихся туда из Мазовии (некогда самостоятельного княжества, населенного родственными полякам мазурами, потом – одной из областей Польши). В первой половине XIV века, во времена великого князя Витовта, Великое Княжество занимало Литву, или Трокское и Виленское воеводства, а также Белоруссию примерно в нынешних границах, Украину (без Галиции), часть Смоленщины, бывшие Калужскую, Орловскую и Курскую губернии.

В 1382 г. князь Ягайла (впоследствии король польский Ягелло) убил Кейстута, отца Витовта. Чтобы отомстить, Витовт и его брат Скиргайла призвали на помощь крестоносцев, а в качестве платы отдали им Жемайтию. Стоит упомянуть, что Витовт и до того, и после, в компании крестоносцев и один, в буквальном смысле слова заливал языческую Жемайтию кровью, дарил ее, уступал, переуступал, разве что не проигрывал в карты. Отсюда ясно, что соплеменниками ему жемайты не были – с отчей землей так не обращаются. А потому по меньшей мере странны нововведения нынешних литовцев: Витовта они отчего-то переименовали в «Витаутаса» и назвали «отцом жемайтской независимости»...

Под властью крестоносцев Жемайтия пребывала вплоть до битвы под Грюнвальдом-Танненбергом в 1410 г., но и после включения в состав Великого Княжества, как явствует из самого его названия, осталась третьестепенной провинцией славянской державы, не игравшей мало-мальски заметной роли. Слово «жмудный», кстати, в современном польском языке носит явственно пренебрежительный оттенок и означает нечто вроде «бесполезный» или «обременительный»...

Государственным языком Великого Княжества был древнебелорусский, и делопроизводство велось исключительно на нем. Известно, что на Солинской встрече князя Витовта с посольством крестоносцев Витовта сопровождали князь Юрий Пинский, Михаил Заславский, Александр Стародубский, Иван Гальшанский, Иван Друцкий. По свидетельству посла крестоносцев Кибурга, Витовт и весь его двор говорили исключительно по-белорусски. Даже в Жемайтии правили белорусские бояре: княжеским посадником в Ковно (новое название – Каунас) сидел некий Иван Федорович, а жемайтским войском командовал уже упоминавшийся князь Юрий Пинский.

Иными словами, Великое Княжество Литовское было славянской державой, где православие до определенного времени пользовалось равными правами с католичеством. Именно тем и объясняется легкость, с какой подданные московского и иных русских князей во множестве «уходили в Литву», а «литвины», тоже в немалом количестве, переходили «под руку Москвы». Именно так в свое время «отъехал к Москве» князь Михаиле Глинский, один из предков Ивана Грозного. Рискую утомить читателя, все же приведу генеалогию семейства великого князя литовского Ольгерда (кстати, наполовину русского, сына князя Гедимины и княжны Марии Тверской):

Дети от первого брака Ольгерда с княжной Марией Ярославной Витебской:

1. Андрей, впоследствии князь полоцкий.
2. Дмитрий, князь брянский, друцкий, стародубский и трубчевский (предок князей Трубецких).
3. Константин, князь черниговский, затем чарторыйский (предок князей Чарторыйских).
4. Владимир, князь киевский, затем копыльский (предок князей Бельских и Слуцких).
5. Федор, князь ратненский (предок князей Сангушко).
6. Федора – замужем за Святославом Титовичем, князем карачевским.
7. Неизвестная по имени дочь – за Иваном, князем новосильским и одоевским.
8. Агриппина-Мария – за Борисом, князем городецким.

Дети от второго брака Ольгерда с княжной Ульяной Александровской Тверской:

1. Ягайло-Владислав, великий князь литовский, король польский, родоначальник династии Ягеллонов (правившей с 1386 г. по 1572 г.).
2. Скиргайло-Иван, князь трокский и полоцкий.
3. Корибут-Дмитрий, князь новгород-северский, збаражский, брацлавский, винницкий (был женат на княжне Анастасии Рязанской).
4. Лигвень-Семен, князь новгородский, Мстиславский (был женат на княжне Марии Московской).
5. Коригайло-Казимир, наместник Мстиславский.
6. Вигунт-Александр, князь керновский.
7. Свидригайло-Болеслав, князь подольский, черниговский, новгород-северский, брянский, великий князь литовский, затем князь волынский.
8. Кенна-Иоанна – за князем Поморским, вассалом Польши.
9. Елена – за князем Владимиром Боровским и Серпуховским.
10. Мария – за литовским боярином Войдылой, потом за князем Давыдом Городецким.
11. Вильгейда-Екатерина – за герцогом Мекленбургским.
12. Александра – за князем Мазовецким.
13. Ядвига – за князем Освенцимским.

(Здесь, как и на Руси в свое время, мы имеем дело с двойным именованием: «мирское», обиходное имя и данное при крещении.)

Как видим, тогдашняя Литва – сложное переплетение семейных связей польских, русских и белорусских князей. Славянское государство. И когда Ольгерд или его потомки «ходили на Москву», это, увы, вовсе не было нашествием чужеземного супостата – это всего лишь жгли друг у друга города славянские князья¹⁴.

Витовт, неопит-католик с 1382 г., вскоре перешел в православие (когда получил от Ягайлы во владение православные уделы Берестье и Городню), но уже в 1385-м вернулся

¹⁴ Дмитрий Рогозин, лидер Конгресса Русских Общин, как его аттестуют собратья по движению, «один из идеологов национально-государственной оппозиции, автор ряда философских и политологических трудов», в одной из своих велеречивых книг, говоря о XVI веке, искренне полагает, что Литва и Белоруссия – два разных государства. О том, что это было одно и то же, «идеолог» и не подозревает...

в католицизм. После избрания Ягайлы королем польским, после Кревской (1385) и Городельской (1413) уний, тесно связавших Литву и Польшу в некую федерацию, наступило размежевание. Пренебрежение Витовта к православным, прямое их притеснение Ягайлой (только феодалы-католики могли получать гербы, занимать должности, заседать в сейме, а впоследствии и выбирать короля) привело к тому, что часть православных князей и бояр Литвы отдалась со своими уделами в подданство Москвы. Другие приняли католичество, составив впоследствии значительную часть польской шляхты (Чарторыйские, Сапеги, Радзивиллы). После Люблинской унии 1569 г., объединившей Польшу и Литву в одно государство, Жечь Посполиту (именно так, согласно грамматике, и должно звучать правильное название), «Литва» стала чисто географическим понятием. «Литвинами» себя называли те, кто родился на сей земле – и великий польский поэт Адам Мицкевич, и украинец Тарас Шевченко, и белорусы Янка Купала и Якуб Колас.

Необходимо заметить, что впоследствии, когда короля стали выбирать и прав у него практически не было никаких, а развращенная вольностями польская шляхта превратилась в толпу ни на что не способных гуляк, именно «литвины» несли на своих плечах главную тяжесть войн за государство. Во второй половине XVII столетия, в эпоху польско-казацких войн, армия Жечи Посполитой упустила великолепный шанс полностью разгромить и взять в плен Хмельницкого исключительно из-за дурости собственно польской шляхты – после пары удачных сражений заскучавшей и отправившейся по домам прямо с поля боя. При польском короле осталось лишь одиннадцать тысяч литовцев – именно они лихим ударом взяли Киев, но Хмельницкого догнать не успели.

Отголоски этой ситуации великолепно просматриваются в знаменитых книгах Генрика Сенкевича. Нужно заметить, что его трилогия «Огнем и мечом», «Потоп», «Пан Володыевский» до сих пор пользуется в Польше невероятным почитанием, именуясь в обиходе просто «Трилогия». Так вот, среди героев этих произведений, среди витязей, рубившихся во славу Польши, чьи имена заучивают дети еще в младших классах... почти нет собственно поляков, «великополяков». Все эти витязи – либо литвины, либо «русская шляхта» (как именовали себя украинские дворяне-католики)! Самое пикантное, что это мало кто замечает даже теперь, и в свое время это мое литературоведческое открытие вызвало сущий шок у моих знакомых поляков...

Но вернемся к Жечи Посполитой. В 1572 г., когда умер последний король из династии Ягеллонов Зыгмунт II Август, и впервые прозвучала идея об «элекции», т. е. выборах короля, одним из кандидатов стал русский царь Иван Грозный. Легко понять, почему – он был и Рюриковичем, и потомком князей Глинских, то есть близкий родственник Ягеллонов (родоначальником которых, как мы помним, был Рюрикович на три четверти Ягелло), а в те времена такие вещи имели огромное значение – настолько огромное, что поляков и литвинов не остановило даже различие в вероисповеданиях.

Увы, Иоанн Васильевич сам испортил все дело – по присущей ему несдержанности и живости характера заявил прилюдно, что, став властелином Жечи Посполитой, быстро изведет под корень «латынские» храмы и заменит их православными церквями. Шляхта ужаснулась – и, решив не рисковать, проголосовала за французского принца Генриха Валуа...

Впоследствии именно эта выборность королей, становившихся бесправными марионетками, привела Жечь Посполитую к катастрофе – но разговор не об этом...

Будь к тому времени Русь католической, избрание Ивана Грозного на краковский престол¹⁵ можно с уверенностью назвать делом практически решенным. Что в итоге? Над Европой нависла бы огромная славянская держава, включавшая Московию, Великое Княжество

¹⁵ Краков до 1569 г. был столицей Польши, в нашем варианте мог оставаться ею и впредь.

Литовское и Польшу, объединенных общей верой (тому, кто заинтересуется этой возможностью, не мешает самому определить по карте пределы такого государства). Нет сомнений, что Иван Грозный сумел бы и на новом престоле бороться со своевольными магнатами так, как привык это делать на Руси, – а нужно отметить, что в Жечи Посполитой была сила, способная стать ему в этом опорой: сильные и многочисленные города, по так называемому «магдебургскому» праву обладавшие определенной независимостью от феодалов.

Честно говоря, при мысли об упущенных возможностях меня охватывает нешуточная грусть – чересчур заманчив этот вариант католической славянской сверхдержавы...

Ничуть не притягивая за уши высосанные из пальца аргументы, можно с большой уверенностью говорить: в случае создания нашей виртуальной «Московии Посполитой» (надо же ее как-то называть?) Германия надолго, быть может, навсегда осталась бы скопищем карликовых государств – поскольку Пруссию (сыгравшую в 1871 г. ту же роль, что некогда для русских земель сыграла Москва) Краков несомненно подчинил бы своему влиянию...

Рассмотрим историю Пруссии подробно.

Мало кто помнит, как появились на славянских землях те, кого потом стали называть «псами-рыцарями». В начале XII века означенных рыцарей выгнали из Палестины – и германский император Фридрих I Барбаросса попросил, чтобы изгнанников приютили его старые добрые друзья: князь Конрад Мазовецкий и Всеволод Большое Гнездо (дед Александра Невского).

Оба князя, будучи в прекрасных отношениях с Фридрихом, выполнили его просьбу. Так и появился на балтийском побережье Тевтонский орден, выпустивший затем метастазы в виде ордена Ливонского.

Первое время немецкие рыцари старательно выполняли однажды взятые обязательства, признавая себя вассалами мазовецкого и владимирского князей. Потом, набравшись сил, обнаглели – и события развивались в полном соответствии с известной сказкой о лисе, зайце и лубяной избушке...

Хребет Тевтонскому ордену долго ломала главным образом Польша. После Грюнвальда, где крестоносцев размолотили совместными усилиями поляки, литовцы, русские, татары и чехи, Орден еще долго сопротивлялся, но в 1457 г. был вынужден сдать полякам свою столицу Мариенбург, в 1466-м торжественно подтвердил, что остается вассалом Польши.

Войны, впрочем, продолжались – в одной из них, несмотря на духовный сан, принимал участие и Николай Коперник, руководивший обороной замка Фромборк. Однако в 1525 г. Орденское государство прекратило свое существование, став светским владением – Прусским герцогством. До 1657 г. (по крайней мере, формально), Пруссия оставалась вассалом польской короны, и освободилась от этой зависимости исключительно благодаря слабости Жечи Посполитой.

Ливонский орден был уничтожен Иваном Грозным в результате одноименной войны 1553–1558 гг. Магистр ордена Кетлер часть своих земель отдал под власть Великого Княжества Литовского, а Ревель с Эстляндией признали над собой власть Швеции.

Так обстояло дело в реальности. Ну, а как шли бы дела в нашем мире, где возникла Московия Посполитая?

Несомненно, более жестко по отношению к немцам. Вряд ли Грозный и его потомки церемонились бы с Пруссией – а у последней не достало бы сил сопротивляться славянскому соседу. Вероятнее всего, Пруссия стала бы очередной провинцией нового государства – и, быть может, не она одна.

Что автоматически влекло бы за собой долгую войну со Швецией. В реальности Швеция долго воевала за балтийское побережье с Жечью Посполитой – и последняя на протяжении XVII столетия (о чем у нас мало известно) сумела нанести шведам несколько крупных

поражений на суше и на море. В виртуальности против Швеции всей мощью выступала бы объединенная славянская держава – и исход войны наверняка был бы для северного соседа еще более тяжелым. Балтийское побережье наверняка было бы очищено от шведов еще в начале XVII века.

Это столь автоматически влекло бы за собой господство военного флота Московии на Балтике (у поляков к тому времени были солидные военно-морские силы, перешедшие бы «по наследству» к новому государству). И, как следствие, – упадок влияния немецких торговых союзов вроде Ганзы. Сама логика событий ведет к тому, что Московия стала бы потихоньку прибираться к рукам крохотные германские княжества.

И, без сомнения, играла бы огромную роль в европейских делах – наравне с Францией и Священной Римской империей. Не исключено, что в нашей виртуальности Англия вообще оказалась бы лишена того влияния на европейские дела, какое имела в реальности.

Я не берусь наспех спрогнозировать позицию католической Московии Посполитой в конфликте меж папством и германскими императорами – вопрос слишком сложный, требует долгих расчетов и потому останется за пределами нашей книги. Однако с уверенностью можно сказать: став неотъемлемой частью католической Европы, Русь очень рано оказалась бы активной участницей войн с мусульманским миром. Что не могло не повлиять на ситуацию в Испании (где победа над маврами могла состояться гораздо раньше) и в Восточном Средиземноморье – веке в XV турки-османы могли быть отброшены от Константинополя (который, вполне вероятно, оказался бы в сфере влияния Руси). Поражение Турции в войне с Европой почти автоматически привело бы к тому, что открытие Америки оказалось отложенным лет на сто – полтораста. В нашей реальности европейцы отправили экспедицию к берегам Индии как раз оттого, что турки перерезали торговые пути с Индией, Юго-Восточной Азией и Китаем. Но в варианте с оставшимся в руках христиан Константинополем и не возникшей Османской империей просто не было никакой нужды заниматься поисками «обходных» путей в Индию, и Колумб остался бы невостребованным историей.

Необходимо подчеркнуть, что еще задолго до вступления Ивана Грозного на престол объединенной державы Русь несколько веков развивалась бы как неотъемлемая часть Европы. Русские молодые люди обучались бы в испанских, французских и итальянских университетах. Кроме того, на Руси искусство могло бы развиваться столь же свободно и многогранно, как в Западной Европе. Омертвевший византийский канон загнал русское искусство в узкие, сугубо церковные рамки (факт, против которого просто нет аргументов), а потому отечественная светская живопись смогла достигнуть первых успехов лишь во второй половине XVIII столетия, а русская скульптура, несмотря на единичные достижения, начала нормально развиваться лишь во второй половине прошлого века. В Западной Европе, где католицизм не препятствовал развитию скульптуры, живописи, светской поэзии, обстояло как раз наоборот – и потому начался Ренессанс. Вполне возможно, что и на Руси в XVI–XVII веках жили люди, способные стать нашими Микеланджело, Рембрандтами, Боттичелли и Леонардо, но им просто-напросто не предоставилось случая проявить свои таланты, и они сошли в могилу, всю жизнь прозанимавшись не своим делом... Сколько шедевров мы потеряли, установить не представляется возможным.

Нет сомнений, что в «католическом варианте» Русь оказалась бы силой, способной помочь папскому престолу раз и навсегда разделаться в зародыше со всевозможными ересями, теми, которые в нашей реальности привели к рождению лютеранства.

Радикализм – порождение ума не одной только убогонькой российской интеллигенции, способной лишь разрушать либо рукоплескать разрушителям. Увы, и на Западе хватало недоумков, искренне восхищавшихся, к примеру, гуситами – исключительно на том основании, что гуситы «выступали против существующего порядка вещей»...

Да и мы учились по учебникам истории, где безоговорочно клеймилось «реакционное и кровожадное папство», выступавшее против «прогрессивных» гуситов. Меж тем гуситы, захватившие власть в Чехии, были компанией довольно жутковатой. Прежде всего оттого, что задолго до Ленина приняли один из основных принципов большевизма: истинный большевик может сам определять, что хорошо, а что плохо, кто хорош, а кто плох. Это вовсе не преувеличение – один из английских историков в сердцах назвал первых протестантов как раз «тогдашними большевиками». Вот что написано в «Хронике Лаврентия из Бржезовой» о некоторых идеях гуситов по переустройству жизни:

«...чтобы не допускалось под страхом установленных наказаний распитие в корчмах каких бы то ни было напитков...

...чтобы не носили роскошных одежд и не допускали бы ношение другими слишком против Господа Бога драгоценных, как-то: серебряных поясов, застежек и всяких украшений и драгоценностей, располагающих к гордости...

...чтобы не терпеть и не оставлять без наказания ни одного явного грешника...

...чтобы ни в ремеслах, ни на рынке не было... изготовления всяких бесполезных и суетных вещей...»

Обратите особенное внимание на два последних пункта. Вы спросите, кто должен был определять, какая вещь является «суетной и бесполезной», а кто считается «явным грешником»?

Кто угодно – при условии, что он принадлежит к «истинным праведникам». Я нисколько не преувеличиваю.

Наиболее радикальное крыло гуситов – табориты и чашники – как раз и требовали установления такого порядка вещей, при котором любой горожанин (если он, разумеется, числится среди праведных обывателей) был бы вправе без всяких церемоний убить любого своего соседа, по мнению «добропорядочного», не вписывавшегося в общую гармонию. Нелишне упомянуть, что были еще и адамиты, жаждавшие общности женщин и права ходить голыми. Тот, кто решил, что я сгущаю краски, может сам покопаться в серьезных исторических трудах. В конце концов радикалы зарпортовались настолько, что самим гуситам пришлось их немножко перерезать...

Правда, вслед за тем гуситы начали совершать вооруженные вылазки за пределы Чехии – чтобы благодетельствовать своим учением соседей. Но те, вовсе не желавшие подобных нововведений, стали сопротивляться, – и отражение гуситской агрессии как раз и стало именоваться впоследствии «карательными экспедициями католиков».

Потом появился Лютер. Право же, совершенно неважно, что он искренне желал бескровно усовершенствовать жизнь и сделать ее лучше и благостнее. Важны не намерения, а результат. Увы, изыскания Лютера вызвали лишь череду гражданских войн, смут, междоусобиц, насилий и зверств. Германские рыцари увидели в новом учении великолепную возможность как бы на законном основании ограбить церкви и монастыри – но добычу пустить не на облегчение жизни ближнему, а исключительно на собственные выгоды. Швейцарец Кальвин творчески усовершенствовал учение Лютера и довел реформы до логического конца – в кальвинистской Женеве людей бросали в тюрьмы за появление в яркой одежде, игру на музыкальных инструментах, чтение «неправильных» книг... В Тридцатилетней войне меж католиками и протестантами Германия потеряла треть населения. Франция стараниями протестантов более чем на полсотни лет погрузилась в огонь и кровь гражданских войн. Слово свидетелю: «...гугеноты врывались в церкви. Они были многочисленны и вооружены ружьями и палками. Они срывали изображения святых, рушили распятия, разбивали трибуны, органы, алтари, скамьи и перегородки...» Это – о событиях 1566 г. в Валансьене. В 1531 г. в Ульме лошадей запрягли в орган, выволокли его из церкви и разбили на куски. В

Бале в 1559 г., когда было установлено, что умерший три года назад житель по фамилии де Брюж оставался втайне католиком, тело вырыли из могилы и вздернули на виселицу.

Нам с детства вдалбливали, что Варфоломеевская ночь, случившаяся в Париже в 1572 г., была кровавейшим и злодейским преступлением католиков, достойным самого сурового осуждения. Вот только при этом забывали уточнить: это был первый случай, когда католики стали инициаторами резни. А вот протестанты-гугеноты к тому времени множество раз устраивали католические погромы, когда убивали всех подряд без различия пола и возраста. Последнее избиение католиков гугенотами случилось в городе Ниме за три года до Варфоломеевской ночи. Более того, существовали донесения агентов французских секретных служб, работавших среди протестантов. И из них следует, что глава протестантской партии, тот самый облагороженный пером Дюма адмирал Колиньи, как раз и планировал захват Парижа, взятие Лувра, арест короля. (Так называемый доклад сьерра де Бушавана.) Католики просто-напросто упредили удар, только и всего...

Сегодня подробности религиозных войн того времени практически забыты, и многие искренне полагают, будто гугеноты хотели всего-навсего «религиозного равноправия», в чем им злые католики отчего-то отказывали.

Ничего подобного! Претензии гугенотов прекрасно документированы. Гугеноты требовали сущей «малости»: они хотели жить во Французском королевстве, но не подчиняться ни королю, ни властям, ни законам. По их требованиям, в гугенотских городах должны были действовать *свои* законы, *своя* администрация и даже своя собственная денежная система, а оказавшиеся на этой территории католики попросту не имели права исповедовать свою веру ни открыто, ни тайно.

По сути, это масхадовская Чечня – за четыреста лет до Масхадова! Легко догадаться, что ни одно государство планеты, где бы оно ни располагалось, в каком бы столетии дело ни происходило, не могло допустить на своей территории подобных «супероффшорных» зон. Когда претензии гугенотских вождей были отклонены, они перешли к прямым военным действиям против французского короля – причем деньги, оружие и даже военную силу получали из Англии. Войны эти продолжались несколько десятилетий, пока с мятежниками окончательно не разделался Ришелье, человек железной воли и энергии.

Между прочим, тот самый адмирал Колиньи, один из вождей гугенотской армии, за несколько лет до Варфоломеевской ночи как раз и готовил, похищение тогдашнего короля Генриха III. Так что нет ничего невероятного в версии, согласно которой так называемая Варфоломеевская ночь была импровизированной *ответной* мерой на вполне реальный заговор. Упомянувшийся выше доклад сьерра де Бушавана с самого начала не предназначался для антигугенотской агитации и пропаганды – он был тут же засекречен, двести с лишним лет пролежал в королевских архивах и был обнаружен только после Французской революции.

Короче говоря, вполне вероятно, что Россия, будь она католической, могла бы еще в середине XVI века склонить чашу весов в пользу полной и безоговорочной победы над первыми глашатаями лютеранской ереси. Пожар был бы погашен в самом зародыше – следовательно, не было бы ни Тридцатилетней войны, ни полувековой французской смуты, ни господства протестантизма в Англии. (Я уже не говорю о сатанистах-альбигойцах, с которыми покончили бы гораздо быстрее.) Не исключено, что Джордано Бруно остался бы жив и нашел своим талантам лучшее применение. Дело в том, что его в свое время сожгли не за идеи о множественности обитаемых миров, идеи эти тогда не были ни новыми, ни смелыми, ни даже еретическими. Бруно угодил на костер за то, что активно участвовал в деятельности чуть ли не всех европейских са-танистских обществ, – а это, согласитесь, меняет многое...

Можно уточнить, что известна так называемая Наваррская библия XIII века, где планеты изображены в виде шаров, – но никто и не подумал тащить на костер художника. А истово верующий христианин Николай Коперник затягивал печатание своего труда не из

«страха перед инквизицией», а исключительно потому, что, будучи священником, всерьез опасался смутить незрелые умы, считая, что к кардинально новым идеям людей следует приучать постепенно, а не обрушивать им на головы ошеломляющие сенсации.

Безусловно, Коперник руководствовался точкой зрения, близкой к той, которую впоследствии сформулировал известный английский философ – и верующий человек, не чуждавшийся теологии, – Фрэнсис Бэкон (1561–1626): «Знание в руках невежественного и неумелого человека, без преувеличения, становится чудовищем. Знание многогранно и может быть применено по-разному. У него лицо и голос женщины – олицетворение его красоты. У знания есть крылья, потому что научные открытия распространяются очень быстро, невзирая на границы. Острые и цепкие когти нужны ему для того, чтобы аксиомы и аргументы проникли в человеческое сознание и накрепко удерживались в нем, так, чтобы от них нельзя было избавиться. И если они неправильно поняты или использованы, они приносят беспокойство и мучения тем или иным путем и в конце концов просто разрывают сознание на куски».

Нет сомнений: в случае единой католической Европы с самым активным участием в ее жизни католической России никогда не появилась бы на свет пресловутая «протестантская этика», в реальности как раз и определившая развитие западного мира.

В спорах об этом понятии сломано много копий, но я не раз сталкивался с казусами, когда спорившие имели самое общее представление о предмете дискуссии. А потому постараюсь в меру способностей внести ясность.

И католической, и православной церкви присуще понятие, именуемое «соборность» – уклад жизни, комплекс морально-этических норм, которые безоговорочно осуждают крайний индивидуализм, стремление отдельного человека противопоставить себя окружающей общности единоверцев. Строго говоря, само слово «католический» произошло от древнегреческого «кафоликос» – «соборный» (не случайно и сегодня главы православных армянской и грузинской церквей так и именуются – католикос).

Второй важный момент: и католицизм, и православие начисто отрицают железную предопределенность в судьбе христианина. Проще говоря, Бог дает человеку свободу выбора, а остальное уже зависит от самого человека – погубить свою бессмертную душу греховными поступками или обрести вечное блаженство.

«Протестантская этика», выработанная наследниками Лютера, Кальвина и подобных им фанатиков «реформ», провозглашает как раз обратное: еще до рождения человека вся его жизнь, равно как и судьба, железно предопределены Творцом. Жизнь, по этой теории, видится не ежедневно предоставляющимся шансом выбора меж греховным и добродетельным, а некоей узкой и глубокой траншеей, по которой человек обречен двигаться.

Легко понять, какие выводы были сделаны из этого для повседневной жизни: если человек богат, богатство само по себе автоматически делает его праведником. Если человек беден, он не заслуживает ни капли жалости, сочувствия, помощи – так ему «на роду написано». Более того: делая добро такому, предстаешь нарушителем воли Божьей...

Ну, а всевозможные «дикие туземцы» обречены на то, чтобы быть покорными слугами «белого праведника», одушевленными вещами – в силу того, что у белого есть божьей волею мушкет и кираса, а у голого негра ничего подобного нет...

Именно протестантские Англия и Голландия начали то, что в учебниках именуется «промышленной революцией». Заметим в скобках, что революция эта проводилась типично большевистскими методами. Для набирающих силу мануфактур был необходим не свободный человек с чувством собственного достоинства и некоторой материальной независимостью (этот заломит цену за свою работу, и обходиться с ним придется уважительно), а люмпен в лохмотьях, с которым можно не церемониться. А потому в Англии махровым цветом расцвело так называемое «огораживание» – когда власти (за четыреста лет до русских боль-

шевиков!) разрушали крестьянскую общину, отнимая у крестьян их собственность, т. е. землю. Хваленые «рыночные» методы здесь как раз не действовали – нужно было создать резерв голозадой «рабочей силы». Трудовые резервы, как это потом именовалось в СССР... По данным английских историков, около десяти процентов взрослого трудоспособного населения страны скиталось по дорогам, не в силах найти средства к существованию. Им отрубали руки и уши по «закону против бродяг», клеймили, вешали. В стране вспыхивали восстания – и вновь горели деревни, возглавивших бунты монахов вешали на колокольнях, народу попроще отрубали голову прямо на придорожном бревне.

Впоследствии, когда протестанты отправились искать счастья за океаном, именно их потребности в бесправной рабочей силе привели к гнуснопрославленному расцвету африканской работорговли, когда на Черном континенте погибла древняя самобытная культура тамошних государств и миллионы людей превратились в рабочий скот. Протестанты захватили Индию, а впоследствии под дулами пушек заставили китайцев потреблять опиум...

(Кстати, о колонизации Америки. Известный писатель Алекс де Токвиль сто пятьдесят лет назад написал примечательные строки: «Несмотря на беспрецедентные злодеяния, испанцы, покрывшие себя несмываемым позором, не смогли не только истребить индейцев, но даже запретить им пользоваться равными правами. Американцы в Соединенных Штатах с легкостью добились и того, и другого – спокойно, в рамках законности, прикрываясь филантропией, не проливая крови, не нарушая в глазах мировой общественности ни одного из своих “высоких” принципов морали». Это – к вопросу о католиках и протестантах...)

В нашей виртуальности ничего этого, можно предполагать с большой долей вероятности, не произошло бы. Конечно, были бы свои кровопролития, войны и беды, но, подозреваю, не в пример менее несчастий обрушилось бы на Европу. Наверняка меньше сил и рвения уделялось бы так называемому «техническому прогрессу» – то есть бездумному нагромождению технических новинок, которые, по большому счету, уничтожают природные ресурсы и среду обитания, способствуют росту жертв войны, но никого еще не сделали счастливым. Равным образом, не исключено, удалось бы ввести в какие-то разумные рамки «научную любознательность» – тупое удовлетворение своего любопытства за счет всех остальных членов общества, которое давно уже лежит вне морали и этики. Любая попытка робко спросить: «Зачем?» вызывает презрительные усмешки и попреки в «отсталости» – зато не подвергаются осуждению высоколобые мыслители, у коих при виде атомного взрыва не находится иных слов, кроме восхищенной реплики: «Какая великолепная физика!»)

Конечно, бессмысленно было бы призывать жить при лучине и бить рыбу костяной острой. Однако и порожденные «протестантской этикой» крайности – бездумный «технический прогресс», бесполезное в итоге «развитие науки» восторга не вызывают.

Каким был бы наш двадцатый век в результате развития Европы по католическим канонам? Гораздо менее техногенным, конечно. Возможно, мы сейчас с удивлением взирали бы на первые паровозы и изрыгающие черный дым «пироскафы», а славу исследователей Америки и Африки несли бы не далекие предки европейцев, а наши деды, в большинстве своем еще живые. Возможно, самобытные культуры Америки, Африки, Индии, Дальнего Востока, избежав европейского завоевания, создали бы в сочетании с католической Европой совершенно другую цивилизацию, не столь занятую гонкой за золотом и успехом, не грозящую в кратчайшие сроки уничтожить все живое на планете. Несомненно одно: духовности было бы не в пример больше, а следовательно – больше душевного спокойствия, доброты и любви.

Увы, на пути к этому варианту зловещей тенью высится фигура князя Владимира – тирана, развратника, братоубийцы (возможно, и отцеубийцы), впрыснувшего в вены Руси отдающий тленом византийский яд, чье действие сказывается даже сегодня, когда от Византии остались одни воспоминания...

Виртуальность-2: полумесяц над Россией

Была ли вероятность для России IX столетия принять вместо христианства ислам?

Вполне, и не столь уж малая. Начнем с того, что ислам, в общем, менталитету русского человека несколько не противоречит (что в разное время доказали многочисленные беглецы из нашего отечества в мусульманские страны, принимавшие тамошнюю веру без особых треволнений – начиная с казаков и кончая солдатами кавказских полков. Иные из этих беглецов достигали крайне высокого положения). Разве что запрет на спиртное несколько удручает – но, откровенно говоря, его в мусульманском мире частенько находили способ обойти.

Что гораздо более важно, ислам в своей фундаментальной основе вовсе не несет какого-то отрицательного заряда. По сути, та же «соборность», что и в христианской церкви, то же отсутствие разделения по национальному признаку, аналогичное словам Христа «под солнцем моим (т. е. в церкви моей. – А. Б.) несть ни эллина, ни иудея». И, наконец, почитание многих святых и праведников, которых почитают и христиане. Не зря в Коране написано: «Ближе всех к нам христиане», точнее: «Самые близкие по любви к уверовавшим те, которые говорили: “Мы – христиане!”» (Сура 5, «Трапеза»). И далее: «Прокляты те из сынов Исраила, которые не веровали языком Дауда и Исы, сына Марйам!» Дауд – библейский царь Давид, Иса – Иисус, Марйам – Дева Мария.

К сожалению, в формировании некоего подсознательного страха перед мусульманством повинны европейские пропагандисты, по сути, поставившие знак равенства меж исламом как учением и бородатым экстремистом с автоматом наперевес. Как будто в иных религиях не бывало экстремистов... Никто не станет называть террористов из каких-нибудь «красных бригад» «христианскими фанатиками» – однако боевик-мусульманин сплошь и рядом будет назван «исламским фанатиком», с упором, как правило, даже не на второе, а на первое слово.

Дело в том, что ислам, по большому счету, откровенно злит самим своим существованием кое-кого из тех самых сторонников «протестантской этики». Тех, кто склонен именовать «свободой и демократией» механическое перенесение своих установлений и порядков на другие страны без всякого учета их национальной самобытности. Меж тем нынешние исламские страны вовсе не «отстали» и не «фанатичны» – там просто-напросто отстаивают свое законное право жить так, как жили их деды и прадеды, справедливо полагая, что тринадцативековая история развития под знаменем ислама представляет собой слишком большую ценность, чтобы от нее можно было легко отказаться ради сомнительного «прогресса».

Самый яркий пример полнейшего непонимания «образованным Западом» (и нашей образованщиной, уточню) особенностей и специфики исламского мира – дело Салмана Рушди. Последнего нам усиленно навязывают в качестве «борца за свободу творчества», которого узколобые фанатики отчего-то приговорили к смерти.

Отчего-то? Есть такие понятия «святотатство» и «богохульство». А также знаменитое высказывание о том, что свобода есть осознанная необходимость. Проще говоря, есть святые вещи, которые должны быть избавлены от экспериментов под названием «свобода творчества». Меж тем Рушди в своих «Сатанинских стихах» «изблевал», пользуясь старым русским выражением, «версию», которая стала оскорблением для любого верующего мусульманина – версию о том, что якобы вдохновителем при написании части Корана для Мухаммеда послужил не Аллах, а Сатана...

Нам просто-напросто трудно понять, какой гнусностью это выглядит в глазах ревностно верующего приверженца ислама. Мы сами, увы, далеко не так ревностны в своей вере – а потому преспокойно сглотнули роман Стругацких «Отягощенные злом», где в

грязно-пародийной манере журнала «Безбожник» излагается жизнеописание евангелистов. Но это так, к слову...

Возвращаясь к исламу, стоит упомянуть, что в свое время он распространился по всей Северной Африке практически мирным путем. Города сами открывали ворота перед мусульманскими войсками – поскольку новая жизнь и новое учение казались – и были – не в пример предпочтительнее. Вот, кстати, подлинный приказ калифа Омара, обращенный к его войнам: «Вы не должны быть вероломными, нечестными или невоздержанными, не должны увечить пленных, убивать детей и стариков, рубить или сжигать пальмы или фруктовые деревья, убивать коров, овец или верблюдов. Не трогайте тех, кто посвящает себя молитве в своей келье» (637 г. от Р. Х.).

Обратите особенное внимание на последнюю строчку – речь там идет о прямом запрете причинять вред исповедующим иную веру. В самом деле, ислам всегда отличался веротерпимостью. К язычникам мусульмане относились враждебно – но не к христианам. Все вбитые в наше сознание стереотипы о «мусульманских зверствах» сплошь и рядом не соответствуют истине – или относятся к позднему периоду (конец прошлого – начало нынешнего столетия), когда и в самом деле агонизирующая Османская империя мало напоминала прежние времена широкой веротерпимости...

При вдумчивом изучении истории убеждаешься, что, в общем, любые «турецкие зверства» как минимум, не превосходят того, что творило в разное время христианское воинство. А то и уступают последним. Во все времена люди были склонны преуменьшать зверства своих и преувеличивать *чужие* зверства – а потому мы до сих пор проливаем слезу над участью бедного А. С. Грибоедова (кстати, по достоверным свидетельствам, своим предельно наглым поведением в Тегеране прямо-таки провоцировавшим конфликт), однако совершенно забываем о том, как Бонапарт в Египте своим честным словом пообещал сохранить жизнь мусульманским защитникам крепости Яффа, если они сдадутся, но тут же расстрелял четыре тысячи человек, имевших неосторожность ему поверить. (Отечественный историк А. Манфред уклончиво описал эту историю одной фразой: «При взятии Яффы французы проявили крайнюю жестокость к побежденным». Поневоле вспоминается старая русская поговорка: «Свое г... не пахнет»...)

В современной исторической литературе принято описывать самыми черными красками взятие турками Константинополя в 1453 г. Однако более углубленное знакомство с первоисточниками, мягко говоря, заставляет на многое смотреть по-иному.

Конечно, после взятия города случилась резня – как бывало во все века, религиозная принадлежность победителей и побежденных тут ни при чем. В конце концов, при взятии Варшавы войсками Суворова в 1793 г. казаки-христиане насильствовали, а затем убивали христианских монахинь, а надетых на пики детей таскали по улицам (о чем пишет известный русский историк Костомаров)...

Но вот дальше начинаются события, вовсе не укладывающиеся в традиционную картину «басурманских зверств». Храм Святой Софии турки превращают в мечеть – но множество других христианских церквей остается в неприкосновенности, и в них продолжают службы. Греческие библиотеки оставлены в целости – еще столетие спустя Ожье Бусбек, посол короля Фердинанда в Стамбуле, покупал древние греческие книги возами. Брат погибшего императора константинопольского Деметрий... возвращается в новую столицу Османской империи, ко двору султана! От которого получает пенсию, слуг, телохранителей – и умирает в довольстве глубоким стариком. Следом возвращается его племянник Мануэль – и тоже обретает всевозможные блага, а его сын впоследствии дослужился до высоких постов при султанах.

Стоит ли теперь удивляться, что в XVI веке, когда турки вышли к границам Австрии, на занятую ими территорию массами бежали немецкие и австрийские крестьяне? Причина

проста: налоги на турецкой стороне были не в пример меньше тех, что драли христианские феодалы...

Можно еще добавить, что в реальности зачисление христианских детей в корпус янычар далеко не всегда вызывало потоки слез у их родителей. Янычары в тогдашней Турции играли ту же роль, что впоследствии в петровской России гвардейские полки – роль резерва кадров. Именно выходцы из янычар, подобно русским гвардейским сержантам, делали сплошь и рядом карьеру на военной, «статской» и придворной службе – сохранились свидетельства о том, что явление это, будучи массовым, вызывало неприкрытую зависть «чистокровных» турок. Особенно если учесть, что, кроме янычар, существовали еще «цивильные» учебные заведения, где из христианских детей готовили гражданских администраторов для Османской империи.

Ах да, погромы... Действительно, в Стамбуле имели место так называемые «еврейские» и «христианские» погромы. Вот только вызваны они были отнюдь не религиозными распрями.

Секрет в том, что ислам категорически запрещает давать деньги в долг под проценты, и ремесло ростовщика – одно из самых презираемых в мусульманском мире. Ростовщичеством в Стамбуле занимались главным образом евреи и православные греки. Отсюда и погромы – религиозной подоплеки в них не больше, чем в европейских репрессиях против фламандских и ломбардских банкиров-ростовщиков, таких же католиков, как и их гонители...

Нелишним будет упомянуть, что многие из знаменитых турецких адмиралов были христианами-отступниками.

Другими словами, мусульманский мир никогда не был отделен от христианского непроницаемой стеной и уж никак не являлся этакой «чужой планетой». От взаимопроникновения и взаимного обогащения культур до мощного притока христиан-ренегатов в Турцию (при полном отсутствии обратного движения) – примерно таков диапазон. Вообще, что характерно, Русь до начала XVI столетия практически не ощущала себя «противопоставленной» исламскому миру – впрочем, последующие войны с Турцией были вызваны не столько внутренними потребностями России, сколько нажимом европейских держав, по сути, втянувших наших предков в совершенно ненужную им бойню, как впоследствии втянули нас в Семилетнюю войну...

Какие глобальные, стратегические последствия имело бы принятие Русью ислама?

Прежде всего, возникает интереснейшая проблема: какую ветвь ислама из двух предпочли бы наши предки, суннизм или шиизм?

Излагая слегка облегченно, суть в следующем. Шииты (слово это возникло от «шпат Али» – «партия Али») считают, что святыми «халифами» ислама являются только прямые, кровные потомки Али, зятя пророка Мухаммеда, мужа его дочери Фатимы. Только потомки Али, согласно шиизму, способны считаться имамами, законными духовными руководителями мусульман. Кроме того, шииты признают в качестве обязательного источника веры только Коран.

Сунниты, во-первых, священными книгами признают еще и «сунны» – сборники так называемых «хадисов», рассказывающих о жизни, суждениях и поучениях Мухаммеда. Во-вторых, сунниты считают, что святость человеку дает не происхождение его от пророка, а добродетельная жизнь во славу ислама. Часть почитаемых шиитами халифов признают и сунниты – но только часть, в суннизме есть и другие халифы, именуемые «халифы праведной жизни».

Лично я убежден, что к русскому менталитету гораздо ближе суннизм. А еще более русскому мировоззрению соответствует исламское понятие «калиф» – так назывались прави-

тели, соединявшие обязанности и светского, и духовного владыки. Во всяком случае, именно к этому стремились многие русские великие князья, цари, а впоследствии и император Петр.

И не одни православные... Неоднократно поминавшийся в этой книге Генрих VIII, однажды без затей провозгласивший себя главой новой, «англиканской» церкви, вполне укладывается в понятие «христианского калифа» – хотя, наверное, удивился бы такому определению...

Итак, на историческую арену вступила мусульманская (а вдобавок суннитская) Русь. Попробуем просчитать последствия.

Разумеется, те же междоусобные войны крупных феодалов – от них никогда не был избавлен и мусульманский мир.

И – столь же глобальное изменение политической ситуации в Европе. Тот самый вес, что в «Виртуальности-1» лег бы всей своей немалой тяжестью на чашу Ватикана, теперь, наоборот, заставил бы последнюю взлететь вверх, как воздушный шарик.

Не исключено, что в «Виртуальности-2» Русь с самого начала повела бы целенаправленную экспансию в сторону Константинополя. И могла бы захватить его раньше, чем в Малой Азии появились турки-османы. На Босфоре и в степях Средней Азии слились бы две исламских волны – с юга и севера.

В реальности победа христианства над мусульманством вовсе не выглядит чем-то непреложным. Еще в XVII веке мусульманские пираты добирались до берегов Англии (а южную Италию тревожили и во второй половине века XVIII), а Турция не прекращала попыток проникнуть в глубь Европы вплоть до 1683 г. Именно в этом году под Веной состоялось решающее сражение, после которого Османская империя навсегда отказалась от экспансии в Европу. Объединенное войско Священной Лиги под предводительством польского короля Яна III Собесского (27 000 украинских казаков и польских шляхтичей, около 43 000 немецких, саксонских и франконских солдат) встретилось с 70 000 турок, которыми командовал великий визирь Кара-Мустафа. Двадцатитысячный конный отряд под личным командованием короля Яна опрокинул правое крыло турок, а на левом фланге успех закрепила пехота герцога Лотарингского. Турки потеряли пятнадцать тысяч человек, союзники – три с половиной.

В нашей виртуальности до этого могло и не дойти. Совсем наоборот – христианская Европа вполне могла потерпеть полное и окончательное поражение под совместным натиском испанских мавров, Турции и Московского халифата, поддержанных на море берберийскими корсарами (среди которых, как мы помним, хватало христиан-отступников вроде Хайр-эд-Дина Рыжебородого). Над Парижем, Римом, Веной и Краковом поднялись бы знамена с полумесяцем, и лихая конница московского халифа Иб ана Грозного поила бы лошадей в Дунае. Дальше всех на своем острове продержались бы, конечно, англичане – но вряд ли намного.

Сомнительно, чтобы завоевание мусульманской коалицией Европы привело бы к полному исчезновению христианства – но оно превратилось бы в религию *ничтожной* части европейского населения.

Я не берусь проследить конкретные судьбы каждой европейской страны при таком повороте событий, но кое-какие общие тенденции развития спрогнозировать можно.

Во-первых, как и в «Виртуальности-1», открытие Америки отодвинулось бы на гораздо более поздние времена – поскольку мусульманский мир, располагавший налаженными торговыми связями с Индостанским полуостровом, не нуждался бы в поисках «обходных» путей. Зато с уверенностью можно сказать: попав, в конце концов, в Америку, завоеватели вели бы себя там по отношению к местным религиям ничуть не мягче, чем испанцы-католики из нашей реальности. Язычников, как упоминалось, ислам весьма недолюбливает – а

в глазах благочестивого мусульманина индейские жрецы с их человеческими жертвоприношениями выглядели бы точно так, как в глазах христианских священников...

Во-вторых, как и в первом варианте виртуальности, страны и племена Черной Африки имели бы достаточно времени для самобытного развития – исламский мир не нуждался бы в потоках черных рабов (по крайней мере, в столь масштабных потоках, какие текли в США).

В-третьих, что особенно важно, европейское общество точно так же избежало бы «прелестей» бездумного технического прогресса и промышленной революции на пуританский манер. Исламский мир никогда не отвергал технических новинок, но, по сути, руководствовался теми же принципами «соборности», разве что именовались они иначе. Можно по-разному относиться к эпитету «Большой сатана», которым аятолла Хомейни припечатал Соединенные Штаты, – но есть все основания видеть родство этого выражения и высказывания известного французского ученого Пуанкаре: «Америка пришла к цивилизации, минуя культуру». Потому что оба, и мусульманин, и европеец имели в виду нечто схожее – ярко выраженный дефицит духовности, подмененной гонкой за «прогрессом». Между прочим, атомное оружие, концентрационные лагеря и нацизм – по совести, порождение как раз протестантской цивилизации.

Словом, и в этом варианте будущего мы жили бы, возможно, не в столь техницизированном мире – но жизнь наша, ручаться можно, была бы гораздо спокойнее, а прошлое нашей виртуальности не было бы омрачено атомными взрывами и уничтожением миллионов людей по национальному признаку...

А без винца не остались бы, право, если кого-то беспокоит именно этот аспект. Пошли бы к знакомому мулле, поговорили бы по душам и получили так называемую «фетву» – официальное разрешение от духовного лица употреблять спиртное в лечебных целях. Во всяком случае, уже сотни лет назад иные хитрецы именно так и устраивались...

Но если серьезно, лично для меня остаются привлекательными обе рассмотренные выше виртуальности. Хотя бы потому, что жизнь с верховыми лошадьми и керосиновыми лампами при всем ее кажущемся неудобстве компенсируется тем, что сверху не падают кислотные дожди и ниоткуда не хлыщет невидимым, неосязаемым потоком радиация...

Внимательный и дотошный читатель (а я верю в то, что добравшийся до этой страницы уже не намерен бросать книгу) наверняка может задать вопрос: отчего автор в своих расчетах обеих виртуальностей совершенно не учитывал столь важный и весомый фактор, как татаро-монгольское нашествие, сыгравшее огромную роль в жизни не только Азии, но и Европы?

Вопрос, в общем, резонный. Но лично я намерен ответить на него встречным вопросом: а вы уверены, что существовало татаро-монгольское иго, Чингисхан и Батый?

Сам я в существовании всего этого совершенно не уверен. О чем и поговорим вдумчиво в следующей главе...

Глава четвертая Призрак золотой орды

*Каждое настоящее располагает собственным прошлым.
Р. Дж. Коллингвуд. «Идея истории»*

О том, что известно всем

Классическая, то есть признанная современной наукой версия «монголо-татарского нашествия на Русь», «монголо-татарского ига» и освобождения от ордынской тирании» достаточно известна, однако нелишне будет еще раз освежить ее в памяти.

Итак... В начале XIII столетия в монгольских степях смелый и чертовски энергичный племенной вождь по имени Чингисхан сколотил из кочевников огромное войско, спаянное железной дисциплиной, и вознамерился покорить весь мир «до последнего моря». Завоевав ближайших соседей, а потом захватив Китай, могучая татаро-монгольская орда покадилась на запад. Пройдя около пяти тысяч километров, монголы разгромили государство Хорезм, затем Грузию, в 1223 г. вышли к южным окраинам Руси, где и разбили войско русских князей в сражении на реке Калке. Зимой 1237 г. монголо-татары вторглись на Русь уже со всем своим неисчислимым войском, сожгли и разорили множество русских городов, а в 1241 г. во исполнение заветов Чингисхана попытались покорить Западную Европу – вторглись в Польшу, в Чехию, на юго-западе достигли берегов Адриатического моря, однако повернули назад, потому что боялись оставлять у себя в тылу разоренную, но все еще опасную для них Русь, началось татаро-монгольское иго. Огромная монгольская империя, простиравшаяся от Пекина до Волги, зловещей тенью нависала над Русью. Монгольские ханы выдавали русским князьям ярлыки на княжение, множество раз нападали на Русь, чтобы грабить и разбойничать, неоднократно убивали у себя в Золотой Орде русских князей. Нужно уточнить, что среди монголов было много христиан, а потому отдельные русские князья завязывали с ордынскими властелинами довольно близкие, дружеские отношения, становясь даже их побратимами. С помощью татаро-монгольских отрядов иные князья удерживались на «столе» (т. е. на престоле), решали свои сугубо внутренние проблемы и даже дань для Золотой Орды собирали своими силами.

Окрепнув со временем, Русь стала показывать зубы. В 1380 г. великий князь московский Дмитрий Донской разбил ордынского хана Мамаю с его татарами, а столетием спустя, в так называемом «стоянии на Угре» сошлись войска великого князя Ивана III и ордынского хана Ахмата. Противники долго стояли лагерем по разные стороны реки Угры, после чего хан Ахмат, поняв, наконец, что русские стали сильны и у него есть все шансы проиграть сражение, отдал приказ отступать и увел свою орду на Волгу. Эти события и считаются «концом татаро-монгольского ига».

Версия

Все вышеизложенное – краткая выжимка или, говоря на иностранный манер, дайджест. Минимум того, что должен знать «всякий интеллигентный человек».

Честно говоря, автор этих строк никоим образом не считает себя интеллигентным человеком – вслед за А. П. Чеховым, К. П. Победоносцевым, Ф. М. Достоевским, авторами известного сборника «Вехи», а также Л. Н. Гумилевым, в ответ на вопрос, причисляет ли он себя к интеллигентам, восклицавшего: «Да Боже упаси!» Вопрос о том, что представляет собой так называемая «интеллигенция», чересчур обширен и не укладывается в данную книгу. Это уточнение автор делает исключительно для того, чтобы подчеркнуть: именно непричисление собственной персоны к интеллигенции («образованщине», по Солженицыну) как раз и выработало привычку не следовать рабски «общепринятым теориям», а искать свою собственную дорогу. Я, понятно, имею в виду не стремление «из чистого принципа» писать поперек линованной бумаги, а свое право высказывать сомнения в «общепринятых теориях» – в тех случаях, когда эти теории, на мой взгляд, страдают полнейшей нелогичностью, натяжками и закоснелостью.

Можно было пойти по избитой дорожке авторов иных детективов: долго интриговать читателя, чтобы потом огорошить сенсацией. Лично мне гораздо более близок метод, который Конан Дойл отдал на вооружение безупречному логичу Шерлоку Холмсу: сначала излагается *подлинная* версия случившегося, а потом – цепочка рассуждений, которые и привели Холмса к открытию истины.

Именно так я и намерен поступить. Сперва изложить собственную версию «ордынского» периода русской истории, а потом на протяжении пары сотен страниц методично обосновывать свою гипотезу, ссылаясь не столько на собственные ощущения и «озарения», сколько на летописи, работы историков прошлого, оказавшиеся незаслуженно забытыми.

Итак. Я намерен доказать читателю, что вкратце изложенная выше классическая гипотеза напроць неверна, что происходившее на самом деле укладывается в следующие тезисы:

1. Никакие «монголы» не приходили на Русь из своих степей.

2. Татары представляют собой не пришельцев, а жителей Заволжья, обитавших по соседству с русскими задолго до пресловутого «нашествия».

3. То, что принято называть татаро-монгольским нашествием, на самом деле было борьбой потомков князя Всеволода Большое Гнездо (сына Ярослава и внука Александра) со своими соперниками-князьями за единоличную власть над Русью. Соответственно, под именами Чингисхана и Батыея как раз и выступают Ярослав с Александром Невским.

4. Мамай и Ахмат были не налетчиками-пришельцами, а знатными вельможами, согласно династическим связям русско-татарских родов имевшими права на великое княжение. Соответственно, «Мамаево побоище» и «стояние на Угре» – эпизоды не борьбы с иноземными агрессорами, а очередной гражданской войны на Руси.

5. Чтобы доказать истинность всего вышеперечисленного, нет нужды ставить с ног на голову имеющиеся у нас на сегодняшний день исторические источники. Достаточно перечитать многие русские летописи и труды ранних историков вдумчиво. Отсеять откровенно сказочные моменты и сделать логические выводы вместо того, чтобы бездумно принимать на веру официальную теорию, чья весомость заключается главным образом не в доказательности, а в том, что «классическая теория» просто-напросто устоялась за долгие века. Достигнув стадии, на которой любые возражения перебиваются железным вроде бы аргументом: «Помилуйте, но ведь это ВСЕМ ИЗВЕСТНО!»

Увы, аргумент только выглядит железным... Всего пятьсот лет назад «всем известно» было, что Солнце вертится вокруг Земли. Двести лет назад Французская академия наук

в официальной бумаге высмеяла тех, кто верил в падающие с неба камни. Академиков, в общем не стоит судить слишком строго: и в самом деле «всем известно» было, что небо представляет собою не твердь, а воздух, где камням неоткуда взяться. Одно немаловажное уточнение: никому не было известно, что за пределами атмосферы как раз и летают камни, способные частенько падать на землю...

Об истории, историках и фактах

Известный английский историк и философ Р. Дж. Коллингвуд, строчка из книги которого справедливо взята эпиграфом к данной главе, оставил интереснейшую работу как раз по интересующему нас вопросу: как оценить степень достоверности тех или иных исторических фактов?

Коллингвуд писал: «Критерием истины, оправдывающим его (историка. – А. Б.) утверждения, никогда не служит тот факт, что их содержание было дано ему источником». Считая, что, кроме механического восприятия запечатленных древним хронистом фактов, историк должен еще учитывать «достоверность» в качестве пробного камня, с помощью которого мы решаем, являются ли эти факты истинными, Коллингвуд приводит: «Светоний говорит мне, что Нерон одно время намеревался убрать римские легионы из Британии. Я отвергаю это свидетельство Светония не потому, что какой-нибудь более совершенный источник противоречит ему, ибо, конечно, у меня нет таких источников. Я отвергаю его, ибо, реконструируя политику Нерона по сочинениям Тацита, Я НЕ МОГУ СЧИТАТЬ, что Светоний прав... я могу включить то, о чем поведал Тацит, в собственную связную и цельную картину событий и не могу этого сделать с рассказами Светония».

Проще говоря, любой вдумчивый исследователь имеет право на построение собственной версии – при условии, что она не противоречит логике, здравому смыслу, тому, что нам в общих чертах известно о данной эпохе. Скажем, можно с большой степенью вероятности утверждать: человек, исповедующий христианство, никогда не прикажет казнить другого человека за *отказ* поклониться языческим богам. Однако в повествованиях о «злых татаровьях» мы еще столкнемся с этим парадоксом: христианин-хан из Золотой Орды вдруг велит казнить русского князя-христианина за отказ поклоняться языческому кумиру...

Выводов здесь может быть только два: либо летописец напутал и хан – вовсе не христианин, либо эта история – выдумка...

Но не будем забегать вперед, вернемся к Коллингвуду.

«...любой источник может быть испорчен: этот автор предубежден, тот получил ложную информацию, эта надпись неверно прочтена плохим специалистом по эпиграфике, этот черепок смещен из своего временного слоя неопытным археологом, а тот – невинным кроликом. Критически мыслящий историк должен выявить и исправить все подобные искажения. И делает он это, только решая для себя, является ли картина прошлого, создаваемая на основе данного свидетельства, связной и непрерывной картиной, имеющей исторический смысл».

В самом деле, мы, порой, с излишним почтением относимся к полуистлевшим летописям, забывая, что писали их *люди*. Обуреваемые всеми человеческими страстями – от желания написать лишнюю, высосанную из пальца гадость про нелюбимого боярина до умышленного искажения истины по приказу своего князя, с которым не больно-то и поспоришь. Предубеждения и ложная информация... Любопытно, что на родине Коллингвуда, в Англии, во время Первой мировой войны родился любопытный миф о полках регулярной русской армии, которые, высадившись где-то на севере Британии, походным маршем прошли к Ла-Маншу, спеша помочь союзникам, после чего переправились во Францию и ринулись в бои с «проклятыми бошами».

Никогда ничего подобного не было. Русские части попадали во Францию морем, без захода в Англию. И тем не менее британские писатели и журналисты не единожды сталкивались с «очевидцами», своими глазами зрившими, как шагали с бодрой незнакомой песней русские усачи-союзники...

А погибни в каком-нибудь катаклизме *правдивые* документы? И попади запись о «проследовавших через Англию русских» к историку следующей цивилизации, веке в XXIII разбирающем жалкие остатки письмен предшественников? Ведь внесет в свой ученый труд – и академик, глядишь, получит...

И наоборот. В Ипатьевской летописи, которой историки склонны доверять больше, чем некоторым другим, есть краткая запись: «В лето 6750 не бысть ничтоже» – то есть, «не было ничего». Меж тем лето 6750 – это 1242 год! Тот самый год, когда Александр Невский разбил на Чудском озере псов-рыцарей! Представьте, что из *всех* русских хроник до нас дошла бы *одна*, Ипатьевская... То-то.

Вновь слово Коллингвуду: «Мы уже знаем, чем не является свидетельство. Оно – не готовое историческое знание, которое должен поглотить и низвергнуть обратно ум. Свидетельством является все, что историк может использовать в качестве такового... Обогащение исторического знания осуществляется главным образом путем отыскания способов того, как использовать в качестве свидетельства для исторического доказательства тот или иной воспринимаемый факт, который историки до сего времени СЧИТАЛИ БЕСПОЛЕЗНЫМ... В истории, как и во всех серьезных предметах, никакой результат не является окончательным. Свидетельства прошлого, находящиеся в нашем распоряжении при решении любой конкретной проблемы, меняются с изменением исторического метода и при изменении компетентности историков... Каждый новый историк не удовлетворяется тем, что дает новые ответы на старые вопросы: он должен пересматривать и самые вопросы».

Справедливость последнего утверждения блестяще подтвердилась за последние десять лет нашей с вами истории. Сначала дошло до того, что молодые люди году в 1986-м не знали, кто такие Бухарин и Берия (факт, зафиксированный в печати). Потом, с возвращением многих вычеркнутых из не такой уж давней истории имен какое-то время «диссиденты», «демократы» и «либералы» внушали обществу, что все беды происходят от злодея Сталина, искажившего благостные и гуманнейшие «ленинские заветы», к которым следует непременно вернуться¹⁶. И лишь впоследствии, не так уж давно, отважились признать, что эти «ленинские принципы» на деле – свод палаческих установлений, и самый кровавый террор творился как раз при «дедушке Ильиче». Причины таких зигзагов лежат на поверхности: чересчур уж многие «демократы» и «диссиденты» были детьми и внуками ленинских палачей, а на Сталина злобились главным образом из-за того, что он, наводя глянец на *красную* историю России, без малейшей жалости перестрелял «комиссаров в пыльных шлемах», ибо их дальнейшее существование никак не сочеталось с «приличным» вариантом советских мифов... Вернемся к летописям и хроникам. Как уже говорилось, авторы могли о чем-то не знать, что-то пропускать умышленно, что-то исказить (не обязательно умышленно). Далеко не все летописи и хроники дошли до нашего времени – вспомним Татищева и *десяток* разных вариантов одной и той же древней хроники. Мало того, мы подчас не можем быть уверены, что под теми датами, что указаны в летописях, подразумеваются именно те, которые приняты *нами*...

Простой пример. Древнерусские летописи датируются нынешними историками исключительно на основании «византийского» варианта летоисчисления, где дата сотворения мира – 5508 г. до нашей эры.

Меж тем, кроме этой даты, именуемой либо «византийской», либо «константинопольской», имелись и другие. Приведем лишь некоторые:

5969 («антиохийская», или «дата сотворения мира по Феофилу»);

¹⁶ В «перестроечные» времена иные витии проливали слезы по поводу участи пресловутого генерала Григоренко, которого держали в психушке за то, что он в начале 70-х требовал «вернуться к ленинским нормам жизни». По моему личному убеждению – за такие желания надо не просто держать в психушке, а держать безвылазно...

5493, 5472, 5624 (разные точки отсчета так называемой «александрийской» датировки, или «эры Анниана»);
4004 (еврейская, Ашер);
5872 (датировка «70 толковников»);
4700 (самарийская);
3761 (иудейская);
3941 (Иероним);
5500 (Ипполит и Секст Юлий Африканский);
5515 (Феофил);
5507 (Феофил);
5199 (Евсевий Кесарийский);
5551 (Августин).

Список далеко не полон – историкам известно около двухсот различных версий «даты сотворения мира». Так что, вполне возможно, автор Ипатьевской летописи ничуть не ошибся. Просто-напросто *его* 6750 год от сотворения мира – вовсе не *наша* 1242 год... Просто-напросто он отсчитывал не от той точки, что принята нами. И в том году (неизвестно теперь, в котором) и впрямь не произошло ровным счетом ничего интересного, достойного упоминания...

И не стоит воображать, будто только *наша* история требует дополнительных исследований. Один из самых ярких примеров – нынешняя Англия. Вот уже триста лет между историками, писателями и просто теми, кто знает и любит свою историю, идет самый ожесточенный спор: кто виноват в убийстве двух малолетних детей Эдуарда IV – Ричард III или победивший его в междоусобной войне Генрих VII¹⁷. И спор этот отнюдь не келейный – в 1980 г. британский парламент был вынужден принять специальную поправку к так называемому «закону о защите доброго имени» исключительно потому, что сторонники реабилитации Ричарда принялись таскать по судам своих оппонентов...

Итак, до наших времен не дошли иные летописи, которые, вполне возможно, выражали совершенно другую точку зрения на некоторые исторические события. Ни один ученый новейшего времени не держал в руках (и никогда уже не сможет этого сделать) так называемый «Летописец Затопа Засекина»). Выше говорилось, что бесследно пропали летописи, послужившие основой для трудов Мавро Орбини, Бельского и Стрыйковского – исчисляются они многими *десятками*...

Кроме того, при исторических исследованиях необходимо учесть и другие немаловажные факторы.

Во-первых, иные «знакомые» географические названия частенько носили в средневековье совсем не те города и местности, которые мы знаем сегодня. Какой маршрут возникнет у вас перед глазами, когда вам доведется прочесть строчку из летописи X века: «Сим летом витязь Гремислав поехал из Москвы в Краков обвенчаться с невестою»? Ручаться можно, решите, что Гремислав ехал из нынешней Москвы в нынешний Краков...

И ошибетесь! Когда-то в Германии существовала *вторая* Москва (сообщение об этом было сделано еще в 1958 г. на международном конгрессе славистов). А кроме овечьего дыханием веков польского Кракова существовал еще один – замок в Чехии, именовавшийся до XII века, когда был разрушен, то «Краковец», то «Краков». Вот и получается: без дополнительных данных ни за что не определить, из *какой* Москвы в *какой* Краков скакал наш витязь.

Рыцари-крестоносцы, переселившись из Палестины на балтийские берега, должно быть, испытывали немалую ностальгию по далекой теплой земле. От них сохранилось

¹⁷ Любителям детективного жанра эта история известна по великолепному роману Д. Тей «Дочь времени».

много документов, где географические названия как раз *привязаны* к Палестине! Иные из своих замков рыцари именовали «Иерусалимом», язычников-пруссков и язычников-жмудин – «сарацинами», деревням сплошь и рядом давали названия, заимствованные из Палестины. Иные из этих документов вполне могут быть приняты за рассказы о *палестинских* буднях крестоносцев. Как же, все детали налицо: Иерусалим, сарацины...

Во-вторых, не следует забывать, что у многих наших предков (точнее, у всех) было по *несколько* имен. Даже простые крестьяне носили как минимум *два* имени: одно – мирское, под которым человека все и знали, второе – крестильное.

Один из самых известных государственных деятелей Древней Руси, киевский князь Владимир Всеволодич Мономах, оказывается, знаком нам под *мирским*, языческим именем. В крещении он был Василием, а его отец – Андреем, так что звался Василий Андреевич Мономах. А его внук Изяслав Мстиславич согласно своему и отца своего крестильным именем должен зваться – Пантелеймон Федорович! Крестильное имя порой оставалось тайной даже для близких – зафиксированы случаи, когда в первой половине XIX (!) столетия безутешные родные и близкие лишь после смерти главы семьи узнавали, что на надгробном памятнике следует написать совсем другое имя, которым покойный, оказывается, был крещен... В церковных книгах он, скажем, значился Ильей – меж тем всю жизнь его знали как Никиту...¹⁸

То же касается и людей известных – князей, бояр, воевод. В Разрядной книге (официальном государственном документе Московского царства, куда на протяжении полутора столетий вносились имена всех, командовавших полками), воевода И. М. Пронский значится еще и как «Турунтай». «Турунтай» – его *прозвище*. Разрядную книгу вполне можно сравнить с сегодняшней картотекой Министерства обороны. А теперь представьте, что в картотеке значится запись: «Грачев П. С. – генерал армии, он же Паша-Мерседес».

Впрочем, мы уклонились от темы. Представим, что ни один экземпляр Разрядной книги не дошел до наших дней. Зато есть два сообщения в хрониках: «В лето сие Пронский со своим полком воевал с крымцами» и «Нынче Турунтай зело добро бил свеев». Вполне может оказаться, что наш воевода попадет в учебники, как два *разных* человека...

Еще пример. Перед нами несколько русских военачальников допетровской поры: И. В. Ногавица-Пестрый, Засекин-Сосун, Солнцев и Черный-Совка. Как по-вашему, что их объединяет?

Да принадлежность к древнему княжескому роду. Фамилия у каждого одна и та же: Засекин. Но в документах своей эпохи они сплошь и рядом обозначаются *прозвищами*.

Князь и воевода, славный победой над ханом Сет-Гиреем на реке Проне в 1534 г., значится в одном русском историческом труде под именем... «Тать Иван». Достаточно небольшого недоразумения, чтобы сей воевода угодил в современную книгу по истории как предводитель разбойничьей шайки. Ну как же – «тать Иван», общеизвестно, что «тать» означало – разбойник...

Тура, Темер, Туратемир... Это – один и тот же человек, золото-ордынский мурза *Тука-темир*, известный тем, что был союзником городецкого князя в войне против переяславского.

Тамерлан, Тимурленг, Темир-Аксак – опять-таки один и тот же человек. Он же – Темир-Кутлу...

Как видим, особенно полагаться на географические названия и имена опасно. Первые сплошь и рядом «странствуют» по карте, а вторых у одного-единственного человека порой оказывается так много, что он вполне способен раздвоиться, а то и разстроиться в последующих трудах ученых... Кстати, эта тенденция удерживалась и в последующие века: тот, кто

¹⁸ В одной из новгородских берестяных грамот упоминается житель города по имени... Черт!

не силен в истории, вряд ли поймет, что за воителя описывают турки под именем Топал-паши. Между тем речь идет о фельдмаршале Суворове...

Как мы увидим в дальнейшем, ничего невероятного нет в том, что один из персонажей древнерусской истории мог быть известен современникам как «Александр Ярославич Невский по прозвищу Батый». Особенно если учесть, что у половцев было когда-то распространено имя *Бастый*.

Географические названия (не только городов, но и стран!) перемещаются по карте, один и тот же человек может быть известен под несколькими разными именами (что иногда вносит путаницу), точные датировки тех или иных событий нам сплошь и рядом неизвестны (поскольку наши предки и мы пользуемся разными системами отсчета исходных дат). Летописец был пристрастен, а то и выполнял прямой заказ...

Есть и обратная сторона медали. Для тех случаев, когда летописец был стопроцентно честен. У современных историков порой проявляется крайне непонятное стремление «поправить *очевидца* события, которое сами они наблюдать никак не могли. Однако отчего-то считают, будто «знают лучше».

Несколько простых примеров. Доктор исторических наук Ю. А. Мыцык поправляет историка XVII века: «Первый крупный поход за пределы Монголии был совершен Чингисханом не в 1209 г., а в 1162». Читатель может подумать, будто за последние триста лет в руки ученых попали некие *документы* с точными датами...

Нет никаких документов. Просто-напросто в последнее время ученые *договорились* считать, будто дата «первого крупного похода Чингисхана» была другой. Следовательно, историк, живший гораздо ближе ко времени описываемых им событий... ошибается.

«Автор *ошибочно* считает, будто не новгородский народ, а князья решили истребить ордынских баскаков».

Почему же ошибочно? Быть может, прав как раз «автор», у которого были перед глазами кипы неизвестных нашим историкам рукописей? А не историки – это ведь *они* постановили считать, что против баскаков попер черный народ с выдернутыми из плетня кольями...

Одним словом, сплошь и рядом с исторического Олимпа пудовым камнем падают презрительные приговоры: «Летописец ошибался», «автор хроники был не прав». *Очевидец* события, извольте ли видеть, был не прав. Не понимал, что он видел – пока в XX столетии не разъяснили...

Я не преувеличиваю. До сих пор можно наткнуться на утверждение, будто западно-европейские путешественники, *своими глазами* видевшие татар-христиан... ошибались. По невежеству своему. Видели какой-то шаманский обряд, но из глупости, а может, спьяну описали его как христианское богослужение. Историки двадцатого века знают лучше, им с горы виднее... У них – *метод*.

Хотите ближе познакомиться с иными «методами»? Извольте.

Перед вами – древние изображения лабиринтов. Несведущему глазу ясно, что фигуры (*рис. 1 и 2*) похожи как близнецы-братья. Однако первый лабиринт ученые почему-то относят к «этрусским изображениям VII века до н. э.», а второй – к «мегалитической плите середины VI тысячелетия до н. э.» То же – и со второй парой. Снова сходство, которое никак нельзя объяснить случайностью (или все же признать, что древние мастера *пять тысяч лет* держали в памяти классические образцы?). Однако *рис. 3* – по мнению ученых, вновь мегалитическое изображение VI тысячелетия до н. э., а *рис. 4* – аверс древнегреческой монеты 450 г. до н. э.

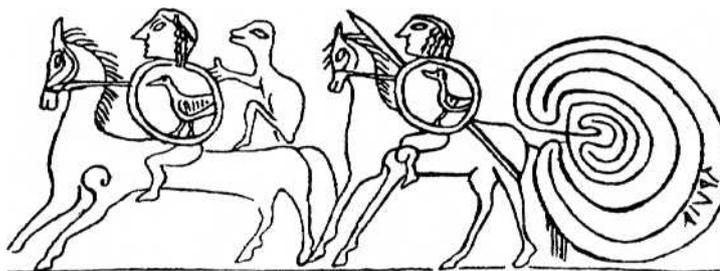

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Ученые историки откалывают номера и похлеще... Вот что пишет черным по белому некий В. Янин: «Если в слое, обнаруженном при раскопках, встречаются изделия из стекла и шифера, сердоликовые бусы, ювелирные вещи, украшенные эмалью, сканью и зернью – значит, перед археологами остатки домонгольского периода. Если всего этого нет – мы вошли в следующий исторический период».

Каково? В переводе на нормальный человеческий язык сие означает следующее: наш историк и подобные ему умники однажды *договорились* считать, что монголо-татарское нашествие привело к полному истреблению всех древнерусских ювелиров и исчезновению изящных ремесел. А посему никто не проводит экспертиз, радиоуглеродных анализов – возраст находок определяется гораздо проще: есть ювелирные изделия – дело было до татар, нет ни единой сережки или браслетика – значит, раскопки вскрыли слой XIV века... Поражительная точность датировки!

По-моему, это больше напоминает школьные ухищрения, когда нерадивый Вовочка украдкой заглядывает в конец учебника, а потом подгоняет задачу под известный ему результат.

В этом и состоит ахиллесова пята истории как науки – в отличие от других дисциплин, здесь совершенная однажды ошибка может продержаться столетиями. Кто-то однажды сделал ошибочный вывод (а мешающие его концепции древние памятники попросту отбросил) – и ошибка за долгие века обрастает сотнями толстых томов, чьи авторы лишь добросо-

вестно ПЕРЕСКАЗЫВАЮТ некогда изреченную «мудрость», не внося ничего своего. Потом подключаются писатели, поэты, художники. Концепция обрастает сотнями романов, картин, а в нашем веке – еще и фильмов... В результате она становится чем-то столь священным, что одна мысль о пересмотре устоявшихся канонов выглядит жутчайшей ересью.

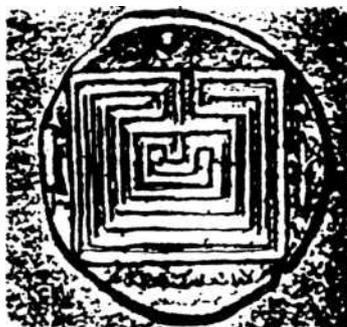

Рис. 4

Между прочим, автор выше процитированных строк о «бусах и ювелирных вещах» тут же попал в собственную ловушку – обычно так оно и случается... Я прошу читателя набраться терпения и внимательно прочитать следующий текст, который ради чистоты эксперимента привожу полностью, без малейших изъятий.

«О, светло светлая и прекрасно украшенная земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озерами многими славишься, реками и источниками местночтимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями, разнообразными птицами, бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими, храмами божьими и князьями грозными, боярами честными и вельможами многими. Всем ты преисполнена, земля Русская, о православная вера христианская!

Отсюда до угров и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев, до немцев, от немцев до карелов, от карелов до Устюга, где обитают поганые тоймичи, и за Дышащее море; от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордцы – все с помощью божьею покорено было христианским народом, поганые эти страны повиновались великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю киевскому, деду его Владимиру Мономаху, которым половцы своих малых детей пугали. А литовцы из болот своих на свет не появлялись, а венгры укрепляли каменные стены своих городов железными воротами, чтобы их великий Владимир не покорил, а немцы радовались, что они далеко – за синим морем. Буртасы, черемисы, вьда и мордва бортничали на великого князя Владимира. А император царьградский Мануил от страха великие дары посылал к нему, чтобы великий князь Владимир Царьград у него не взял.

И в те дни – от великого Ярослава, и до Владимира, и до нынешнего Ярослава, и до брата его Юрия, князя владимирского, обрушилась беда на христиан...»

Я привел *весь* древний документ, дошедший до нашего времени. Теперь попытайтесь отгадать, как он именуется в нашей официальной историографии. Точнее, о *чем* повествует. Повторяю, перед вами *весь* документ, целиком.

Так вот, именуется этот текст «Слово о погибели русской земли» и в каждой публикации объявляется «отрывком из не дошедшего до нас в целостности поэтического произведения»... О ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОМ НАШЕСТВИИ!

Перечитайте документ еще раз, не поленитесь. Сами сделайте выводы: есть ли в нем хоть слово, которое можно истолковать как сообщение о татаро-монгольском, и вообще *иноземном* нашествии?

Нет там ничего подобного. Кроме горестной констатации: «...обрушилась беда на христиан». Но ни словечком не упоминается о том, какая это беда...

Именно этот памятник древнерусской литературы и стал для меня одной из отправных точек. Именно с него и следует начать наше историческое расследование, набраться смелости и признать: что-то нечисто с «татаро-монгольским» нашествием.

Тот самый В. Янин, чертовски насмешивший рассказом о столь потрясающем воображение методе датировки древних раскопов, чуть ниже написал следующее: «Историк не может взять в руки половину обгоревшей страницы и сказать: другая половина сожжена в годину монголо-татарского разорения. Потому что книги и документы сгорают целиком и ветер развеивает их пепел».

Вот тут он, по-моему, прав на все сто. Либо сгорают целиком, либо... «Слово о погибели русской земли» (по некоторым предположениям, служившее введением к «Житию Александра Невского»), известно только в двух списках – в том виде, в каком вы его только что прочитали. Больше всего это похоже не на «половину сгоревшей страницы», а на документ, который аккуратно и умышленно *разорвали* пополам, оставив то, что работало на определенную версию, и уничтожив (боюсь, навсегда) остальное... Вряд ли в уничтоженной части речь шла о «нашествии монголов». Скорее уж о неких сведениях, напрочь противоречивших официальной версии, а потому ветер и развеивал пепел...

Логика сторонников «классической версии» проста. Князья, упомянутые в «Слове», Ярослав Всеволодович и его брат Юрий, как раз и жили во времена монголо-татарского нашествия. Следовательно, «беда», о которой идет речь, может быть истолкована исключительно как татаро-монгольское нашествие. Что ж, в известной логике отказать нельзя.

Однако такая логика действует до строго определенных пределов. До тех пор, пока не начались поиски *других* кандидатов на роль мифических «монголо-татар»...

Где монголы?

В самом деле, где «лучшая половинка» навязшего в зубах выражения «монголо-татарская» орда? Где собственно монголы, согласно иным ретивым авторам, составлявшие некую аристократию, цементирующее ядро накатившегося на Русь воинства?

Так вот, самое интересное и загадочное в том, что ни один *современник* тех событий (или живший во времена довольно близкие) не в силах отыскать монголов! Их попросту нет – черноволосых, раскосоглазых людей, тех, кого, не мудрствуя, антропологи так и именуют «монголоидами». Нет, хоть ты тресни!

Удалось проследить лишь следы двух, безусловно, пришедших из Центральной Азии монголоидных племен – джалаириров и барласов. Вот только пришли они не на Русь в составе армии Чингиза, а в... Семиречье (район нынешнего Казахстана). Оттуда во второй половине XIII века джалаиры откочевали в район нынешнего Ходжента, а барласы – в долину реки Кашкадарья. Из Семиречья они «...пришли в какой-то мере отюреченными в смысле языка. На новом месте они настолько уже были отюречены, что в XIV веке, во всяком случае, во второй его половине, считали своим родным языком тюркский язык» (из фундаментального труда Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского «Русь и Золотая Орда» (1950).

Всё. Каких бы то ни было *других* монголов историки, как ни бьются, обнаружить не в состоянии. Русский летописец среди народов, пришедших на Русь в Батыевой орде, ставит на первое место «куманов» – то есть кипчаков-половцев! Которые жили не в нынешней Монголии, а практически под боком у русских, которые (что я докажу позднее) имели свои крепости, города и деревни!

Арабский историк Эломари: «В древности это государство (Золотая Орда XIV века – А. Б.) было страной кипчаков, но когда им завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они, то есть татары, смешались и породнились с ними, и все они точно стали кипчаками, как будто одного рода с ними».

О том, что и татары ниоткуда не приходили, а испокон веков жили поблизости от русских, я расскажу немного погодя, когда взорву, честное слово, нешуточную бомбу. А пока что обратим внимание на крайне важное обстоятельство: *никаких монголов* нет. Золотая Орда представлена татарами и кипчаками-половцами, которые относятся не к монголоидам, а к нормальному европеоидному типу: светловолосые, светлоглазые, ничуть не раскосые... (И язык у них схож со славянским.)

Как Чингисхан с Батыем. Древние источники рисуют Чингиза высоким, длиннобородым, с «рысьими», зелено-желтыми глазами. Персидский историк Рашид ад-Дин (современник «монгольских» войн) пишет, что в роду Чингисхана дети «рождались большей частью с серыми глазами и белокурые». Г. Е. Грумм-Гржимайло упоминает «монгольскую» (монгольскую ли?!) легенду, согласно которой предок Чингиза в девятом колене Бодуаньчар – белокурый и голубоглазый! А тот же Рашид ад-Дин пишет еще, что само это родовое имя Борджигин, присвоенное потомкам Бодуаньчара, как раз и означает... Сероглазый!

Кстати, точно так же рисуется и облик Батыя – светловолос, светлород, светлоглаз... Автор этих строк всю свою сознательную жизнь прожил не так уж и далеко от тех мест, где якобы «создавал свое неисчислимое войско Чингисхан». Уж кого-кого, а исконно монголоидного народа рассмотрел достаточно – хакасов, тувинцев, алтайцев, да и самих монголов. Нет среди них светловолосых и светлоглазых, совсем другой антропологический тип...

Между прочим, ни в одном языке *монгольской* группы нет имен «Бату» или «Батый». Зато «Бату» имеется в башкирском, а «Бастый», как уже говорилось, – в половецком. Так что само имя Чингизова сына произошло определенно не из Монголии.

А в Южной Европе, в Болгарии, обнаружился... «могучий царь Батой!» Вот только он не татарин и не монгол вовсе...

В 1972 г. в Софии к юбилею одного из своих самых известных и уважаемых историков прошлого Паисия Хилендарского болгары издали двухтомник его трудов. Точнее, это одна и та же книга, «История славяноболгарская», только первый том – факсимильное воспроизведение оригинала на староболгарском почти ничем не отличавшимся от старославянского языка наших предков, второй – перевод на современный болгарский язык.

Чтение потрясающее!

Вот что поведал Паисий: «После 678 г. в Болгарии воцарился сильный и благополучный царь Батой... забрал от греческого царя Охридскую землю и поставил в Охриде болгарскую крепость, а еще перенес туда свой царский престол. И был славен в битвах царь Батой, и страшен прилегающим державам. Как пишет Бароний, долго ему два рискованного царя платили дань... Теофан-летописец сказывал: “Когда болгары с могучей силой пришли к кесарю, тот пожелал с ними иметь мир и обещал им платить постоянную дань, и было то великим срамом для римского царства. Настоящее чудо то было – ведь тот царь взимал дань от турков и других окрестных царей, но был побежден тем сильным народом и ему давал дань”. С той поры царь Батой в истории пишется выше всех болгарских царей, кои до него правили».

Интересно, верно? «После 678 г.» римский император взимает дань с турок, которым согласно официальной истории вроде бы ниоткуда еще взятая. «Бароний», на которого ссылается Паисий – это Чезаре Баронио, он же Цезарь Бароний (1538–1607), римский кардинал и историк, автор «Анналов» в 12 томах, составленных с позиций «короткой» хронологии. Теофан – византийский хронист. Любопытно, что Паисию Хилендарскому известен *один* лишь «крал Батой»: болгарский историк и знать не знает никакого «татарского царя Бытия», он вообще не упоминает о «великом татарском войске», вторгавшемся в Европу, целиком поглощенный сугубо балканскими делами!

А вот, что пишет Паисий Хилендарский о происхождении славян: «У Иафета был один сын, нареченный Мосхос. От его племени и рода и отделился наш славянский род. И род этот, и язык были наречены Мосхосовыми. И пошли они к полуночи, в северную страну, где ныне лежит московская земля. По имени того Мосхоса, своего пращура, нарекли они реку, на которой сели Москвою, а по ней и селище. Потом обустроили его городом и основали там царский престол. И по этим причинам нарекли себя московцами, как зовутся и по сей день. Была в Московской земле одна страна по имени Скандавия. Когда все расселились, те, кто там осел, стали называться скандаляне. Те скандаляне много времени спустя, умножившись в количестве, пошли на запад, к земле у Океана-моря. Называлось то море Балтийско и Полярско. И поселились означенные скандаляне вблизи Брандибура, и по имени тех скандалян нарекли тот род славянами – так и до нынешнего дня ведется. Те, кто не пошел, а остался, зовутся славяне. Святой Кирилл и Мефодий их покрестили, нарекли наши книги, весь род и язык славянским. Они правильнейшим и чистым образом говорят славянским языком и употребляют много оборотов, похожих на болгарские обороты, но придерживаются сегодня римской веры и завзято воюют со страной немецкого царя. Римляне эти подчиняются власти папы. Они одного рода и языка с болгарами. Было время, когда населили и ту землю, и Брандигур немцы и пошли к Московской земле. Но московитяне и русские не пустили их в свою землю, и произошла великая война и сеча. Победившие в этой войне заселили области возле реки Болга, коя течет с юга на север через Московскую державу и вливается в Океан-море. По имени той реки Болги славян сих нарекли болгарами, как зовутся они до сего дня. И жили они в той земле долго, до 378 г. от рождества Христова».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.